

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

3/2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 3 • 2018 • ИЮЛЬ – СЕНТЯБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Воюцкая А.А. Процесс принятия решений в переводе: приемлемость и предпочтительность. 3
- Коровкина М.Е. Об интерпретационных и компетентностных факторах перевода 17

Методология перевода

- Моисеенко Д.А. Достижение эквивалентности и адекватности при переводе фразеологизмов в статьях средств массовой информации 31
- Цзинь Ифан. Развитие межъязыковых больших данных и корпуса китайского языка 44

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Алиева У.Н. *гызы*. К вопросу о специфических аспектах перевода 51
- Борисова Л.В., Иванова А.М. Кластер «культурные растения» в языковой картине мира (русско-чувашские параллели) 65
- Жантурина Б.Н. Лингвоколизмы в художественном переводе. 80
- Хуснулина Р.Р. Языковые реалии, их значение в поэтике повести Джона Фаулза «Элидюк» 92

Лингводидактика и дидактика перевода

- Ветчинова М.Н. Перевод как метод обучения иностранному языку (из истории методики перевода XIX в.) 104
- Юе Жуйин. Теоретические основы методики обучения устному переводу в Китае. 111

Памяти

- Катарина Райс (1923–2018) 124

Хроника научной жизни

- Есакова М.Н., Колюцова Ю.Н. Международный молодёжный образовательный форум «Языки, культуры, перевод» 128

Рецензии

- Ощепкова В.В. Перевод и переводы: история и современность. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 100 с. 131

Contents

General Translation Theory

- Voyutskaya, A.A.* Decision-making in translation: acceptability and preferability 3
- Korovkina, M.Ye.* Interpretation and competence factors in translation 17

Translation Methodology

- Moiseyenko, D.A.* Achieving equivalence and adequacy in translation of phraseological units in the press. 31
- Jin Yifang.* The development of interlingual big data and corpora of the Chinese language 44

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Aliyeva, H.N.* Special aspects of translation 51
- Borisova, L.V., Ivanova, A.M.* The “Cultivated Plants” cluster in the linguistic world image: Russian and Chuvash parallels 65
- Zhanturina, B.N.* Linguocolorisms in literary translation. 80
- Khusnulina, R.R.* Language realia and their meanings in John Fowles’s *Eliduc* 92

Linguodidactics and Didactics of Translation

- Vetchinova, M.N.* Translation as a way of teaching foreign languages: a case study of translation teaching methods used in the 19th century 104
- Yue Ruiying.* Theoretical foundation for the interpretation didactics in China 111

Ad memoriam

- Katharina Reiss (1923–2018)* 124

Chronicles of Scientific Life

- Yesakova, M.N., Koltsova, Y.N.* The International Youth Educational Forum “Languages, Cultures, Translation” 128

Reviews

- Oshchepkova V.V.* Translation and translations: the past and the present (Перевод и переводы: история и современность. Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 100 с.) 131

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Воюцкая,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета)

МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vaniteuse@inbox.ru

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ПЕРЕВОДЕ: ПРИЕМЛЕМОСТЬ И ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНОСТЬ

Настоящая статья посвящена анализу механизмов принятия решений в переводе с точки зрения критериев приемлемости и предпочтительности. В статье рассматривается варьирование подходов к принятию решений, которое определяется как объективными параметрами, так и индивидуальным восприятием переводчиком основных компонентов перевода как комплексной системы.

Ключевые слова: перевод, принятие решений, приемлемость, предпочтительность, оптимальность.

1. Перевод как деятельность по принятию решений

Перевод представляет собой процесс, задействующий многочисленные стороны деятельности человека и, соответственно, заслуживает многостороннего исследования. Поэтому, как отмечает Н.К. Гарбовский, в настоящее время эта научная область стремится к парадигме трансдисциплинарности, о чём свидетельствуют «принятие системологической модели науки о переводе и системный подход к исследованию перевода, систематизация научных данных о переводе, получаемых разными научными дисциплинами» [Гарбовский, 2015: 19]. Деятельность по принятию решений составляет неотъемлемую часть перевода как непрерывного мыслительного процесса. Исследования принятия решений (далее — ПР) в переводе формируют отдельное направление в переводоведении, открытое в середине XX века работой чешского учёного Иржи Левого “Translation as a decision process” (1967 г.) и эволюционировавшее к настоящему времени до научной области, обладающей развитой методологией получения и анализа данных. Исследования на стыке теории принятия решений и науки о переводе, опираясь в том числе на данные и методологию психологии и когнитивных наук, направлены на «взгляд изнутри» на переводческий процесс, что позволяет выявить специфические проблемы переводческой

деятельности и возможные пути их решения с главной целью — совершенствования переводческого процесса и потенциала переводчика.

Взаимодействие теории принятия решений и науки о переводе позволило разным исследователям выделить такие элементы переводческого процесса, как этапы ПР, типы решений, их последствия, ограничения и т.п. [Darwish, 2008: 6]. Для нас в исследовании процесса принятия решений в переводе представляет интерес многообразие возможных подходов к решению переводческих проблем в контексте того, что поведение переводчика представляет собой поведение ограниченной рациональности и, на наш взгляд, зависит от индивидуальных особенностей принятия решений и поведения в ситуации неопределённости. В связи с этим поведение переводчика сложно поддаётся моделированию, а используемые разными переводчиками подходы — любому обобщению.

2. Эксперимент

Нами было проведено экспериментальное исследование с целью выявления различий в подходах к принятию решений у разных переводчиков, выявления факторов, влияющих на эти различия, выявления факторов, влияющих на выбор между альтернативными вариантами, и, в особенности, тех критериев, соответствие которым позволяет разным переводчикам квалифицировать принятое решение как окончательное.

Материалом для нашего исследования послужили переводы отрывка из романа А. Камю «Чума» с французского языка на русский шести студентов, для которых французский язык является первым иностранным. Переводы сопровождаются комментариями, основанными на методе т.н. письменной вербализации: задача переводчиков заключалась в фиксации всего хода переводческого процесса, всех мыслей, релевантных для процесса перевода по аналогии с методом *think aloud protocols*, но в письменной форме. Безусловно, степень репрезентативности ТАР (и в особенности с необходимостью фиксировать их на бумаге) нельзя назвать высокой, поскольку само их наличие искажает процесс, обычно протекающий в иных условиях, однако на сегодняшний день этот метод является единственным, позволяющим проникнуть в сознание переводчика [Lauffer, 2002: 60].

Для анализа протоколов мы взяли за основу классификацию этапов принятия решения Корбина, дополнив её семью этапами, раскрывающими поведение после момента выбора:

<i>Поведение, предшествующее моменту выбора:</i>	
1. Выявление проблемы	Problem (Ident)
2. Описание, прояснение структуры проблемы	Structure?
3. Сбор информации (консультации со словарём, и т.п.)	Search (Inf)
4. Размышление о выборе подхода к решению проблемы	Search (Appr)
5. Поиск альтернативных вариантов	V1 / V2 / V3 / ...
6. Момент выбора (первичный)	FD(V1) / FD(V2)
<i>Поведение после момента выбора:</i>	
7. Сомнение	?
8. Отказ от старых альтернатив	V1Ø
9. Поиск новых альтернатив	V4 / V5 / ...
10. Возвращение к старому решению	V1
11. Принятие нового решения (окончательный момент выбора)	FD(V5) / FD(V6)
12. Откладывание принятия решения	FDØ
13. Переход на другой уровень	

Для описания процесса принятия решений одним из ключевых параметров выступает *тип решения*. Вильсс в этой связи выделяет 4 основных типа решений [Wilss, 1996: 188]:

- 1) автоматические;
- 2) стереотипные;
- 3) требующие размышлений (проблема структурирована);
- 4) требующие размышлений (проблема не структурирована).

Мы полагаем, что на тип принятого решения (как следует из приведённой выше классификации, решения различаются по степени сложности) непосредственно влияет процедура прохождения переводчиком этапов принятия решения, приведённых в Таблице 1. Безусловно, при принятии одного решения переводчик очень редко проходит цепочку из каждого перечисленных выше этапов.

3. Приемлемость и предпочтительность

Пример 1: “Du même air frénétique et absent”

Air — не воздух, а вид, манера

Frénétique — яростный, неистовый, бешеный

Мы определили *air* как вид или манеру, значит, больше подойдёт *неистовый*

Да, так лучше звучит

Общая картина ясна, звучит логично.

Протокол 1

Frénétique — необузданный, неистовый, бешеный

Air frénétique — не может быть необузданный воздух, значит, вид

Бешеный вид — так говорят? Наверное, нет

Какие есть синонимы?

Мне нравится *безумный*

Полностью уверена в употреблении

Протокол 2

Сложность в данном случае представляет перевод двух прилагательных с абстрактным значением, использованных автором ИТ для характеристики жителей города. Мы видим, что в переводчики сделали разный выбор. Трудность с выбором объясняется в обоих случаях проблемой сочетаемости. У прилагательного *frénétique* множество семантически близких, но не тождественных значений.

В первом случае переводчик создаёт поле, включающее в себя три альтернативных варианта: «яростный», «неистовый», «бешеный». Предпочтение отдаётся варианту, которое, на взгляд переводчика, лучше звучит (субъективный критерий). Поле вариантов второго переводчика включает в себя три альтернативы: «неистовый», «неистовый», «бешеный». Предпочтение отдаётся варианту, в сочетаемости которого с относящимся к нему существительным переводчик уверен (объективный критерий).

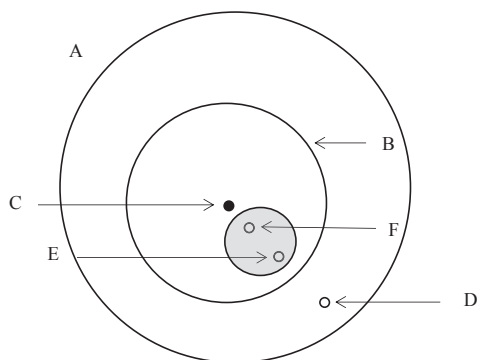
Переводчики не квалифицируют найденные альтернативы как строго «хорошие» или «плохие». Тем не менее, в протоколах обоих переводчиков присутствует элемент сомнения, который позволяет исключить конкретные варианты. В этом случае мы можем говорить о некой *области приемлемости*, в пределах которой лежат варианты, удовлетворяющие субъективным представлениям переводчика о том, какой вариант может потенциально стать окончательным решением. Соответственно, исключённые варианты являются неприемлемыми для переводимой единицы ИТ.

Что происходит после того, как исключён набор вариантов, определённых переводчиками как неприемлемые? Жэнь предполагает, что выстраивают иерархию, причём вероятность принятия определённого варианта увеличивается тем более, чем позднее он был найден [Shih, 2015: 77]. Мы полагаем, что это означает лишь тот факт, что, найдя подходящий вариант из числа приемлемых альтернатив, переводчик может остановить поиск. На наш взгляд,

тем не менее, оставшиеся альтернативы не выстраиваются в строгую иерархию от наихудшего к наилучшему. По крайней мере, протоколы свидетельствуют о том, что, либо с помощью словаря, либо основываясь на собственных знаниях, переводчик может предложить сразу несколько альтернативных вариантов, не понимая, какому из них нужно отдать предпочтение. Так каким образом происходит принятие решения, если потенциально каждая альтернатива может быть принята как окончательная?

Монтгомери, Монтгомери и Свенсон — разработали «модель поиска доминантной альтернативы» (англ. “dominance search model”), сводящую процесс принятия решений к поиску доминантной альтернативы. Она включает в себя четыре этапа: pre-editing (оцениваются плюсы и минусы каждого их альтернативных вариантов, пока не отсеются наименее подходящие варианты), finding a promising alternative (выбор наиболее подходящего варианта), dominance testing (выбранный вариант «проверяется на прочность») и dominance structuring (в случае, если остаются сомнения, проблема раскладывается на части и анализируется до тех пор, пока не будет найдена необходимая информация).

Мы полагаем, что в данный момент на первый план выходит категория *предпочтительности*, которая основывается на следующем механизме: переводчик определяет соответствие или несоответствие приемлемых вариантов неким критериям, удовлетворение или неудовлетворение, которые влияют на субъективную оценку переводчиком вероятности благоприятного исхода в случае принятия каждого из вариантов. В каждой конкретной ситуации переводчик выбирает критерий, доминирующий по степени релевантности по отношению к остальным, или находит решение, частично удовлетворяющее всем критериям. Подобные критерии И. Левый определял как селективные команды (selective instructions), противопоставляя их дефинитивным, или определяющим командам (definitive instructions), суть которых состоит в формировании парадигмы альтернативных вариантов. В данном случае, к примеру, доминирующими критериями являются соответствие нормам сочетаемости (2 протокол) и благозвучие (1 протокол). Впрочем, в обоих случаях доминирующим фактором при выборе являются не семантические особенности, выявленные в результате размышлений о референте (содержание), а форма [Lévy, 2012: 73].

- A — поле вариантов
- B — поле приемлемых вариантов
- C — идеальный вариант, к которому стремится (или должен стремиться) переводчик
- D — решение, не входящее в область приемлемых вариантов
- E, F — приемлемые варианты, из которых F по какому-либо критерию более предпочтителен

Рис. 1

Немаловажно, что после нахождения удачного решения подтверждают правильность своего решения. В 1992 году Свенсон предложил теорию дифференциации и консолидации, согласно которой, выбрав вариант, принимающий решение с большей вероятностью в конечном итоге на нём остановится, защищая его от потенциальных угроз ('post-decision consolidation processes may involve the decision-maker unconsciously increasing her/his attractiveness appraisal of the chosen alternative on an important attribute'). В обоих случаях переводчики ещё раз убеждаются, что выбранный ими вариант верен [Yi.Yi. Shih, 2015: 74].

Пример 2: "A première vue, Oran est, en effet, une ville ordinaire et rien de plus qu'une préfecture française de la côte algérienne".

Протокол 1:

Проблема не выявлена, комментарии отсутствуют. Окончательное решение появляется лишь в финальном варианте «ничего более, чем»

Протокол 2:

Проблема не выявлена, комментарии отсутствуют. Окончательное решение в финальном варианте: «типичная французская префектура»

Протокол 3:

- 1) Выявление проблемы
- 2) Вариант: «всего лишь»
- 3) Обоснование: *«это не исказит смысл и позволит сделать текст более легким для чтения»* (окончательное решение)

Протокол 4:

- 1) Выявление проблемы
- 2) Первый вариант «ничего кроме» *не нравится*
- 3) *На что можно заменить?*
- 4) *Может быть, убрать эту смысловую единицу?*
- 5) Окончательное решение: «обычный город и обычная французская префектура»

Протокол 5:

- 1) Выявление проблемы («смущает»)
- 2) Найден первый вариант: «не более чем»
- 3) *Не звучит*
- 4) Поиск референта: *что может означать это выражение?*
- 5) Найдено 3 варианта: «что-то типичное», «ничем не отличающееся», «ничем не примечательное»
- 6) Последний вариант вызывает сомнения: *возможно, в этом городе было что-то необычное*
- 7) Слово «типичный» *не нравится*
- 8) *Поэтому выбираю вариант «ничем не отличающаяся французская префектура»* (окончательное решение)

Протокол 6:

- 1) Выявление проблемы
- 2) Найдено 2 альтернативных варианта: «не более чем простая...» и «не более чем»
- 3) Первый вариант: *прилагательное «простой» не подходит к описанию города*
- 4) Поиск прилагательных, подходящих к описанию города: «совершенно ординарный», «заурядный», «обычный»
- 5) Варианты «совершенно заурядный» и «заурядный» *не сочетаются с французской префектурой*
- 6) *Вариант «обычный» был уже употреблён ранее в этом предложении (“une ville ordinaire”)*
- 7) *Если выбрать вариант «не более чем», то необходимо прилагательное*
- 8) *Если вводить прилагательное, то предложение удлинится и будет звучать загромождённым*
- 9) Окончательное решение: *заменить конструкцию «не более чем» с потенциально возможными прилагательными наречием «просто»*

Мы видим, что в шести протоколах перевода одной смысловой единицы “rien de plus que” наблюдаются существенные различия.

В *протоколах 1 и 2* проблема как таковая не выделена и, соответственно, комментарии в отношении перевода данной смысловой единицы отсутствуют, тем не менее окончательные варианты различаются: в протоколе 1 окончательное и единственное решение заключается в употреблении кальки «ничего более, чем», а во втором — употреблено прилагательное «типичный», т.е. осуществлена невербализованная трансформация.

В *протоколе 3* проблема выявлена, найден один вариант, входящий в область приемлемых результатов. На этом моменте поиски потенциально более предпочтительных вариантов остановлены, и окончательное решение подвергается обоснованию: окончательный вариант является в данном случае семантически приемлемым и облегчает восприятие фразы читателем.

В *протоколе 4* проблема выявлена, найден единственный вариант, который тем не менее квалифицирован переводчиком как неприемлемый. Дальнейшие поиски альтернативных вариантов приводят к решению опустить данную смысловую единицу, поскольку, очевидно, её отсутствие также не является значительной семантической потерей и, кроме того, не отягчает восприятие текста. В качестве окончательного решения переводчик избавляется от смысловой единицы “rien de plus que” и использует компенсаторную стратегию, повторив тот вариант, который он использовал для перевода определения к слову «город», входящего в пару однородных именных сказуемых наряду со словом «префектура»: «обычный город и обычная французская префектура».

Как следует из *протокола 5*, процесс принятия решения в данном случае состоит из 8 этапов ПР. Проблема выявлена (переводчик описывает наличие проблемы как нечто «смущающее», вызывающее ощущение предстоящих трудностей с переводом данной единицы). Первый найденный вариант сразу выходит за пределы области приемлемых вариантов, поскольку не удовлетворяет критерию благозвучия. Далее мы видим, что проблема начинает вызывать сложность в связи с отсутствием в арсенале переводчика готовой модели: переводчик обращается к референту (этап прояснения структуры проблемы). Переводчик находит далее три альтернативных варианта, один из которых также квалифицируется как неприемлемый в связи с частичным семантическим несоответствием. Один из оставшихся двух вариантов определён как менее предпочтительный из-за неудовлетворения критерию благозвучности и, соответственно, единственный оставшийся вариант принят как окончательный.

Процесс принятия решений в *протоколе 6* состоит из 9 этапов ПР. Проблема выявлена, найдено два альтернативных варианта. Первый вариант определён как неприемлемый в связи с нарушением норм сочетаемости и частичным семантическим несоответствием («это прилагательной не подходит к описанию города»). Второй вариант остаётся в области приемлемых вариантов, однако переводчик начинает поиски более предпочтительных вариантов и находит ещё три альтернативы, две из которых квалифицируются неприемлемыми по той же причине, что и самый первый найденный вариант. Третья из альтернатив также оказывается неприемлемой в связи с тем, что этот вариант уже был употреблён в переводимом предложении ранее. Самый первый найденный вариант, единственный, остающийся в области приемлемости, требует добавления прилагательного, что, по мнению переводчика, удлиняет и, соответственно, утяжеляет предложение. Переводчик предлагает следующий вариант, заключающийся в замене конструкции «не более чем» наречием «просто» и принимает этот вариант как окончательный, поскольку он не противоречит критерию благозвучности и приемлем с точки зрения смысла.

Таким образом, мы видим шесть разных подходов к переводу одной и той же смысловой единицы. Схематически (опираясь на условные обозначения, предложенные нами в Таблице 1), их можно представить следующим образом:

1. Problem (Ident) \emptyset \rightarrow **FD** (arbitrary)
2. Problem (Ident) \emptyset \rightarrow **FD** (automatic)
3. Problem (Ident) \rightarrow V1 \rightarrow **FD (V1)** \rightarrow Just
4. Problem (Ident) \rightarrow V1 \rightarrow V1 \emptyset \rightarrow Search (Appr) \rightarrow Vx \rightarrow **FD (Vx)**
5. Problem (Ident) \rightarrow V1 \rightarrow V1 \emptyset \rightarrow Structure? \rightarrow V2 \rightarrow V2 \emptyset
 \rightarrow V3 \rightarrow **FD (V3)**
 \rightarrow V4 \rightarrow V4 \emptyset (Just)
6. Problem (Ident) \rightarrow V1 \rightarrow V1 \emptyset
 \rightarrow V2
 \rightarrow Search (Appr) \rightarrow V3 \rightarrow V3 \emptyset (Just)
 \rightarrow V4 \rightarrow V4 \emptyset (Just)
 \rightarrow V5 \rightarrow V5 \emptyset (Just)
 \rightarrow Search (Appr) \rightarrow V2 \emptyset (Just)
 \rightarrow V6 \rightarrow **FD (V6)**

В чём заключаются эти различия и чем они обусловлены?

Этап выявления проблемы отсутствует в *протоколах 1 и 2*. Это значит, что перевод данной единицы не рассматривается как проблема, процесс принятия решения не вербализован и, соответственно, окончательное решение в обоих случаях можно квалифицировать как *решение без участия сознания*.

Тем не менее, при оценке финальных вариантов перевода протоколов 1 и 2 было отмечено, что:

– данная конструкция в составе предложения «На первый взгляд, Оран является, по сути, обычным городом, и *ничего более, чем префектура* французского побережья Алжира» звучит тяжело вследствие злоупотребления канцеляризмами и кальками, а — конструкция в предложении «С первого взгляда, Оран, на самом деле, — обычный город, *типичная французская префектура* на Алжирском берегу» в целом вписывается в общий стиль текста и не противоречит нормам русского языка.

Данные второго протокола свидетельствуют об использовании некой когнитивной модели, позволившей реализовать невербализованную трансформацию “rien de plus que” — «типичный». На наш взгляд, окончательное решение в данном случае можно квалифицировать как *автоматические*, т.е. протекающее без участия сознания, но основанное на опыте, поскольку решение проблем подобного типа требовало участия сознания ранее. В основе автоматизма в данном случае лежит, вероятно, механизм синонимичной замены, что свидетельствует о высокой степени владения переводчиком навыками переформулирования и применения переводческих трансформаций.

Можно ли назвать автоматическим решение в первом протоколе? Мы полагаем, что нет. Как было отмечено выше, когнитивной базой для автоматизма служит опыт: ранее решение подобных проблем требовало мыслительных усилий. В данном случае для решения не существует каких-либо оснований. Тем не менее, факт очевидного нарушения норм переводящего языка (ошибки) свидетельствует о наличии проблемы. Проблема оказывается проигнорированной, в связи с чем такое решение можно квалифицировать как *неосознанное произвольное решение*. Однако в любом случае процесс принятия решения в первом и втором протоколах позволяют нам отнести окончательное решение к *первому типу сложности (автоматическое или псевдоавтоматическое (неосознанное произвольное решение))*, при этом мы делаем акцент на существенности различия между автоматическим и неосознанным произвольным решением.

В *протоколе 3* факт выявления проблемы свидетельствует об осознанности решения. Момент выбора между альтернативными вариантами не происходит, поскольку поле вариантов состоит всего из одного варианта, определённого как приемлемый. Тем не менее, момент выбора присутствует скрыто: продолжать поиски других вариантов или остановиться на найденном решении? Прекращение дальнейших поисков обусловлено, на наш взгляд, низкой или средней оценкой переводчиком степени важности и сложности проблемы и, соответственно, отсутствием необходимости применять дополнительные когнитивные усилия для поиска более приближенного к идеалу варианта. Это позволяет нам сделать вывод о том, что окончательное решение принадлежит к *второму типу сложности (стереотипное решение)*: проблема присутствует, но она ясна, и в арсенале переводчика существует способ её решения.

В *протоколе 4* мы наблюдаем окончательное решение, отличное от решения в протоколе 3, однако полагаем, что лежащие в основе переводческих трансформаций в обоих случаях механизмы схожи. Тем не менее, в протоколе 4 имеет место четвёртый этап ПР «размышление о выборе подхода к решению проблемы», что свидетельствует об отсутствии в арсенале готовой модели её решения. Это позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что данное решение относится к *третьему типу сложности (решение, требующее размышлений; структура проблемы известна)*.

В *протоколе 6* мы наблюдаем большее количество этапов принятия решения по сравнению с протоколом 4. Этапы ПР образуют более сложную структуру, состоящую из нескольких блоков альтернативных вариантов, объединённых общим подходом к решению проблемы. Тем не менее, мы полагаем, что такая структура является всего лишь более сложной версией той, что мы видим в протоколе 4: сочетание размышлений о выборе подхода к решению проблемы, поиск альтернативных вариантов, отказ от определённых альтернатив и принятия окончательного решения из числа оставшихся вариантов. Таким образом, на наш взгляд, в данном случае мы также имеем дело с решением третьего типа сложности.

Представляет интерес протокол 5, где в определённый момент переводчик оценивает степень сложности проблемы как высокую и видит необходимость в прояснении структуры проблемы: мы видим, что после отказа от одного из найденных вариантов имеет место *этап прояснения структуры проблемы*. Это свидетельствует о том, что окончательное решение в данном случае относится к *четвёртому типу сложности (решение, требующее размышлений; структура проблемы неизвестна)*.

4. Выводы

Таким образом, подходы различаются:

I. С точки зрения этапов ПР:

- 1) наличием/отсутствием этапа выявления проблемы, что обуславливает предварительную оценку переводчиком степени важности и сложности проблемы (факультативно) и влияет в свою очередь на выбор подхода к решению проблемы;
- 2) поведением после первичного момента выбора.

II. Наличием/отсутствием обоснования решений.

III. Типом окончательного решения (что напрямую связано со сложностью проблемы).

Наличие/отсутствие конкретных этапов и их количество напрямую зависят от степени сложности проблемы для конкретного переводчика. При автоматическом решении ни критерии выбора, ни какие-либо иные аспекты не вербализуются, поскольку автоматическое решение основано на опыте. Стереотипные решения характеризуются более высокой степенью сложности в связи с отсутствием готового решения для конкретной единицы. Однако в арсенале переводчика существует модель решения подобной проблемы, которую он заимствует для решения другой. На третьем и четвёртом этапе момент выбора представляет собой результат значительных когнитивных усилий переводчика, когда он не имеет дело с очевидным решением проблемы. При этом в случае длительных и сложных размышлений окончательный вариант или отказ от одной из альтернатив часто подвергается обоснованию.

Следует ещё раз отметить, что вышеописанные подходы относятся к одной и той же единице. Обратимся ещё раз к целому предложению, в состав которого она входит:

A première vue, Oran est, en effet, une ville ordinaire et rien de plus qu'une préfecture française de la côte algérienne.

Мы видим, что окончательные решения шести переводчиков имеют разный уровень сложности от минимального до максимального и достигаются через разное количество этапов принятия решения (в данном случае от нуля до девяти), т.е. одна и та же единица может как представлять, так и не представлять сложность для перевода, степень сложности проблемы в разных случаях может варьироваться от минимальной до максимальной, поле вариантов может включать разное количество вариантов (в данном случае от одного до шести), подход к решению проблемы может быть как

очевидным, так и не очевидным, а структура проблемы может быть прозрачной для одного переводчика и неясной для другого. При этом мы не можем сделать однозначного вывода о том, что второй переводчик обладает навыком, которым не обладает, к примеру, пятый переводчик: окончательный вариант второго переводчика был также рассмотрен пятым, однако квалифицирован как неприемлемый. Таким образом, процедура принятия решения зависит не только от объективных параметров, таких, как когнитивный опыт каждого конкретного переводчика (который в каких-то случаях обеспечивает автоматическое решение), но и от субъективных — таких как, к примеру, личная оценка переводчиком степени важности проблемы (как в случае с протоколом 3, где переводчик останавливается на первом найденном приемлемом варианте).

Основными **критериями** предпочтительности в случае с переводимой конструкцией *rien de plus que* выступают **семантическое соответствие, благозвучие и нормы сочетаемости ПЯ**, при этом переводчики стараются отыскать вариант, обеспечивающий *оптимальное соответствие* всем критериям. При этом мы видим, что на первый взгляд объективный параметр соответствия языковой норме варьируется у разных переводчиков: понятие языковой нормы смешивается с субъективным «чувством языка», что выражается в том, что по данному критерию один и тот же вариант может быть квалифицирован одним переводчиком как неприемлемый, другим как приемлемый, но не предпочтительный, а третьим — как наиболее предпочтительный или единственно возможный.

Таким образом, выбор между альтернативными вариантами обусловлен предпочтениями переводчика, отдаваемыми разным исходам. Предпочтительность одного варианта другому определяется объективными критериями, восприятие которых, тем не менее, имеет субъективные различия у разных переводчиков. Решение каждого переводчика стремится к оптимальности, однако объективные и субъективные различия в поведении переводчиков свидетельствуют о том, что представление об оптимальности также варьируется у разных переводчиков.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Моск. ун-та. Серия 22. Теория перевода. № 1, 2015. С. 3–20.

Darwish A. *Optimality in Translation*. Ali Darwish. Melbourne: Writescop Publishers, 2008. 318 p.

Lauffer S. The Translation Process: an analysis of observational methodology. Sabine Lauffer. *Cadernos de tradu, cao*, vol. 2. No. 10, 2002, pp. 59–74.

Levý J. Translation as a decision process. Jiri Levý. *Scientia Traductionis*. No. 11, 2012.

Wilss W. Knowledge and Skills in Translation Behaviour. Wolfram Wilss. John Benjamins Publishing, 1996. 259 p.

Shih C.Y.Y. Problem-solving and decision-making in translation revision: Two case studies. *Across Languages and Cultures*, 2015, vol. 16. No. 1, pp. 69–92.

Alexandra A. Voyutskaya,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: vaniteuse@inbox.ru

DECISION-MAKING IN TRANSLATION: ACCEPTABILITY AND PREFERABILITY

This article is an analysis of the decision-making mechanisms in translation based on the criteria of acceptability and preference. The article considers a variety of approaches to decision-making, which is determined by both objective parameters and an interpreter's perception of the main components of translation as a complex system.

Key words: translation, decision-making, acceptability, preferability, optimality.

References

Darwish A. Optimality in Translation. Ali Darwish. Melbourne: Writescope Publishers, 2008. 318 p.

Garbovskiy N.K. Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdisciplinarnost' i sistema nauchnyh znaniy [Sistemological Model of Translatology: Transdisciplinarity and the System of Scientific Knowledge]. *Vestnik Mosk. un-ta. Seria 22. Teoriya perevoda*. No. 1, 2015, pp. 3–20 (In Russian).

Lauffer S. The Translation Process: an analysis of observational methodology. Sabine Lauffer. *Cadernos de Tradução*, vol. 2. No. 10, 2002, pp. 59–74.

Levý J. Translation as a decision process. Jiri Levý. *Scientia Traductionis*. No. 11, 2012.

Wilss W. Knowledge and Skills in Translation Behaviour. Wolfram Wilss. John Benjamins Publishing, 1996. 259 p.

Shih C.Y.Y. Problem-solving and decision-making in translation revision: Two case studies. *Across Languages and Cultures*, 2015, vol. 16. No. 1, pp. 69–92.

М.Е. Коровкина,

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Московского государственного института международных
отношений (МГИМО); e-mail: mekorovkina@gmail.com

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫХ ФАКТОРАХ ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается сложное взаимодействие компетентностных и интерпретационных факторов перевода. Интерпретация в переводе означает не только осмысление и толкование смысла ИЯ/ИТ (исходного языка/текста), но и его перевыражение лингвоспецифичными средствами ПЯ (переводящего языка — языка перевода). Границы интерпретации устанавливаются инвариантом смысла, правильное толкование которого требует высокого уровня развития компетенций переводчика. Компетентностный фактор в переводе неразрывно связан с личностью переводчика. При низком уровне развития языкового и концептуального тезаурусов переводчика он действует отрицательно, ограничивая возможности интерпретационного фактора. Хорошо развитые переводческие компетенции обеспечивают способность переводчика к глубокому осмыслению пресуппозиций и импликаций в ИЯ, служащих основанием для интерпретации в переводе и критерием выбора переводческих трансформаций, применяемых с целью преодоления межъязыковых асимметрий и недопущения межъязыковой интерференции. Межъязыковые асимметрии проявляются на всех уровнях языка и могут стать причиной межъязыковой интерференции, приводящей к языковым и переводческим ошибкам. Специфика действия компетентностного фактора зависит от направления перевода: при переводе с иностранного языка на родной главной трудностью является первая фаза интерпретации — осмысление и толкование смысла, при переводе с родного на иностранный — вторая фаза: подбор лингвоспецифичных средств выражения инварианта смысла.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, профессиональные переводческие компетенции (ППК), инвариант смысла, переводческая трансформация, межъязыковые асимметрии, языковой тезаурус, концептуальный тезаурус, пресуппозиции, интерференция.

В качестве первого шага при переводе переводчик в своем стремлении точнее передать смысл исходного языка и текста (ИЯ, ИТ) старается сохранить не только семантику, но и структуру оригинала. Передача структурно-семантических особенностей

ИТ в ПЯ/ПТ возможна только при языковых параллелизмах, что наблюдается на четвертом и пятом уровнях эквивалентности, согласно модели В.Н. Комиссарова [Комиссаров, 2002: 119–130]. При наличии межъязыковых асимметрий (первый — третий уровни его модели) дословное воспроизведение структурно-семантических особенностей ИЯ/ИТ приводит к буквализмам и искажению смысла. В подобных случаях необходим отход от структурно-семантических особенностей ИЯ/ИТ, т.е. девербализация инварианта смысла, и его переформулирование лингвоспецифичными средствами ПЯ (его ревербализация в ПТ). Ключевым моментом остаётся сохранение инварианта смысла ИТ, ведь целью перевода как акта межкультурной коммуникации является передача коммуникативно значимой и контекстуально обусловленной информации ИТ в ПТ.

Основной трудностью при этом становится умение отличать языковой параллелизм от межъязыковых асимметрий, представляющих собой контекстуальные несоответствия, вызываемые своеобразием языковых картин мира ИЯ и ПЯ. Анализ межъязыковых асимметрий показывает, что все они связаны с прагматическими факторами перевода. Это значит, что переводчик, кроме знания ИЯ и ПЯ, должен обладать способностью различать особенности построения дискурса в ИТ и ПТ, а также экстралингвистическими знаниями, способствующими правильному осмыслению ИТ и его интерпретации. Это помогает находить готовые переводческие соответствия в ПТ или применять переводческие трансформации для передачи инварианта смысла в случае межъязыковых асимметрий, когда буквальный перевод, как уже было сказано, невозможен.

Таким образом, кроме знаний ИЯ и ПЯ, владения технической стороной перевода (способностью к переключению с одного языка на другой и девербализацией/ревербализацией инварианта смысла), переводчик должен располагать знаниями о внеязыковой действительности. Возможность вовлечения в перевод внеязыковой ситуации основывается на общности знаний коммуникантов — участников межкультурной коммуникации, что на практике реализуется в необходимости владения переводчиком, выполняющим роль межъязыкового и межкультурного посредника, пресуппозициями в ИЯ и ПЯ [Падучева, 1985; Лурия, 1998; Fillmore, 1969]. Пресуппозиции могут быть языковыми — семантическими, указывающими на определённые семы или компоненты смысла в словах, и референциальными, выделяющими конкретные денотаты (референты). Кроме того, они могут быть прагматическими, относящимися ко всей внеязыковой ситуации, описываемой в тексте или в его отрезке (фоновыми знаниями).

Осознание пресуппозиций позволяет переводчику в процессе перевода проводить постоянный анализ лингвистических, дискурсивных, экстралингвистических и прагматических особенностей ИТ для их последующей передачи в ПТ с сохранением инварианта смысла. Кроме знания пресуппозиций, он должен владеть целым комплексом профессиональных переводческих компетенций, умений и навыков. Этот комплекс представлен ниже в виде блок-схемы — модели профессиональных переводческих компетенций (ППК), отражающей в сжатой, компактной форме компетентностный фактор перевода. Такая модель основана на достижениях отечественных и зарубежных учёных, работающих в этой области [Гавриленко, 2008], представителей испанской школы перевода [Orozco, 1996; Presas, 1996].

В эту модель входят три блока компетенций. Первый блок — *коммуникативная компетенция* — включает *лингвистическую* (языковую) и *прагматическую* составляющие. Последняя состоит из *дейктической* (характеризующей параметры коммуникативной ситуации), *дискурсивной* (учитывающей правила построения текста в ИЯ и ПЯ) и *социокультурной* (реализующей межкультурную компетенцию в речи) подкомпетенций.

Второй блок отражает *экстралингвистическую компетенцию*, соотносящуюся с языковым и концептуальным тезаурусом личности переводчика и объединяющую знания: а) *культурного контекста* двух языков (т.е. межкультурные сведения) б) *предметных областей*; в) и *информацию о мире* (энциклопедические представления). Эта компетенция подразумевает знания упомянутых выше пресуппозиций ИЯ и ПЯ, что означает владение картиной мира двух языков. Картина мира родного языка хотя и формируется с детства, некоторые её аспекты расширяются и углубляются в процессе обучения. Картину мира иностранного языка человек осваивает только в процессе обучения (если речь не идёт о биллингвизме).

Третий блок модели ППК объединяет *профессиональные компетенции* переводчика, т.е. его специфические когнитивные способности в области обработки информации и переводческой интерпретации, о чем речь пойдёт ниже. Он также состоит из нескольких компонентов:

а) *способности к переключению* — умению переключаться с ИЯ на ПЯ, переходя от поверхностных языковых структур к глубинным смысловым и наоборот (от девербализации к ревербализации);

б) *способности к инференции* — умению делать логические выводы на основе понимания имплицитных структур языка и речи (подтекста). Такое понимание при описании ситуации в ИЯ и ПЯ,

связанное со знанием пресуппозиций, способствует формированию следующей когнитивной способности, также входящей в третий блок;

в) *технологической (интерпретационной)*, позволяющей применять конкретные переводческие трансформации и приёмы в случаях межъязыковой асимметрии.

[Коровкина, 2017]

Рис. 1. Модель профессиональных переводческих компетенций

Модель ППК универсальна и эффективна при любых видах перевода (письменного и устного — синхронного и последовательного). Она наглядно показывает, каким сложным комплексом профессиональных компетенций должен располагать переводчик, для того

чтобы быть способным правильно интерпретировать смысл ИТ и передавать его инвариант в ПТ.

Интерпретацию мы трактуем в духе семиотических подходов к переводу. Прежде всего это — «фундаментальное действие интеллекта — понимание и объяснение» [Крюков, 1988, с. 44]. Однако интерпретация в переводе, в отличие от других областей, имеет двойную цель — здесь речь идёт не только о выявлении смысла в ИТ, но и о его толковании и воссоздании в ПТ с помощью выразительных лингвоспецифичных средств ПЯ [Гарбовский, 2004: 213; Иванов, 2014: 120, 129; Мишкурин, 2013: 71]. При переводе отходу от инварианта смысла препятствует необходимость соблюдения требования переводческой эквивалентности, в соответствии с которым стараются передать не только смысл, но и форму единицы перевода. Разные виды буквализмов, выражающиеся в ПТ кальками различного вида, можно обойти, выполняя требование адекватности. При учёте прагматических факторов в процессе перевода эквивалентность и адекватность тесно взаимодействуют. По мнению Н.В. Иванова, эквивалентность означает соответствие ПТ тексту ИЯ по форме, а адекватность — по содержанию [Иванов, 2015: 54]. Взаимоотношения и взаимодействия факторов эквивалентности и адекватности в переводе убедительно подтверждает следующая цитата: «Категория эквивалентности представляет собой установку на максимально полное содержательное, стилистическое, функциональное соответствие между ИТ и ПТ, на воспроизведение индивидуального авторского стиля для определённых типов текста, а категория адекватности направлена на приближение переводного текста к восприятию получателей в другом языке и культуре» [Евтеев, 2017: 265]. Подытоживая сказанное, можно прийти к заключению, что эквивалентность направлена на ИТ, а адекватность — на ПТ. При отсутствии языковых параллелизмов между ИТ и ПТ переводчик ищет адекватные выразительные средства в ПТ, т.е. обращается к интерпретации.

Это происходит прежде всего в случаях межъязыковых асимметрий, которые проявляются на всех уровнях языка и речи — на грамматическом, семантическом, стилистическом и прагматическом, — и могут приводить к пресуппозиционной языковой интерференции и языковым ошибкам в аспекте ПЯ/ПТ. Знание пресуппозиций, отражающих различия в картинах мира ИЯ и ПЯ, помогает переводчику избегать буквализмов и искажений или даже потери смысла: он предвидит и осознает факт межъязыковой асимметрии и преодолевает её, прибегая к переводческим трансформациям.

Трансформации мы рассматриваем как интерпретационные фигуры, в основе которых лежит оппозиция смысла и референции. В практической плоскости это ведёт ко взаимозаменяемости элементов и признаков описания ситуации в двух языках. Ради сохранения смысла переводчик меняет способ языкового выражения и порядок обозначения реальности, выбирая способы описания предметной ситуации, типичные для ПЯ.

Систематизация переводческих трансформаций и приёмов, содействующих разрешению проблем межъязыковой асимметрии, снижает уровень интерференции при переводе с родного языка на иностранный и повышает качество перевода.

В лингвокультурном, предметном и собственно языковом аспектах преодоление возможных случаев интерференции может достигаться самыми различными способами. Это может быть замена образа, нейтрализация образа путём семантического преобразования, использование приёма семантического стяжения, различного вида метонимий (собственно метонимий, генерализаций, конкретизаций, антонимического перевода). Практически во всех трансформациях так или иначе происходит изменение либо адреса, либо порядка предметного обозначения. Рассмотрим различные варианты более подробно.

Прежде всего, межъязыковые асимметрии, разрешаемые при помощи переводческих трансформаций и приёмов перевода, вызываются различиями в семантической структуре слова, что проявляется в несовпадениях в:

- образах, лежащих в основании метафор. Для преодоления таких различий применяются следующие приёмы:

- замена образа:

*Он предостерег министров от «головокружения от успехов» и велел заботиться «о **закромах Родины**».* — *He warned ministers against getting dizzy with success and told them to be thrifty with **treasury funds/ treasury coffers**.*

- описательный перевод (по сути, представляющий собой метонимии):

*Президент вспомнил и про **закрома** Родины.* — *The president said that the government must be **thrifty**.*

- метонимия-термин:

*а) Мы не можем позволить себе ситуацию, при которой будем распределять то, чего нет **в закромах Родины**».* — *“We cannot afford to allocate funds which will not be available **in the budget**”.*

b) С закромами в 2002 году все будет в порядке, если цены на нефть не спустятся ниже \$ 23,5 за баррель. — The 2002 budget will have a surplus if the oil price does not fall below \$23.5 per barrel.

Выше были приведены примеры перевода развёрнутой метафоры (термин А.Д. Швейцера, 1973) русского языка «закрома Родины», значение которой обыгрывается в тексте. В связи с этим она переводится на английский язык при помощи разных переводческих приёмов, в зависимости от контекстуальной интерпретации смысла.

- сочетаемости, которая также зависит от семантической структуры слова. Например:

Экономический кризис 1998 г. поставил положение компании под угрозу, поскольку покупательная способность российских потребителей резко сократилась. — The 1998 economic crisis threatened that position, as the purchasing power of Russian consumers was dramatically curtailed.

Основные ошибки при переводе словосочетаний выражаются в передаче прямого (буквального) значения слова вместо переносного (метафоричного): часто стёртая метафора не воспринимается как метафора.

- признаках описания ситуации, что обуславливает метонимические сдвиги, включающие конкретизацию, генерализацию, различного вида конверсивы. Несовпадения в картинах мира приводят к межъязыковым асимметриям, что проявляется в различиях в выборе признаков описания ситуации. На замене признаков, их импликации или, наоборот, экспликации, основаны все семантические трансформации, которые, по сути, представляют собой различные виды метонимий. Рассмотрим возможные варианты.

– **Конкретизация** заключается в уточнении, конкретизации при переводе смысла слов широкой семантики русского языка, в соответствии с требованиями контекста и нормами сочетаемости. Например:

Ресурсы, сконцентрированные в государственных финансах, вновь направляются в народное хозяйство в виде различных вложений... — Resources accumulated by the government are reallocated into the national economy as industrial subsidies and social allowances.

Деньги шли на проекты, которые терпели крах или приносили слишком мало прибыли. — The money was wasted on projects that went bankrupt or could not generate sufficient profits.

– **Генерализация** используется при необходимости замены слова русского языка с более узкой семантикой английским словом более широкой семантики:

*Различаются два типа ценных бумаг: фондовые (акции, облигации) и коммерческие (векселя, чеки). — **There are two types of securities: stock (shares and bonds) and commercial (bills and cheques).***

*Правительство — самый полезный союзник компаний в борьбе с конкурентами. — **The government is the most useful ally a company can have when dealing with competitors.***

– Собственно **метонимии** — при их использовании возможны разные виды преобразований, соответствующие логическим отношениям между признаками описания ситуации в ИЯ и ПЯ. Это может быть замена процесса причиной или результатом, причины — следствием, исходной фазы действия конечной и наоборот и т.д.:

*При проведении аудиторских проверок в соответствии как с российскими, так и международными стандартами, KPMG использует свою уникальную методiku. — **To conduct auditing activities according to Russian and international standards KPMG has developed unique methods** (процесс — результат).*

*Многие люди, потерявшие работу, до сих пор её не нашли. — **Many of those who have lost their jobs are still unemployed** (причина — следствие).*

– **Антонимический перевод**, представляющий собой замену отрицательной формы утвердительной и наоборот.

*Участники согласились, что главное требование к закону — чтобы он не давал возможности использовать банкротство в недобросовестной конкурентной борьбе. — **The participants agreed that the new law should prevent unscrupulous competitors from using bankruptcy as a tool in corporate battles.***

Выше были представлены примеры наиболее часто встречающихся трансформаций семантического уровня — метонимий, объединяющих, в связи со взглядом на проблему с точки зрения интерпретации, все семантические сдвиги (конверсивы, контекстуальные синонимы), а также приёмы перевода метафор. Объясняется это, что метафора и метонимия — два основных инструмента концептуализации и категоризации действительности: «метафора и метонимия помогают осмыслять непредметные сущности в привычных и простых представлениях и становятся настолько распространённым способом концептуализации, что не осознаются носителями языка» [Рябцева, 2005: 58]. Именно они становятся причиной межъязыковых асимметрий. Ещё одним важным языковым аспектом, связанным с языковой картиной мира, является представление в тексте имплицитной информации, т.е. имплицитных моделей языка. Нередко это выражается:

- в степени детализации описания ситуации в двух языках.

– Ярким примером более имплицитного характера английского языка может служить приём семантического стяжения, создающий ёмкие по смыслу обозначения в ПЯ, когда одно слово может обозначать целую ситуацию:

*Его аналитики заранее подсчитали, к каким **негативным последствиям** может привести **дальнейшее развитие сложившейся ситуации**, в том числе и для крупных игроков, если вовремя не предпринять срочных, неотложных мер. — *The bank's analysts had made estimates of **the damage** that could be inflicted by **a worst-case scenario** if regulators did not take urgent measures.**

– Более имплицитный характер английского языка проявляется и на уровне синтаксиса. Важным основанием для структурно-семантических расхождений между ИЯ и ПЯ может стать явление грамматического анимизма (термин В.Г. Гака, 1998), при котором неодушевлённое существительное в английском языке выступает в роли субъекта действия и занимает грамматическую валентность подлежащего. В традиционных классификациях переводческих трансформаций представлены грамматические замены, когда второстепенный член русскоязычного высказывания превращается в подобное подлежащие в английском языке. На наш взгляд, это служит примером изменения баланса имплицитных и эксплицитных признаков, используемых при описании ситуации в ИТ и ПТ. Такая трансформация применяется в том случае, если в высказывании русского языка подлежащее следует за сказуемым (в случае обратного порядка слов). Например:

***Из-за корпоративных скандалов и обвала акций интернет-компаний произошло резкое падение инвестиций.** — *Corporate scandals and the Internet companies' stocks collapse **triggered/caused** a drastic drop in investments.**

Иногда данную трансформацию используют и при прямом порядке слов в ИЯ, так как она позволяет сделать высказывание английского языка более имплицитным:

После нескольких лет препирательств «зелёный континент» пошёл с островитянами на мировую, согласившись выплатить \$73 млн в течение 20 лет.** — ***Several years of litigation resulted in an out-of-court settlement: Australia consented to pay the island \$73 million over a period of 20 years.*

Другие приёмы и трансформации, традиционно выделяемые на грамматическом уровне, также связаны с имплицированием или эксплицированием признаков описания ситуации в ИЯ и ПЯ.

Например, членение и объединение высказываний, развёртывание редуцированного предиката и перевод цепочек существительных и др. Имплицитных моделей на уровне слов, словосочетаний и предложений-высказываний (и даже сверхфразового единства) очень много, и они соотносятся с единицами перевода, но их сравнительно-сопоставительный анализ в ИЯ и ПЯ в задачи данной статьи не входит.

Не менее значимая проблема при интерпретации смысла при переводе возникает под влиянием экспрессивной функции языка. Стилистические приёмы, выражающие экспрессию, в каждом языке лингвоспецифичны. Их перевод часто возможен только посредством стилистической адаптации или использования приёма компенсации, так как при переходе от ИТ к ПТ сохранение структурно-выразительных средств языка оригинала достигается крайне редко. Но вместе с тем смысл экспрессивных средств может и должен быть передан. Например:

*Правда, организаторы подобных трюков все чаще оказывались за решёткой: один из них — Стивен Саккоchia — в 1991 г. **загremел** на 660 лет. Услышав приговор, он спросил у судьи: «Как же я смогу просидеть так долго?» На что судья ответил: «А ты постарайся как следует». — However, today financial manipulators **masterminding** such schemes tend **to end up** behind bars more frequently. One of them, Steve Saccochia, **was sentenced** to 660 years in prison in 1991. When he heard the verdict, he asked the judge: “How can I serve such a long sentence?” The judge replied: “Try as hard as you can”.*

Глагол *загremеть* передан нейтральным глаголом *to be sentenced to*. При этом в предложении появляются такие экспрессивные глаголы как *to mastermind*, *to end up*. Конечно, измерить степень экспрессии часто бывает затруднительно. Её восприятие имеет чисто интуитивный и субъективный характер: нередко приходится полагаться на чувства и вкусы носителей языка [Коровкина, 2017: 22]. Тем не менее, в качестве ограничительного средства всегда выступает инвариант смысла.

Сложное взаимодействие компетентностного и интерпретационного факторов перевода продемонстрировано нами на материале перевода с русского языка (ИЯ) на английский (ПЯ). Как известно, традиционно исследования по теории перевода проводятся на основе перевода с иностранного языка на родной, так как это направление долгие годы считалось единственно возможным. Перевод с иностранного на родной язык сохраняет свою значимость в международных организациях, так как при таком направлении легче контролировать интерференцию, чем при переводе с родного на

иностранный язык. Однако в настоящее время перевод с родного языка на иностранный становится более востребованным, и растёт интерес к научным исследованиям в этой области.

Границы интерпретации и выбор переводческой трансформации в полной мере зависят от компетентностной подготовки переводчика, от уровня его языкового мышления как вторичной языковой личности в аспекте иностранного языка как языка перевода. В предметном аспекте его слабая компетентностная подготовка ведёт к более сложным и радикальным переводческим трансформациям, почти к вольному переводу, и в целом снижает профессиональное качество перевода. А низкая языковая компетенция становится причиной недостаточного учёта лингво-культурного фактора и нежелательного структурного буквализма.

Список литературы

Гавриленко Н.Н. Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации. М.: РУДН, 2008. 176 с.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Евтеев С.В. Перевод — эквивалентно — насколько возможно, и адекватно — насколько нужно // Вестник Брянского государственного университета. Брянск: РИО БГУ, 2017. № 1 (31). С. 262–267.

Иванов Н.В. Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях. Материалы VIII Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (27 июня 2014 г., Москва). М.: Международные отношения, 2014. С. 110–135.

Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». М., 2015. № 4. С. 34–65.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 241 с.

Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Военный университет МО РФ. М., 2017. 27 с.

Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис. ... д-ра фил. наук. М., 1988. 442 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 416 с.

Мишкоров Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Серия 22 «Теория перевода». М.: МГУ, 2013. № 1. С. 69–91.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 272 с.

Рябцева Н. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воен. изд-во Мин. обор. СССР, 1973. 280 с.

Fillmore Ch. Types of Lexical Information. In: Studies in Syntax and Semantics. Ed. F. Kiefer. Ch. Fillmore. Dordrecht, 1969, pp. 109–137.

Orozco M. Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators. Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Orozco. London: AFLS, 1996, pp. 199–200.

Presas M. Bilingual Competence and Translation Competence. In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives / edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Presas. London: AFLS, 1996, pp. 19–33.

Marina Ye. Korovkina,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer, MGIMO-University, Russia;
e-mail: mekorovkina@gmail.com

INTERPRETATION AND COMPETENCE FACTORS IN TRANSLATION

The article deals with a complex interrelation of competence and interpretation factors in translation. In translation, interpretation implies both the understanding of the sense presented in the Source Language/Source Text (SL/ST) and its expression in the Target Language/Target Text (TL/TT) through the use of language-specific means. The limits or boundaries of interpretation are established by the invariant sense, and its adequate rendering requires a high level of professionalism. The competence factor in translation is intrinsically tied to the translator's personality. If the translator's language and conceptual thesaurus are poorly developed, this factor can produce a negative effect, as it limits the interpretation factor. Well-developed translator's competences facilitate an in-depth understanding of presuppositions and implications in the SL, which serve as the basis for interpretation in translation and the criterion for the choice of transformations (shifts) used to cope with interlingual asymmetries and prevent interlingual interference. Interlingual asymmetries are present at all language levels and can cause interlingual interference that, in its turn, leads to language and translation errors. The competence factor produces impacts

depending on the direction of translation: in the course of translation from a foreign language into the mother tongue the challenge is presented by the first phase of interpretation, viz. understanding, while in the course of translation from the mother tongue into a foreign language the difficulty lies in the choice of idiomatic means to express the invariant sense.

Kew words: translation, interpretation, professional translator's competences (PTC), invariant sense, translation transformation (shift), interlingual asymmetries, language thesaurus, conceptual thesaurus, presuppositions, interference.

References

Evteev S.V. Perekod — equivalentno — naskolko vozmozhno i adekvatno — naskolko nuzhno [Translation is equivalent to the limit of possibility and adequate to the limit of necessity]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskiye nauki i archeologiya, Literaturovedeniye, Iazykosnaniye, Pedagogicheskiye nauki*. Briansk: RIO: UE, 2017. No. 1 (31), pp. 262–267 (in Russian).

Gavrilenko N.N. Obucheniye perevodu v sfere professionalnoy kommunikatzii [Teaching translation in professional communication]. Moscow: RUDN, 2008, 176 p. (in Russian).

Gak V.G. Iazykovyie preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow: Iazyki russkoi kultury, 1998, 768 p. (in Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda [Theory of translation]. Moscow: MGU, 2004, 544 p. (in Russian).

Ivanov N.V. Antinomii interpretatzii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost v sotziokulturnom i kommunikanivnom izmereniyakh [Antinomies of interpretation: the first steps of analysis. Language as systemic reality of socio-cultural and communicative dimensions]. *Materialy VIII mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatzii* (June, 27, 2014, Moscow). Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 2014, 110–135 pp. (in Russian).

Ivanov N.V. Dihotomii perevoda (k ontologicheskim osnovanijam opredeleniya nauchnogo objekta perevodovedeniya) [Translation dichotomies (to the ontologic bases of definition of a scientific object of theory of translation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2015. No. 4, pp. 34–65 (in Russian).

Komissarov V.N. Sovremennoye perevodovedeniye [Modern Translation Studies]. Moscow: ETS, 2002, 424 p. (in Russian) (thesis).

Korovkina M. Teoreticheskiye aspekty smyslovogo modelirovaniya spezialnogo perevoda s rodnogo yazyka na inostranniy (na materiale publizisticheskikh tekstov ekonomicheskoi tematiki): kandidat philolol. nauk. [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of Cand. of Sciences (Philology)]; the RF Military University, Moscow, 2017, 241 p. (in Russian).

Korovkina M. Teoreticheskiye aspekty smyslovogo modelirovaniya spezialnogo perevoda s rodnogo yazyka na inostranniy (na materiale publizisticheskikh

tekstov ekonomicheskoi tematiki): extended abstract of candidate's thesis philolol. nauk [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): synopsis of a thesis of Cand. of Sciences (Philology)]; the RF Military University, Moscow, 2017, 27 p. (in Russian).

Kriuikov A.N. Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptzii perevoda [Methodological basis of the interpretative concept of translation]: kandidat thesis fil. nauk. Moscow, 1988, 442 pp. (in Russian).

Luriya A.R. Yazyk i soznaniye [Language and mind]. Rostov-on-Don: Fenix, 1998, 416 pp. [in Russian].

Mishkurov E.N. O "guermenevticheskom povorote" v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (part I) [On hermeneutic shift in the modern theory and methodology of translation], Moscow: MGU, 2013, No. 1, pp. 69–91 (in Russian).

Orozco M. Building a Measuring Instrument for the Acquisition of Translation Competence in Trainee Translators. Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives/ edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Orozco. London: AFLS, 1996, pp. 199–200.

Paducheva E.V. Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitelnosti: referentsialnye aspekty semantiki mestoimeniy [Utterance and its relation to reality: referential aspects of semantics of pronouns]. Moscow: Nauka, 1985, 272 p. (in Russian).

Presas M. Bilingual Competence and Translation Competence. In Teaching Translation in Universities. Present and Future Perspectives / edited by P. Sewell and J. Higgins. M. Presas. London: AFLS, 1996, pp. 19–33.

Riabtzeva N. Yazyk i estestvenniy intellect [Language and human intellect]. Moscow: Academia, 2005, 640 p. (in Russian).

Schweitzer A.D. Perevod i Linguistika [Translation studies and linguistics]. Moscow: Voen. izd-vo Min. obor. SSSR, 1973, 280 p. (in Russian).

Fillmore Ch. Types of Lexical Information. In: Studies in Syntax and Semantics. Ed. F. Kiefer. Ch. Fillmore. Dordrecht, 1969, pp. 109–137.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Д.А. Моисеенко,

адъюнкт Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации; e-mail: forrest_daniel@mail.ru

ДОСТИЖЕНИЕ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СТАТЬЯХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются фразеологические и нефразеологические способы перевода фразеологизмов в статьях средств массовой информации ФРГ с точки зрения эквивалентности и адекватности. Проводится анализ конкретных переводческих решений. Устанавливается соотношение между эквивалентностью и адекватностью при использовании различных переводческих соответствий.

Ключевые слова: эквивалентность, адекватность, фразеологизм, тип фразеологического соответствия, способ перевода.

Жизнь современного общества невозможно представить вне информационного пространства. Современные СМИ играют важную роль в качестве источника формирования общественного мнения и инструмента политической борьбы, реализуя при этом свою основную функцию — воздействие на читателя, которую они осуществляют посредством своего главного оружия — текста вообще и языковой единицы в частности. Во многих текстах средств массовой информации используют фразеологические единицы (ФЕ). Фразеологизмы успешно осуществляют в любом виде текста прагматическую функцию, т.е. целенаправленное воздействие на читателя, реализуемое в контексте. ФЕ способны достигать желаемой цели эффективнее свободного словосочетания или слова благодаря экспрессивности и образности. Именно поэтому ФЕ используются в текстах различных стилей, жанров, тематики с большей или меньшей частотностью в зависимости от индивидуальных особенностей языка автора.

Сегодня многие информационные тексты иностранных средств массовой информации, в том числе, многих изданий ФРГ переводятся на русский язык и цитируются в отечественных СМИ.

В связи с этим большое значение приобретает проблема перевода фразеологизмов, ведь в подобной обстановке непрофессиональная деятельность переводчика может иметь негативные последствия не только для определённого издания, но и для общества в целом.

В каждом конкретном случае переводчик выбирает стратегию перевода, которая в значительной степени зависит от целей перевода: обеспечение адекватного понимания рецептором передаваемой информации или побуждение его к практическим действиям или конкретной реакции, достижение определённого прагматического эффекта или «экстрапереводческого» результата. Для достижения каждой из этих целей переводчик делает выбор либо в пользу большей эквивалентности, либо большей адекватности перевода.

Термины «эквивалентность» и «адекватность» выходят в современном переводоведении на первый план и являются центральными понятиями теории перевода. Появившись в работах по теории перевода ещё в 50–60-х годах прошлого века, они понимались различными исследователями по-разному, но всегда отражали эволюцию взглядов на сущность перевода.

Разграничение этих двух понятий можно найти в теоретических концепциях многих исследователей. Можно утверждать, что однозначного толкования понятия эквивалентности не существует, оно достаточно сложное и многогранное. В современных трудах по теории перевода Н.К. Гарбовский, обобщая мнения многих видных учёных в области теории перевода, определяет эквивалентность как «взаимозаменяемость сравниваемых объектов, но взаимозаменяемость не абсолютную, а возможную только в каком-либо отношении» [Гарбовский, 2007: 265]. Точных параметров этого отношения текста перевода к тексту оригинала по равнозначности и равноценности, однако, указать невозможно, поскольку именно этот вопрос является спорным в науке о переводе на протяжении уже многих столетий. Можно лишь утверждать, что степень эквивалентности в конкретном случае можно определить достаточно объективно.

Под адекватностью же понимается «верное воспроизведение системы связей и отношений оригинального текста средствами другого языка» [Там же: 286]. Адекватность показывает, насколько перевод соответствует условиям межъязыковой коммуникации и носит в отличие от эквивалентности субъективный характер.

Современному переводчику необходимо помнить, что «в переводе не всё адекватно, что эквивалентно и не всё эквивалентно, что адекватно» [Там же: 292].

Обе категории этимологически связаны, они сосуществуют в любом переводе на различных уровнях языка — от перевода на

уровне слов до перевода на уровне текста. Через призму данных терминов возможно рассмотрение как всего текста перевода, так и отдельных лексических единиц, в данном случае, фразеологизмов. В зависимости от целей переводчик выбирает те или иные способы перевода.

Принято выделять фразеологический и нефразеологический перевод, где к фразеологическому относятся фразеологические эквиваленты и фразеологические аналоги, а к нефразеологическому — описательный перевод и калькирование. Все указанные способы перевода активно используются в переводческой практике. Выбор переводчика в пользу того или иного способа всегда обусловлен многими факторами, но, прежде всего, стратегическим решением в пользу большей эквивалентности или большей адекватности. С учётом данных критериев проанализируем конкретные переводческие решения на основе оригинальных статей СМИ ФРГ и их переводов, опубликованных на сайте ИноСМИ.РУ.

Итак, при использовании первого типа соответствий, фразеологического эквивалента, в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам (то же денотативное и коннотативное значение) с фразеологической единицей оригинала. При таком способе перевода возможно подобрать межъязыковой эквивалент с сохранением всего комплекса значений переводимой единицы.

*Die US-Sanktionen zielen darauf, Russland wirtschaftlich **in die Knie zu zwingen**¹.*

*Санкции США направлены на то, чтобы **поставить** Россию **на колени** в экономическом отношении².*

ФЕ *in die Knie zwingen* имеет в немецком языке значение “jmndn. unterwerfen”; “jmnds. Widerstand brechen”. На том же образе основана и русская ФЕ — «заставлять покориться, полностью подчиниться». Таким образом, проанализировав значение ФЕ, данное в одноязычных словарях, и выявив полное совпадение формы и образности фразеологизма, переводчик принял решение использовать фразеологический эквивалент. В данном случае выбор типа соответствия ФЕ не представляет для переводчика большой сложности. Благодаря соотношению структур и правилам функционирования двух языков, а также соответствию условиям межъязыковой коммуникации

¹ – URL: <http://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/russland-sanktionen-der-usa-amerikas-dummer-alleingang-kommentar-a-1159856.html> (дата обращения: October 01.2017).

² – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170728/239922845.html> (дата обращения: October 01.2017).

достигнуты максимально возможные эквивалентность и адекватность как на уровне ФЕ, так и на уровне предложения.

Предыдущий пример демонстрирует возможность полной или абсолютной эквивалентности, которая, однако, встречается во фразеологии реже, чем неполная (частичная) эквивалентность. Примером тому служат ФЕ с близким аспектным составом, но различными совокупными значениями, наличие которых необходимо обязательно учитывать при поиске переводческого соответствия для ФЕ.

Например, в качестве соответствия ФЕ *у кого-либо каша в голове*, который в сознании русскоговорящего закреплён в виде образа «кто-либо путано мыслит, у кого-либо нет ясности в понимании, в осознании чего-либо» переводчик может рассматривать в качестве возможного эквивалента три немецких ФЕ с близким аспектным составом, которые, однако, обладают противоположенными совокупными значениями — *jmnd. hat Grütze im Kopf* — “jmnd. ist gescheit” или “jmnd. ist dumm, hat Unfug im Kopf”; *jmnd. hat graue Graupen im Kopf* — “jmnd. trägt sich mit hochfliegenden Plänen”; *jmnd. hat Pudding unter der Glatze* — “jmnd. ist dumm”.

«Мне кажется, у некоторых наших партнёров **просто каша в голове...**», — заявил во вторник Путин³.

В данном высказывании речь идёт о претензиях США к России в отношении операции в Сирии. При этом президент Путин, используя ФЕ *у кого-либо каша в голове*, явно имеет в виду отсутствие ясности в понимании ситуации западными партнёрами, а не заявляет об их «смыслёности, уме и рассудительности» или, наоборот, о «глупости или хулиганских выходках», что составляет два противоположных значения немецкой ФЕ, выбранной переводчиком в качестве эквивалента.

“*Ich glaube, einige unserer Partner haben einfach **Grütze im Kopf**», sagte Putin am Dienstag*⁴.”

В словарях и тезаурусах нами не было найдено подобного значение немецкой ФЕ *jmnd. hat Grütze im Kopf*, которую использовал журнал “Der Spiegel” в переводе. В данном случае переводчиком с целью сохранения образности высказывания был подобран эквивалент на уровне сходства семантической структуры и близости денотативного значения компонентов ФЕ в ущерб адекватности

³ – URL: <http://www.rbc.ru/politics/13/10/2015/561cea069a79471498a0e11e> (дата обращения: September 23.2017).

⁴ – URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/syrien-putin-kritisiert-kooperation-der-usa-a-1057634.html> (дата обращения: September 23.2017).

перевода, поскольку в сознании немецкоязычного реципиента закреплён иной образ. На наш взгляд, в данном случае более важной целью является достижение адекватности перевода. Таким образом, целесообразно перевести ФЕ с помощью фразеологического аналога

*“Ich glaube, in Köpfen einiger unserer Partner herrscht ein heillo-
ses Durcheinander”, sagte Putin am Dienstag (перевод мой. — Д.М.).*

Стоит отметить, что фразеологизмы, обладающие другими значениями или дополнительными оттенками значений при полном или частичном сходстве семантической структуры, встречаются в немецком языке достаточно часто. Например, *aus der Haut fahren* — *из кожи (вон) лезть* — (в немецком языке имеет значение “sehr zornig sein”) — в русском «усердствовать, стараться изо всех сил»; *sich auf die Lippen beißen* — *кусать губы* — (в немецком языке “etw. nicht sagen, was man fast gesagt hätte”) — в русском «испытывать досаду»; *auf Augenbrauen gehen* — *прийти на бровях* — (в немецком “völlig erschöpft sein”) — в русском «явиться совершенно пьяным».

Такое явление можно продемонстрировать на примере перевода следующего предложения из статьи.

Nicht immer wurden die Freiwilligen mit offenen Armen empfangen⁵.

*Не всегда добровольцев встречали с распростёртыми объ-
ятиями⁶.*

Данный пример, на первый взгляд, также не должен представлять переводческой трудности. Сходство семантической структуры и денотативного значения двух ФЕ позволило переводчику предложить в качестве фразеологического соответствия русскую ФЕ *с распростёртыми объятиями*. Однако, более детальное изучение ФЕ показывает, что в немецком сознании ФЕ *jmdn. mit offenen Armen empfangen* имеет значение “jmdn. ohne Bedenken, als einen höchst Willkommenen empfangen”, а в сознании русского человека прева-лирует значение «радушно, очень приветливо», то есть отражает эмоции, а не выражает почтение, как в немецком фразеологизме. Таким образом, в данном случае переводчиком был сделан выбор в пользу большей эквивалентности в ущерб адекватности. С нашей точки зрения, подобные примеры могут являться, с одной стороны,

⁵ — URL: <https://www.nzz.ch/international/russland-entdeckt-seine-verlassenen-kinder-ld.1317377> (дата обращения: September 29.2017).

⁶ — URL: <http://inosmi.ru/social/20171003/240421133.html> (дата обращения: September 29.2017).

результатом недостаточно тщательного изучения контекстного употребления ФЕ, а также их значения в одноязычных словарях — обязательных этапов деятельности переводчика при работе с фразеологизмами. С другой стороны, ради сохранения образности речи автора переводчику зачастую приходится жертвовать оттенками значения фразеологизмов в пользу сохранения образности. Это также демонстрирует следующий пример.

*Selbst Bundeskanzlerin Angela Merkel (CDU), Putin-freundlicher Gefühle eher unverdächtig, hat gegen den Passus protestiert, mit dem Demokraten und Republikaner die geplante deutsch-russische Pipeline Nord Stream 2 **ins Visier nehmen** — nur um im nächsten Absatz anzukündigen, “dem Export von US-Energieressourcen Vorrang einzuräumen, um amerikanische Jobs zu schaffen”⁷.*

*Даже канцлер ФРГ Ангела Меркель (ХДС), которую вряд ли можно заподозрить в дружественных чувствах к Путину, протестовала против того пассажа, в котором демократы и республиканцы **взяли под прицел** запланированный германо-российский газопровод «Северный поток — 2» — лишь для того, чтобы заявить в следующем абзаце, что нужно «предоставить первенство экспорту американских энергоносителей, чтобы создавать в Америке рабочие места»⁸.*

Немецкая ФЕ *ins Visier nehmen* имеет в словаре Duden следующее толкование: “jmdn., etw. mit bestimmter feindlicher Absicht beobachten”, в то время как ФЕ *взять под прицел* не содержит в себе оттенка враждебности. Толковый словарь С.И. Ожегова [Ожегов] даёт следующее значение ФЕ — «обратить особое внимание на кого-либо, что-либо, взять под наблюдение; внимательно следить за кем-либо, чем-либо». Дилемма переводчика в подобных случаях состоит в том, что если ставить на первое место передачу подобных оттенков, то есть делать перевод более адекватным, то придётся в любом случае отказываться от использования в переводе ФЕ в пользу описательного перевода, то есть пострадает эквивалентность. При использовании же фразеологического эквивалента неизбежно теряется дополнительный оттенок внутреннего содержания ФЕ.

⁷ – URL: [http://www.spiegel.de/wirtschaft/ unternehmen/ russland-sanktionen-der-usa-amerikas-dummer-alleingang-kommentar-a-1159856.html](http://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/ russland-sanktionen-der-usa-amerikas-dummer-alleingang-kommentar-a-1159856.html) (дата обращения: October 01.2017).

⁸ – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170728/ 239922845.html> (дата обращения: October 01.2017).

Анализ примеров первого типа фразеологических соответствий показывает, что возможность подбора полного фразеологического эквивалента очень незначительна. Даже при кажущемся сходстве ФЕ важную роль порой могут играть оттенки и дополнительные значения фразеологизма. При использовании данного способа перевода переводчик ориентируется, в первую очередь, на понятие эквивалентность. Правильно подобранный эквивалент позволяет считать такой перевод также и адекватным.

Второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые фразеологические аналоги. При невозможности найти фразеологический эквивалент, переводчик может использовать в ПЯ фразеологизм с таким же переносным значением, хотя и основанном на ином образе.

*Zweitens will er **sich** nachher in der Wirtschaft keine **goldene Nase machen***⁹.

*Во-вторых, он затем не планирует **делать деньги** в сфере экономики*¹⁰.

Переводчик при переводе фразеологизмов руководствуется принципом перевода фразеологизма фразеологизмом и прибегает к иному способу только в случае невозможности подобрать фразеологический эквивалент или аналог. Не всегда закреплённые в двуязычных фразеологических словарях, фразеологические аналоги часто являются результатом работы переводчика с одноязычными словарями, позволяющими передать смысл ФЕ. При возможности сделать это перевод можно считать в равной степени эквивалентным и адекватным. В данном примере переводчику удалось как сохранить образную основу ФЕ (основанную, однако, на другом образе), так и передать содержание фразеологизма с присущей ему стилистической окраской (в словаре Duden ФЕ *sich eine goldene Nase verdienen* имеет помету ugs. — как и русское фразеологическое сочетание *делать деньги*) [Duden].

*Lawrow **hört zu mit einem Pokergesicht**, in das sich 13 Jahre und drei Monate Amtszeit eingegraben haben*¹¹.

⁹ – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/gerhard-schroeder-aergerum-den-neuen-russen-job-des-altkanzlers-kolumne-a-1163778.html> (дата обращения: February 05.2018).

¹⁰ – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170822/240091210.html> (дата обращения: February 05.2018).

¹¹ – URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/sigmar-gabriel-russland-verharmlose-die-assad-regierung-in-syrien-a-1154967.html> (дата обращения: January 28.2017).

*Лавров слушает это с каменным лицом, в котором отражаются 13 лет и три месяца его работы на этом посту*¹².

Подобный фразеологический аналог также позволяет охарактеризовать перевод как эквивалентный. Замена в русском фразеологизме образа «лица при игре в покер» (игры, более распространённой в Европе, чем в России) на «каменное лицо» (в русском сознании закреплённого в значении «ничего не выражающее») делает перевод как эквивалентным, так и адекватным — понятным получателю ПЯ.

Одним из приёмов перевода является передача смысла высказывания, то есть создание полного смыслового аналога перевода в ущерб соблюдению эквивалентности на уровне системы. Данное явление можно наблюдать в случае использования третьего типа фразеологических соответствий, к которому можно отнести описательный перевод. Часто он сводится не к переводу ФЕ, а её толкованию, но, по возможности, в максимально ясной и сжатой форме со стремлением к метафоричности и хотя бы частичной передаче экспрессии, коннотации и стилистической окраски. Это делается посредством объяснения, описания или сравнения.

К данному типу перевода прибегают в случае отсутствия в ПЯ подходящего эквивалента или невозможности использования в переводе имеющейся ФЕ из-за наличия у неё дополнительных оттенков или значений, которые могут в значительной степени исказить смысл текста или мысль автора, либо в силу системных различий в языках.

*Mit solcher Prinzipientreue, wie sie unsere Rechthaber und Eiferer im Fall Schröder **an den Tag legen**, wäre seinerzeit das Erdgas-Röhren-Geschäft nie zustande gekommen*¹³.

*С такой верностью принципам, которую **демонстрируют** наши «вечно правые спорщики» случае с Шрёдером, в то время газовая сделка никогда не состоялась бы*¹⁴.

¹² — URL: <https://inosmi.ru/politic/20170629/239698707.html> (дата обращения: January 28.2017).

¹³ URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/gerhard-schroeder-aerger-um-den-neuen-russen-job-des-altkanzlers-kolumne-a-1163778.html> (дата обращения: February 05.2018).

¹⁴ — URL: <http://inosmi.ru/politic/20170822/240091210.html> (дата обращения: February 05.2018).

*Einhalb Jahre später ist vieles anders: Erdogan und Präsident Wladimir Putin **zelebrieren den Schulterschluss**, sie brauchen einander im **Syrien-Krieg**¹⁵.*

*Спустя полтора года многое изменилось — Эрдоган и президент Владимир Путин сегодня **активно сотрудничают**, они нужны друг другу в сирийской войне¹⁶.*

*Die Beziehungen zwischen den USA und Russland haben **einen Tiefpunkt erreicht**¹⁷.*

*Отношения между США и Россией **переживают острую фазу**¹⁸.*

Приведённые примеры демонстрируют возникновение эквивалентности между непересекающимися лексическими единицами. При переводе с немецкого языка на русский часто можно столкнуться с таким явлением, как перевод фразеологизма одним глаголом или словосочетанием, не являющимся в русском языке ФЕ, ввиду различий грамматического строя двух языков. Л.К. Латышев относит такие единицы к IV типу соотношения единиц ИЯ и ПЯ, который представлен единицами, являющимися эквивалентными друг другу (то есть способными переводить друг друга) только в рамках определённых сочетаний.

По денотативному значению компоненты ФЕ в приведённых примерах не являются эквивалентами друг другу. Эквивалентность возникает только при переводе. В данном случае переводчик исходит из необходимости передачи заложенного в ФЕ образа доступными средствами ПЯ, делая перевод, в первую очередь, адекватным.

Четвертым типом перевода является калькирование иноязычной образной единицы, к которому переводчик прибегает в случае необходимости перевода безэквивалентной ФЕ.

При описании природы лексической безэквивалентности Л.К. Латышев отмечает, что указанный способ перевода «характеризуется высокой степенью механистичности. А что касается степени раскрытия описываемого явления с помощью этого приёма для

¹⁵ – URL: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/ anatoli-antonow-neuerbotschafter-russlands-in-den-usa-a-1163881.htm> (дата обращения: October 01.2017).

¹⁶ – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170823/ 240096043.html> (дата обращения: October 01.2017).

¹⁷ – URL: <http://www.tagesschau.de/ausland/ interview-amerikanisch-russische-beziehungen-101.html> (дата обращения: January 11.2018).

¹⁸ – URL: <http://inosmi.ru/politic/20161005/ 237975116.html> (дата обращения; January 11.2018)

потребителя перевода, то она зависит от того, насколько внутренняя форма отражает то, что она обозначает» [Латышев, 2008: 168]. «Механистичность» перевода в ущерб передаче внутренней формы продемонстрируем на следующем примере:

Einer der Bundestagsabgeordneten, deren Büros gehackt wurden, spricht jetzt von „kaltem Kaffee“¹⁹.

Один из депутатов Бундестага, чьи офисы были взломаны, теперь говорит о «холодном кофе»²⁰.

В данном случае переводчик в стремлении к большей эквивалентности прибегнул к калькированию немецкой ФЕ *kalter Kaffee sein*, имеющей значение “*längst bekannt und daher uninteressant sein*”. На наш взгляд, это неудачное решение, поскольку предложенный эквивалент не даёт русскоязычному читателю той полноты содержащейся в ФЕ информации, которую получает немецкоязычный читатель из-за отсутствия в русской фразеологии ФЕ *холодный кофе*. Данный пример наглядно демонстрирует, что попытка соблюдения эквивалентности в переводе делает такой перевод неадекватным. Можно было бы предложить другие варианты адекватного перевода, например, описательного, но с потерей образности выражения:

Один из депутатов Бундестага, чьи офисы были взломаны, теперь говорит о том, что это всё уже давно известно и неинтересно (перевод мой. — Д.М.).

Можно также предложить и эквивалентный перевод с помощью фразеологического аналога с похожим значением:

Один из депутатов Бундестага, чьи офисы были взломаны, теперь говорит о том, что это уже дела давно минувших дней [перевод мой. — Д.М.].

Нередко при переводе статей переводчики неоправданно прибегают к калькированию:

Man formuliert keine roten Linien, ohne dass es zu signifikanten Reaktionen kommt, wenn diese Linien überschritten werden²¹.

¹⁹ – URL: <http://www.spiegel.de/netzwelt/web/bundestagswahl-2017-debatte-um-moegliche-manipulationen-durch-russland-a-1165520.html> (дата обращения: November 21.2017).

²⁰ – URL: <http://inosmi.ru/politic/20170904/240189709.html> (дата обращения: November 21.2017).

²¹ – URL: <http://www.tagesschau.de/ausland/interview-amerikanisch-russische-beziehungen-101.html> (дата обращения: January 11.2018).

Невозможно **нарисовать красную линию**, без того, чтобы дошло до резких реакций, когда её пересекают²².

В данном случае немецкий фразеологизм имеет значение “etwas tun, das nicht mehr toleriert werden kann”; “einen Tabubruch begehen”; “eine Grenze überschreiten”. То же значение «переступить предел дозволенного, установленного», что в сознании русскоговорящего человека и есть запретная черта, ограничивающая какие-либо действия или поступки, за которую нельзя заходить, имеет ФЕ *переступить / перейти / пересечь черту*. Таким образом, в данном переводе вместо калькирования подобрать фразеологический аналог.

Невозможно провести ту черту, пересечение которой не приводило бы к возникновению резких реакций (перевод мой. — Д.М.).

Приведённые в статье примеры демонстрируют многообразие способов перевода фразеологизмов — одних из самых сложных для передачи на ПЯ единиц языка.

Подводя итог, можно отметить, что при выборе соответствия в ПЯ переводчик стремится воспроизвести наиболее важные компоненты ФЕ, к которым В.Н. Комиссаров относит переносный или образный, эмоциональный и стилистический компоненты значения фразеологизма. «Эквивалентное соответствие в ПЯ должно обязательно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь такую же (или хотя бы нейтральную) стилистическую характеристику» [Комиссаров, 1990, с. 152].

Зачастую у переводчика существует возможность выбора типа соответствия, которым целесообразней воспользоваться в зависимости от условий данного контекста и выбранной стратегии перевода. Для осуществления верного выбора перед принятием переводческого решения необходимо убедиться в правильном понимании значения ФЕ в ИЯ на основе анализа дефиниций толковых одноязычных словарей и примеров контекстного употребления каждой ФЕ.

Понятия «эквивалентность» и «адекватность» в переводе неразделимы. При различных способах перевода можно говорить лишь о превалировании того или иного из этих понятий. При использовании первых двух способов — фразеологического эквивалента

²² – URL: <http://inosmi.ru/politic/20161005/237975116.html> (дата обращения: January 11.2018).

и фразеологического аналога — переводчик в большей степени ориентируется на соблюдение эквивалентности. При этом перевод также является адекватным. Описательный перевод и калькирование выводит на первый план понятие адекватности.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. 2 изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

ИноСМИ.ру — интернет-портал ИноСМИ.ру — URL: <https://inosmi.ru>

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

Латышев Л.К. Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. / Л.К.Латышев. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 320 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь Ожегова онлайн — URL: <http://slovarozhegova.ru>

РБК — URL: <http://www.rbc.ru/>

Neue Zürcher Zeitung — URL: <http://www.nzz.ch>

Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — 2, neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim u. a.: Dudenverlag, 2002. 954 p.

Duden — Duden — URL: <http://www.duden.de>

Redensarten-Index — Redensarten-Index — URL: <http://www.redensarten-index.de>

Spiegel Online — URL: <http://www.spiegel.de>

Tagesschau — URL: <http://www.tagesschau.de>

Daria A. Moiseyenko,

Adjunct at the Military University of the Ministry of Defense
of the Russian Federation; e-mail: forrest_daniel@mail.ru

ACHIEVING EQUIVALENCE AND ADEQUACY IN TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE PRESS

The article deals with the phraseological and non-phraseological methods of translation of phraseological units found in the German press from the point of view of equivalence and adequacy. An analysis of specific translation solutions is conducted. The correlation between equivalence and adequacy is established by using different translation correspondences.

Key words: equivalence, adequacy, phraseology, type of phraseological correspondence, method of translation.

References

Garbovskij N.K. Teoriya perevoda [Translation theory]. Uchebnik. 2 izd. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 p. (In Russian).

InoSMI.ru — internet-portal InoSMI.ru [Internet portal InoSMI.ru] — URL: <https://inosmi.ru>

Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation — linguistic aspects]: Ucheb. dlja in-tov i fak. inostr. jaz., Moscow: Vyssh. shk., 1990. 253 p. (In Russian).

Latyshev L.K. Tehnologija perevoda [Translation technology]: ucheb. posobie dlja stud. lingv. vuzov i fak. L.K. Latyshev. 4-e izd., ster. Moscow: Izdatelskii centr «Akademija», 2008. 320 p. (In Russian).

Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' Ozhegova onlain [Explanatory dictionary of Ozhegov online] — URL: <http://slovarozhegova.ru>

RBK — URL: <http://www.rbc.ru/>

Neue Zürcher Zeitung — URL: <http://www.nzz.ch>

Duden — Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. — 2, neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. Mannheim u. a.: Dudenverlag, 2002. 954 p.

Duden — Duden — URL: <http://www.duden.de>

Redensarten-Index — Redensarten-Index — URL: <http://www.redensarten-index.de>

Spiegel Online — URL: <http://www.spiegel.de>

Tagesschau — URL: <http://www.tagesschau.de>

Цзинь Ифан,

аспирант Высшей школы перевода (факультета)

МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: 1554583267@qq.com

РАЗВИТИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ БОЛЬШИХ ДАННЫХ И КОРПУСА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье рассматриваются межъязыковые большие данные, которые в последние годы привлекли внимание китайских и российских исследователей. Исследуются платформа анализа межъязыковых больших данных YeeSight и создание корпуса китайского языка. Цель статьи — рассмотреть преимущества и недостатки платформы YeeSight и продемонстрировать развитие корпуса китайского языка в последние годы. Основное внимание уделено выяснению и описанию основного набора тэгов частеречной разметки корпусов китайского языка.

Ключевые слова: межъязыковые большие данные, платформа YeeSight, создание корпуса китайского языка.

1. YeeSight на фоне «больших данных»

Термин «большие данные» связывают с Клиффордом Линчем, редактором журнала “Nature”, этот термин был первый предложен по аналогии с расхожими в деловой англоязычной среде метафорами «большая нефть», «большая руда» в 2008 году. Начиная с 2012 года, большие данные постепенно стали одной из самых горячих тем. «Большие данные» — это масса новых задач, касающихся общественной безопасности, глобальных экономических моделей, неприкосновенности частной жизни, устоявшихся моральных правил, правовых отношений человека, бизнеса и государства [Майер-Шенбергер, Кеннет Кукьер, 2014: 8]. Дуг Лэни, аналитик “Gartner”, считает, что у больших данных три главных признака — по-английски это три V [Min Chen, Shiwen Mao, Yin Zhang, Victor C.M. Leung, 2014: 4]: Volume — большой объём данных, Velocity — скорость поступления (данных не просто много, а их становится всё больше и больше), Variety — данные разнообразны (есть структурированные, а есть плохо структурированные, с которыми надо работать параллельно [Садовничий, 2017: 12]).

Европейские и американские компании по анализу больших данных дали свои ответы. Компания Google использовала технологию анализа данных и предоставляла клиентам рекламы [Levy, 2012: 51].

В 2016 году Компания Cambridge Analytica анализировала данные клиентов Facebook, чтобы помочь Дональду Трампу выиграть президентские выборы в США. Американская разведывательная служба ЦРУ указала, что 90% информации мировой военной разведки можно получить из больших данных [Viktor Mayer-Schönberger, 2012: 33]. Анализ данных играл важную роль в войне между США и Бен Ладеном.

Кроме США и другие страны тоже разрабатывают технологию анализа больших данных. В 2016 году китайская компания GTCOM опубликовала платформу анализа межъязыковых больших данных — YeeSight.

Что такое межъязыковые большие данные? В октябре 2015 года компания GTCOM впервые предложила этот термин, который является новым фактором производства. Большие данные сегодня — это не просто научный термин. Это — глобальный феномен, фактор окружающей среды [Садовничий, 2017: 5]. Межъязыковые большие данные объединяет AI, языки, перевод и большие данные, применяются для стимулирования роста в широком спектре различных сфер, включают финансы, туризм, новые средства массовой информации и точный маркетинг. YeeSight — это платформа анализа межъязыковых больших данных, объединяет преимущества мощного машинного перевода и искусственного интеллекта, может помочь людям устранить языковые барьеры и расширить возможности приобретения знаний [Ю Янь, 2014: 14]. Пользователи могут искать информацию на своём родном языке и получать все соответствующие результаты на китайском, английском, русском, немецком и любом другом языке.

Достоинство платформы YeeSight заключается в том, что практические проблемы она умеет переводит в статистические, при этом для решения данных проблем используется система машинного перевода (система YeeCloud). Поэтому суть системы YeeSight заключается в том, чтобы использовать аналитические модели больших массивов данных в помощь нуждающимся в межъязыковой информации клиентам (объём межъязыковой информации больше, чем объём одноязычной информации) и переводить её на собственный язык клиента при посредстве машинного перевода.

Несмотря на то, что платформа YeeSight развивается довольно быстрыми темпами, она также сталкивается с многочисленными проблемами. Проблема в основном заключается в её системе перевода (система YeeCloud): во-первых, при переводе с разных языков эффективность перевода отличается. Например, перевод фразы с китайского на английский разительно отличается от перевода этой

же фразы с китайского на русский. Во-вторых, результаты перевода нестабильны и неравномерны, качество перевода некоторых текстов оставляет желать лучшего. Перевод — это перевыражение. Если всякое речевое произведение представляет собой в известном смысле материальное оформление отражения фрагмента действительности сознанием индивида, то перевод является отражением отражения [Гарбовский, 2007: 10]. В-третьих, качество перевода зависит от тематики текста, например, новости спорта сложнее для перевода, чем политические новости.

Успех платформы YeeSight заключается в том, что она объединяет преимущества мощного машинного перевода и искусственного интеллекта, расширяет сферу исследований перевода, содействует развитию теории перевода на практике. Недостатком же является то, что в эпоху «больших данных» размер данных относителен, и при решении каких-то более сложных задач естественно всегда требовались и требуются большие объёмы данных. Например, на данный момент объём данных ещё недостаточно велик для решения проблемы повышения точности перевода с китайского языка на русский, для этого YeeSight придётся развивать аналитические модели больших массивов данных.

Способ обработки задач в YeeSight — классический пример использования больших данных, который имеет огромное прикладное значение для решения практических проблем этой среды.

2. Создание корпуса китайского языка

Платформа анализа межъязыковых больших данных YeeSight, как и любая языковая платформа, много значит для создания национального корпуса китайского языка.

Что такое национальный корпус китайского языка? Ещё несколько десятилетий назад работа китайских лингвистических исследований выполнялась вручную, это требовало очень много времени. Философы, психологи и другие специалисты отмечают, что в будущем социально защищённым может считаться лишь тот человек, который способен гибко перестраивать направление и содержание своей деятельности в связи со сменой технологий или требований рынка [Зубов, Зубова, 2004: 9]. С развитием компьютерных технологий стало возможным проводить лингвистические исследования быстрее. Под лингвистическим корпусом понимается совокупность текстов, собранных в соответствии с определёнными принципами, размеченных по определённому стандарту и обеспеченных специализированной поисковой системой [Перцов, 2006: 319]. Учёные могли создать корпус текстов на базе китайского языка, охватыва-

ющего от миллионов до десятков миллиардов лексических единиц, особенностью является использование больших объёмов текстовой информации, сведённой в единую базу, специальным образом размеченной и именуемой корпусом. Корпусная лингвистика — раздел компьютерной лингвистики, занимающийся разработкой общих принципов построения и использования лингвистических корпусов (корпусов текстов) с применением компьютерных технологий. Под лингвистическим, или языковым, корпусом текстов понимается большой, представленный в машиночитаемом виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [Захаров, Богданова, 2011: 7].

Первым китайским компьютерным корпусом считается Научно-технический английский корпус, который был создан в 1980-е в Шанхайском транспортном университете. Потом корпусная лингвистика в Китае быстро развивается, существуют различные корпуса, такие как

древний китайский корпус
(<http://corpus.zhonghuayuwen.org/ACindex.aspx>),
современный китайский корпус
(<http://corpus.zhonghuayuwen.org/CnCindex.aspx>).

Для академических исследований некоторые китайские университеты построили свои собственные китайские корпуса, самым известным из них является китайский корпус «Пекинский университет» (<http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp>). В корпусе сохраняется не только большое количество китайской информации, но и сохраняется большая часть английской информации. Помимо университетов существуют также крупные компании, которые разрабатывают свои собственные корпуса, например,

Google Inc
(<http://storage.googleapis.com/books/ngrams/books/datasetsv2.html>),
GTCOM
(<http://www.yeesight.com/>),
Iflytek
(<https://www.xfyun.cn/>),
Sogou
(<http://www.sogou.com/labs/dl/c.html>).

Чтобы разработать единый стандарт, институт прикладной лингвистики при Министерстве образования КНР предложил «Принцип частеречной разметки в обработке современной ки-

тайской информации», устанавливающий конкретный стандарт морфологической разметки.

**Основной набор тэгов частеречной разметки
в корпусах китайского языка**

Часть речи	Пример	Тэг
Имя существительное	熊猫 (панда)	n
Существительное, означающее азимутальное направление	西南 (юго-запад)	nd
Существительное времени	周四 (четверг)	nt
Существительное, указывающее место- нахождение	窗前 (у окна)	nl
Имя собственное	习nhf	nh
Фамилия	近平nhg	nhf
Имя	(Си Цзиньпин)	nhg
Глагол	走 (идти)	v
Глагол направленного действия	过来 (прийти)	vd
Глагол, выполняющий функцию связки (специальное слово для связи подлежащего и сказуемого)	是 (являться)	Vl
Модальный глагол	能 (мочь)	vu
Географическое название	俄罗斯 (Россия)	ns
Названия учреждений, организаций и компаний	内务部 (Министерство внутренних дел)	ni
Прилагательное	聪明 (умный)	a
Числительное	一百 (сто)	m
Счётное слово	次 (раз)	q
Наречие	总是 (всегда)	d

Местоимение	我 (Я)	r
Союз	但是 (но)	c
Частица	是 (да)	u
Междометие	哎呦 (ой)	e
Звукоподражание	喵 (мяу)	o
Идиома, включая собственно фразеологию, пословицы и поговорки	多此一举 (В Тулу со своим самоваром ехать) 外交部	i
Аббревиатура	(Министерство иностранных дел)→(МИД)	j
Предлог	多亏了 (Благодаря)	p
Пунктуационный знак	w	w

Очевидно, что это принцип способствует созданию корпуса китайского языка. Вследствие этого человечеству в дальнейшем надо будет серьёзно задуматься над развитием национального корпуса.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 10.

Перцов Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика–2006». СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 319 с.

Садовничий В.А. Большие данные в современном мире. Доклад. М., 2017. 4 с.

Levy S. In the plex. How Google thinks works and shapes our lives M. Simon and Schuster, 2011. 51 p.

Mayer-Schönberger. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think Viktor, 2012. 33 p.

Min Chen, Shiwen Mao, Yin Zhang, Victor C.M. Leung. Big Data. Related Technologies, Challenges, and Future Prospects. Springer. 2014. 4 p.

Yu Yang. Yeelight, Big Data Ecosystem-GTCOM, 2014. 14 p.

Jin Yifang,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: 1554583267@qq.com

THE DEVELOPMENT OF INTERLINGUAL BIG DATA AND CORPORA OF THE CHINESE LANGUAGE

The article develops the idea that theoretical research work on interpretation in China began relatively late compared to the West. The Chinese theory of interpretation has been influenced by Western interpretation theories, among which the French translation school has had a particularly great influence on the Chinese theoretical foundations for interpretation didactics. The Chinese interpretation didactics has incorporated the most advanced Western theories of interpretation and is now moving toward scientification, systematization and professionalism, which has laid a solid foundation for professional training in the field of interpretation.

Key words: interlanguage big data, the YeeSight platform, creation of a corpus of the Chinese language.

References

Garbovskij N.K. Teorija perevoda [Theory of Translation] Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007, pp. 10 (In Russian).

Levy S. In the plex. How Google thinks works and shapes our lives M. Simon and Schuster, 2011. 51 p.

Mayer-Schönberger. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think Viktor, 2012. 33 p.

Mayer-Schönberger, Kennet Kukèr. Bol'shie dannye. Revolyuciya, kotoraya izmenit to, kak my zhivym, rabotaem i myslim [Big Data. A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think]. Per. s angl. Inny Gajdyuk. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber, 2014. 8 p. (In Russian).

Percov N.V. O roli korpusov v lingvisticheskikh issledovaniyah [About the role of corpora in linguistic research] Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaya lingvistika 2006". St. Peterburg: Izd-vo St. Peterb. unta, 2006. 319 p. (In Russian).

Sadovnichij V.A. Bol'shie dannye v sovremennom mire [Big data in the modern world]. Doklad. Moscow, 2017. 4 p. (In Russian).

Yu Yang. Yeesight, Big Data Ecosystem-GTCOM, 2014. 14 p.

Zaharov V.P., Bogdanova S.Yu. Korpusnaya lingvistika [Corpus linguistics]. Irkutsk: IGLU, 2011 (In Russian).

Zubov A.V., Zubova I.I. Informacionnye tekhnologii v lingvistike: Ucheb. Posobie [Information technology in linguistics]. Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya". 9 p. (In Russian).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

У.Н. гызы Алиева

диссертант, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Бакинского славянского университета; e-mail: bitkovskaya@inbox.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПЕРЕВОДА

Данная статья посвящена специфическим проблемам переводоведения. В центре внимания стоят вопросы лингвистической основы перевода. Соответственно теории лингвистики, в художественном тексте определяются разные уровни. В процессе перевода каждый из них может быть актуализирован или же нейтрализован. На протяжении работы над переводимым материалом адекватность субституции зависит от этих факторов.

Ключевые слова: перевод, лингвистика, культурология, уровень, оригинал, текст, теория.

Переводческий дискурс включает в себя не только лингвистическую и культурологическую проблематику, но и собственно переводческую. Конечно, не всегда просто разграничить указанные области переводческих проблем, но так или иначе они дают о себе знать. В массовом сознании перевод обычно ассоциируется с художественным переводом, общие проблемы перевода при этом даже не подразумеваются. Р.О. Якобсон, как известно, выделял три вида перевода, которые, несмотря на различия типологического характера, сохраняли и общность задач. Так, он выделял внутриязыковой перевод, межъязыковой и межсемиотический перевод [Якобсон, 1985: 17]. В первом случае речь идёт о переименовании или интерпретации, когда средства одного языка заменяются средствами того же языка. Простейший случай такого перевода — это парафраза. Во втором случае речь идёт о субституции вербальных средств одного языка вербальными средствами другого языка. Наконец, в третьем случае, названном Р.О. Якобсоном *трансмутацией*, имеется в виду передача кода естественного языка иными семиотическими системами. На наш взгляд, сюда можно отнести язык глухонемых и даже балетные постановки.

Такая постановка проблемы не проводит чётких границ между методикой или средствами перевода. Например, в случае межъязыкового перевода вполне может быть использовано одно из основных средств, или моделей, внутриязыкового перевода. Разумеется, критерием разумности такого приёма является его прагматическая логичность. Например, если в русском переводе топоним *Азербайджан* не сохраняется, а передаётся как *страна огней*, то это как раз тот случай, когда межъязыковой перевод прибегает к методике внутриязыкового. Как уже было отмечено, такое совмещение должно быть прагматически осмыслено, т.е. переводчик должен проделывать подобную операцию не механически, или ради ненужной помпезности, излишнего пафоса, а ориентируясь на достижение максимальной коммуникативной эффективности. Прагматика в данном случае совпадает с коммуникативными целями. Если использовать нарративную терминологию, то можно предположить, что переводчик в таком случае выступает самостоятельным нарратором, которого нецелесообразно смешивать с автором переводимого произведения. Таким образом, модели и участники нарративного общения увеличиваются в случае перевода художественного текста.

В переводоведении встречаются попытки увязать проблемы перевода с общесемиотической проблематикой. Так, Л.С. Бархударов говорит о связи перевода с семантикой, прагматикой и синтактикой [Бархударов, 1975: 68]. В этой связи следует отметить, что ничего необычного в этом нет. Естественно, если речь идёт о передаче определённого внеязыкового смысла, выраженного средствами одного языка, средствами другого языка, то приходится учитывать отмеченные три уровня передачи. Точнее, эти три уровня вырисовываются сами по себе. Так, уровень семантики означает передачу смысла. Уровень синтактики предполагает идентичные конфигурации, т.е. в языке перевода эквивалентное слово должно быть охвачено теми же синтаксическими, контекстными связями, что и в языке подлинника. Иными словами, подлиннику должно соответствовать не только переводимое слово, но и соответствующий контекст. Наконец, прагматический уровень требует того же уровня выразительности, прагматической силы, эффективности. Л.С. Бархударов не даёт точного определения того, что он понимает под *прагматикой*, но отмечает, что однозначного ответа на вопрос об обязательности прагматических значений нет [Бархударов, 1975: 68]. Следует отметить, что прагматические значения, как и их выделение, не должно представлять затруднений. Вообще смысл прагматики

как компонента семиотического содержания сводится к признанию у семиотических кодов воздействующей силы, или наличию силы воздействия. Любой знак так или иначе выразителен, даже те знаки, которые нам кажутся невыразительными. Прагматический эффект, на наш взгляд, непосредственно связан с коммуникативным. Все знаки языка, как и их комбинации, преследуют цель коммуникативного воздействия на адресата. Все знаки языка способны выполнять свою функцию, как номинативную, так и экспрессивную. Следовательно, вопрос о том, все или не все знаки языка обладают прагматической силой воздействия или прагматическим значением, на наш взгляд, вообще лишён смысла.

Что касается такого уровня перевода, как синтактика, то это действительно очень интересный вопрос. В структуре перевода он решается соответствием языковых конфигураций перевода языковым конфигурациям подлинника. Ясно, что этот вопрос может решаться в зависимости от предпочтений конкретного переводчика. В одном случае может воспроизводиться контекст, в лексико-семантическом и фразеологическом смысле соответствующий подлиннику. В других случаях переводчики могут позволять себе импровизации. Как раз в этом пункте задачи референциального, синтаксического и прагматического характера пересекаются. Например, если переводчик сочтёт нужным, исходя из ресурсов языка перевода, он имеет право на видоизменение исходного контекста. Критерием выступает только художественное воздействие на адресата, которым уже выступает иноязычный и инокультурный реципиент. В этом смысле вполне можно интерпретировать и замечание А. Лиловой о том, что «форма перевода зависит как от содержания, так и от формы оригинала» [Лилова, 1985: 55]. Спрашивается, а от чего же ей ещё зависеть? Видимо, от формы оригинала она зависит постольку, поскольку текст представляет собой формальное единство. Но от содержания, по всей вероятности, форма перевода зависит в первую очередь, ведь передаётся-то оно. А. Лилова говорит о таких принципах перевода, как функциональный, генетический, психологический, справедливо считая, что главная роль в создании типологии перевода принадлежит функциональному принципу. Интересно, что, говоря о психологическом принципе, Лилова имеет в виду психологию перевода в целом, не уточняя, правда, в чём она состоит [Лилова, 1985: 229]. На наш взгляд, функциональный принцип вообще достаточно сложно отграничить от психологического, особенно в такой области, как художественный перевод. Прежде всего и главным образом здесь сказывается психологи-

ская характеристика переводчика, ведь конкретные нюансы перевода художественного произведения непосредственно и в первую очередь зависят от внутреннего мира человека, взявшегося за труд представить систему образов, созданных другой личностью и при использовании другого кода, средствами совершенно иного языка. Именно от личностных особенностей зависит, что будет выделено в переводе, следовательно, функционально выделено. Сам функциональный принцип необходимо интерпретировать, верно. Видимо, речь здесь должна идти не о формальном соответствии перевода подлиннику, а именно о функциональном или функционально-семантическом соответствии.

Следует особо остановиться на таком понятии переводоведения, как «лакуна». Это явление почти неизбежно создаёт проблемы в процессе перевода. Поскольку художественный текст носит глобальный характер, его содержание имеет отношение к жизни в целом. Нет такой сферы культурной жизни народа, которая не могла бы быть представлена в пространстве художественного произведения. А поскольку национальная культура содержит специфические черты, не находящие эквивалентности в других культурах и, следовательно, в языках, то при переводе образуются так называемые лакуны, пустоты, которые достаточно сложно восполняются. В принципе они и не восполняются. Лакунарность переводов из художественной литературы в значительной степени актуализирует традиционный филологический комментарий. Проблема в том, как вводить комментирующий материал в текст перевода.

Существует два представления о лакунах. Согласно первому, лакуна — это обозначение национально-специфического феномена, который просто не знаком носителю иной культуры, следовательно, он никоим образом и не воспринимается. Второе представление о лакунах связано с особенностями лексико-семантической системы языка, когда в соответствующих парадигмах какие-то ячейки остаются незаполненными. Поиск причин таких пустот выводит исследователей на такой фактор, как историческая или историко-культурная незначительность самих экстралингвистических фактов. Такого рода лакуны очень легко выявляются при сопоставительном анализе идентичных лексико-семантических парадигм. Вызывают интерес рассуждения азербайджанских специалистов в области перевода, авторов книги «Теория и практика перевода с азербайджанского языка на русский и наоборот», Н.Д. Баширова, О.М. Годжалиева, А.Д. Гулиева, Г.М. Мухтарова. Книга на 109 страницах написана целым авторским коллективом и соответствует

целям и задачам преподавания русского языка в педагогическом институте русского языка и литературы. Авторы книги специально останавливаются на проблеме лакун и отмечают, что это слова, имеющиеся в одном языке и «отсутствующие неизвестно почему в словаре другого языка» [Баширов, Годжалиев, Гулиев, Мухтаров, 1984: 44]. В качестве примеров на лакуны из русского языка приводятся слова *сутки*, *кипяток*, *погорелец*. Обращает на себя внимание выражение «неизвестно почему». Знаковая система естественного языка складывается в результате когнитивного опыта, филогенез которого конкретно не поддаётся описанию, но вполне поддаётся логической интерпретации. Как можно объяснить, почему одно и то же слово *урод* в польском языке означает «красивый», в русском — «безобразный». Знаковая комбинаторика привела к созданию таких конкретных последовательностей звукоряда и смысловых их ассоциаций.

Лакуны, чаще всего, особенно на современном этапе общечеловеческой культуры, заполняются за счёт заимствований. Причём в таких случаях, как правило, работает глубинный семиотический механизм обозначения единой вещи единым же знаком. В теории языка это обычно расценивается как приведение означающего в соответствие с означаемым. Например, в соответствии с этим законом в русском языке появилось слово *мотель* в значении «гостиница для автотуристов». Таким образом, лакуны как пустоты в лексико-семантических парадигмах легко заполняются путём заимствования. При этом перевод, особенно художественный, вполне может оказаться в авангарде восполнения парадигм или заполнения лакун. Например, переводчик может и сам использовать иноязычное слово, если оно удачно заполняет существующую в языке перевода лакуну. Достаточно вспомнить деятельность А.С. Пушкина по такого рода обогащению лексического фонда русского языка.

Возвращаясь к высказыванию азербайджанских учёных относительно сущности лакун, необходимо отметить, что приводимые ими из русского и азербайджанского языков примеры не соотносительны. Интересно, что в русском языке в значении «сутки» чаще всего употребляется слово *день*, а не *сутки*. Ещё интереснее обстоит дело в английском языке, где в том же значении употребляется слово *day*. Если же возникает необходимость полного соответствия семеме «сутки», то англичане говорят просто *24 hours*. Так что думать о том, что по *неизвестной причине* образуются лакуны, на наш взгляд, не целесообразно. Более того, в переводческой теории и практике этот вопрос вообще лишён смысла. Подлинными лакунами, безусловно, являются названия экзотических реалий. Точнее, называть их лаку-

нами, видимо, не совсем верно. Скорее они служат причиной лакун при общении или в переводе. Также реальными лакунами являются, как было отмечено выше, пустоты в лексико-семантических парадигмах сравниваемых языков. Вне сравнения с иными языками и культурами, как правило, лакуны не обнаруживаются.

Р.К. Миньяр-Белоручев фиксирует внимание на знакомстве с ситуацией, подчёркивая такой важный момент, как понятность и в силу этого возможная недосказанность [Миньяр-Белоручев, 1999: 19]. О. Бальзак в разных произведениях всё время говорил о том, что никто не может, подслушав, понять разговор двух парижан, потому что парижане говорят полунамёками. Обратим внимание: даже не намёками, а полунамёками. На наш взгляд, Миньяр-Белоручев говорит о том же, но в иной плоскости. Полунамёки или намёки оригинала не могут быть намёками в переводе, просто потому что эти намёки будут не поняты. Но при желании сохранить стилистические особенности подлинника, в данном случае намёки и полунамёки, переводчик может использовать это как приём. Вопрос в том, насколько характерны будут эти намёки для культуры языка перевода. Если эта особенность отличает парижан, следовательно, она не совсем обычна. В этом случае в переводе соответствующие субституты могут производить впечатление искусственно подогнанных. Интересно, что Л.К. Латышев говорит о данной проблеме как о чём-то, что само собой разумеется. Например, в книге, посвящённой проблемам теории и практики перевода, он отмечает, что среди барьеров, которые преодолевают участники двуязычной коммуникации, самым главным является лингвоэтнический барьер [Латышев, 2001: 17]. Очень интересно, о каком другом барьере вообще может ещё идти речь. Термин *лингвоэтнический* в структурно-семантическом отношении распадается на две части, обозначающие соответственно язык и этнос. Языковой барьер даже не требует упоминания, поскольку без знания другого языка такой межкультурный диалог просто невозможен. Что касается этнического барьера, то он также вполне понятен, но он может и должен упоминаться, поскольку возможны случаи, когда различия в этническом миропонимании и объяснении будут или игнорироваться, или останутся просто не прочитанными, не востребованными. На наш взгляд, проблема недосказанности или недописанности, о которой говорит Р.К. Миньяр-Белоручев, пересекается с представлениями о барьерах в интерпретации Л.К. Латышева. По большому счёту лингвоэтнический барьер конкретизируется в недосказанности, в том, что переводчик или иноязычный читатель должен восстанавливать прежде всего

денотат речевой ситуации, описанной в произведении. В принципе любой художественный текст строится на недосказанности (недописанности), поскольку он рассчитан на понимание. Писатель пишет для того, кто его способен понять. Для представителя своей нации, своего города, своей профессии, своих вкусов, своего понимания жизни и отношения к ней. Писателю нужно сочувствие читателя, он ищет солидарности. Писатель имеет в виду человека, который поймёт его с полуслова, в этом вся прелесть художественного текста. Если он будет исходить из того, что его могут не понять, и будет разжёвывать каждое слово, смысл просто затеряется в словоблудии. Что же касается художественности, то в этом случае о ней можно забыть. Таким образом, правомерно говорить о недосказанности как важнейшей особенности художественного текста. Следовательно, если недосказанность является фундаментальным художественным принципом, то важнейшей задачей, которую решает переводчик, является как раз восполнение имплицитной информации. Важно также понять, что имплицитная информация может быть самой разной. Она носит характер конфигурации смысла, но может иметь отношение или к значению текста, или к его стилистике, или к глобальному или даже глобальному вертикальному контексту. Ясно, что восполнить такого рода недосказанность оригинала достаточно сложно. Однако, на наш взгляд, проблема даже не столько в том, чтобы восполнить эту информацию, а в том, что она в подавляющем большинстве случаев остаётся непрочитанной теми людьми, которые берутся за переводы художественных произведений. Дело в том, что имплицитная информация просто не эксплицируется в процессе прочтения. Она остаётся не востребованной. В этом случае справедливо провести параллель и с родной литературой. Произведения, написанные сто и более лет назад на родном для читателя языке, не прочитываются на глубинном имплицитном уровне в силу незнакомости актуальных для текста реалий. Это может быть ирония, объект которой утратил для нас актуальность, поскольку давным-давно утрачена реалья. Это может быть намёк на что-то, что нам совершенно не известно. Например, журнал «Молла-Насреддин», издававшийся в начале прошлого столетия и ставивший своей целью изобличение социального зла, сегодня во многом не понятен, поскольку нет самих фактов, о которых говорили журналисты тех лет. Таким образом, непрочитанность не является исключительной особенностью иноязычного текста, с этой проблемой сталкиваются не только переводчики. Если представить себе тот факт, что смысл текста носит мозаичный характер,

то легко понять зависимость смысла целого от смысла частей. Если какая-то часть языковой или лингво-культурной конфигурации не эксплицируется, закономерным результатом является распадение структуры целого. Читатель, как правило, создаёт себе иллюзию понимания, на самом же деле о глубине понимания и речи быть не может. Следует также учитывать, что «глубина понимания» означает «понимание» вообще.

Совершенно противоположного мнения по этому поводу придерживаются С. Влахов и С. Флорин. Они однозначно и категорически отвергают рассуждения о непереводаемости в целом [Влахов, Флорин, 1980: 6]. Причём, по их мнению, представления о непереводаемости или, как они говорят, «теория непереводаемости» отвергается самой переводческой практикой. На наш взгляд, ссылаться на переводческую практику представляет собой сомнительный аргумент, поскольку существование переводов ещё не означает их удовлетворительности. Кроме того, чрезвычайно сложно соотносить перевод с оригиналом в плане адекватности, а если так, то что означает фраза о том, что «непереводаемость отвергается самой практикой перевода». Да, конечно, на русский язык в связи с программой культурной революции была переведена, можно сказать, вся мировая классика. Но при этом почти бездоказательным остаётся предположение о том, что эти переводы, пусть очень талантливые, соответствуют оригиналу. Тот факт, что Шекспир переведён на русский язык талантливыми переводчиками, вовсе не означает, что Шекспир на английском и на русском это одно и то же по степени талантливости. В истории человеческой культуры были гении, которых по масштабу дарования невозможно сравнивать с кем-то другим. Это единицы, стоящие на литературном Олимпе, но как раз в этом случае актуален вопрос о непереводаемости. Конечно, можно говорить всего лишь о передаче общего смысла и в сносной форме, но если так, то насколько правомерно вообще говорить о переводе и, что самое главное, о том, что переводческая практика опровергает тезис о непереводаемости.

С другой стороны, как раз переводческая практика говорит о том, что степень таланта переводчика самым серьёзным образом сказывается на неповторимости уже самого перевода как оригинального художественного произведения. Например, переводы М.Ю. Лермонтова из Гёте прекрасны сами по себе как творение великого поэта. Насколько правомерно называть такого рода оригинальные художественные произведения переводами? Интересную особенность художественного перевода отмечает Н.К. Гарбовский. Он

говорит о том, что непосредственному наблюдению и оценке при анализе переводческой деятельности поддаётся только текст оригинала и текст перевода. Поэтому все наши выводы о конкретном переводе основаны на сопоставительном анализе подлинника и перевода, сама же интеллектуальная деятельность переводчика и её механизм остаются непознанными [Гарбовский, 2007: 215]. Нам представляется, что именно этим обстоятельством обусловлена критика адептами того или иного перевода и переводчика. Как правило, выступая в защиту перевода, они выдвигают один аргумент, по их мнению, очень важный. Критики перевода, с одной стороны, не предлагают собственных вариантов перевода того же произведения, с другой стороны, не знают и не могут знать мотивов переводчика, обусловивших выбор той или иной формы. Следует учитывать, что аналитические исследования в области переводоведения строятся на критическом материале. Н.К. Гарбовский абсолютно прав, что научному анализу поддаются исключительно данные подлинника и перевода, что и делает теорию перевода сопоставительной дисциплиной [Там же]. А что же делать специалисту, который ставит перед собой цель выяснить, насколько хорош перевод? Он только и может сопоставлять подлинник с оригиналом. Естественно, все его замечания будут строиться на несоответствии этих текстов или их фрагментов.

Н.К. Гарбовский справедливо полагает, что перевод как система носит иерархический характер. В соответствии с этим, он литературный перевод рассматривает как подсистему в общей системе литературного творчества, а перевод научной литературы Гарбовский считает фрагментом системы обмена научной информацией [Там же: 235]. На наш взгляд, при таком анализе налицо некоторое смещение акцентов. Так, совершенно верно, что перевод научной литературы есть не что иное, как обмен научной информацией. Но если следовать логике, определяющей литературный перевод как подсистему в системе литературного творчества, то и научный перевод необходимо считать подсистемой в общей системе научного творчества. Можно было бы подумать, что это одно и то же, но, на наш взгляд, обмен научной информацией и научное творчество — это всё же не идентичные виды творческой деятельности. Или возможен обратный вариант, когда нам придётся и литературно-художественный перевод считать не видом литературно-художественного творчества, а своего рода обменом информацией. Ведь тут в принципе делается попытка создать впечатление о творчестве другого человека. Хотя совершенно очевидно в таком случае суще-

ственное различие между научным и литературно-художественным творчеством. Дело в том, что переводчик научного труда абсолютно ничего от себя не добавляет, а средствами иного кода передаёт систему идей чужого человека. Совсем иная ситуация складывается в процессе литературно-художественного перевода. Здесь мы имеем дело именно с творчеством переводчика, что и делает перевод (несмотря на то, что это перевод чужого произведения) самостоятельным произведением. Суть различия, на наш взгляд, связана с тем, что литературное произведение как таковое носит словесный характер, зависит от слов, от языка, от мастерства в использовании языкового материала, поэтому перевод и представляет собой особую сферу творчества. В плане же творчества оно отличается только тем, что идейно-тематическая платформа не является результатом творчества переводчика. Что касается художественных особенностей, системы изобразительных средств, то они только навеяны оригиналом. На самом деле они полностью являются результатом самостоятельного творчества переводчика, потому что он работает с совершенно иным языковым материалом. Даже учёт того обстоятельства, что работа переводчика «вдохновлена» подлинником, не отрицает самостоятельности переводческой работы. Не случайно больших писателей называют *мастерами слова*. Такими же мастерами слова являются и хорошие переводчики.

В книге Н.К. Гарбовского обсуждается также интересный вопрос о семиотической природе перевода. Ссылаясь на А.Д. Швейцера, он говорит о том, что не разделяет его «осторожную» позицию в вопросе об использовании семиотических категорий в переводоведении [Там же: 246]. Нам представляется, что позиция А.Д. Швейцера по этому вопросу заслуживает большего внимания. Хотя и сам Гарбовский отмечает, что абсолютизация семиотического принципа, как и лингвистического, ничего положительного теории перевода не даёт и дать не может. Но при этом он все же сочувственно относится к семиотической основе переводоведения. При этом он обращается к авторитету Ч. Морриса, утверждавшего, что семиотика представляет собой инструмент для других наук [Там же: 247]. Это совершенно бесспорно, особенно если учитывать то обстоятельство, что мы живём в знаковом пространстве. Человеческая культура в любых её проявлениях носит знаковый характер.

На наш взгляд, А.Д. Швейцер осторожно относился к использованию категорий семиотики в теории перевода только из желания избежать формализации творческого процесса перевода. Семиотика сродни математике, семиотический уровень анализа предполагает

высокую степень формализации. В то же время перевод художественной литературы максимально отдаляется от формализации уже на уровне отбора единиц. Дело как раз в том, что выбор единиц текста не поддаётся формальной субституции. Формальные словарные лексические эквиваленты двух языков не всегда оказываются эквивалентами при переводе художественного произведения. Это происходит по той причине, что перевод литературного произведения имеет дело не только со смыслом, но и с системой художественных образов. Следовательно, при таком переводе огромное значение приобретает характер и объём экспрессии, а это почти не поддаётся формально-семиотическому описанию.

В этой связи уместно вспомнить и такое явление, как авторский перевод. Р.М. Манафоглу, долгие годы специально занимавшийся авторским переводом в Азербайджане, утверждает, что писатель при переводе собственного произведения на другой язык, фактически создаёт новое произведение [Манафоглу, 1997: 57]. Это очень важное положение, особенно если экстраполировать его на перевод вообще, т.е. выполняемый не автором произведения, а посторонним человеком. Если даже автору не удаётся перевести текст, и он вынужден создавать новое произведение, то понятно, что переводчику только кажется, что он выполнил перевод. Более того, хорошим переводом, по всей вероятности, считается именно результат подлинного творчества. Но именно такое творчество свидетельствует о самостоятельной ценности перевода. Если автор, переводя собственное произведение, создаёт новое, то переводчик тем более создаёт новое произведение. Сложность художественного перевода в этом и заключается. Если переводчик старается во всем следовать подлиннику, то он переводит механически. В этом случае, как правило, удачного перевода не получается. Если же он достаточно талантлив, чтобы действовать самостоятельно, то в этом случае он обязательно импровизирует, в чем его невозможно обвинить. Б.Н. Климзо указывает в этой связи на одну особенность английского языка, которая, на наш взгляд, распространяется на все языки. Ссылаясь на американского исследователя языка технической литературы Дж. Чаплайна, он отмечает, что английский язык «обладает дьявольской способностью говорить не то, что собирался сказать автор» [Климзо, 2006: 143]. Если обращаться с английским языком неумело, то он теряет всякий смысл. При этом Б.Н. Климзо считает, что чаще всего именно так и обстоит дело. Как уже было отмечено, можно считать, что эта особенность характеризует не только английский язык, но и все языки мира. Просто нам кажется,

что перевод выполнен, но не совсем удачно. На самом же деле перевода нет. Особенно актуальна эта ситуация в случае художественного перевода. Степень отдаления от подлинника, таким образом, зависит от очень многих причин. Результаты в свою очередь также различны, а крайним полюсом является очевидная бессмыслица. Ф.Ч. Рзаев использует такой термин, как *интерпретация*. Он считает, что «действительно, работа переводчика является интерпретацией текста оригинала» [Рзаев, 2011: 20]. Причину учёный видит в образности и многозначности художественного текста. В этой связи следует отметить, что, если интерпретация является закономерной реакцией на многозначность текста, то она в свою очередь является снятием многозначности. Иными словами, если многозначность предполагает несколько смыслов, а адресат интерпретирует текст, то это означает, что он из многих смыслов выбирает один.

Подводя итоги проведённому анализу, можно отметить, прежде всего, многогранность как самого переводческого процесса, так и его оценок. Опыт анализа конкретных переводов свидетельствует о том, что оценки обычно базируются на одностороннем подходе к переводческому труду. Кроме того, анализ переводов ведётся в основном по пути поиска неверной передачи смысла отдельных слов или предложений. Но такого рода ошибки, как правило, связаны с элементарным незнанием или плохим знанием языка подлинника. Они являются ошибками семантического порядка. Более сложными являются ошибки стилистического характера, обусловленные плохим чувством окраски или социальной принадлежности языковых средств. Не секрет, что даже в своём родном языке говорящие и пишущие не всегда чувствуют стилистических нюансов. Уровень стилистической дифференциации представляет собой достаточно высокий уровень владения языком, поэтому стилистические ошибки встречаются часто. Ещё более высокий барьер составляют культурные и культурно-исторические факты. Незнание так называемого вертикального контекста очень часто становится причиной неправильного перевода.

Наверно, дискуссии вокруг главной цели художественного перевода не прекратятся и в будущем. Как показывает анализ литературы вопроса, в этой области существуют как объективные, так и субъективные причины. Исторически переводы фундаментальных текстов повлияли на развитие языков мира существенным образом. Но так или иначе, перевод и сегодня в современном мире остаётся очень большим звеном в процессе взаимообогащения и взаимодействия, и литератур, и культур.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975, 240 с.

Баширов Н.Д. Теория и практика перевода с азербайджанского языка на русский и наоборот / Н.Д. Баширов, О.М. Годжалиев, А.Д. Гулиев, Г.М. Мухтаров. Баку: 1984, 109 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М.: Международные отношения, 1980, 341 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2007, 544 с.

Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. М.: Р. Валент, 2006, 508 с.

Латышев Л.К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001, 280 с.

Лилова А. Введение в общую теорию перевода. М.: Высшая школа, 1985, 256 с.

Манафоглу Р. История авторского перевода в Азербайджане. Баку: Мутарджим, 1997, 115 с.

Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? М.: Готика, 1999, 176 с.

Рзаев Ч.Ф. Проблемы перевода прозы Л.Н. Толстого на азербайджанский язык: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Бакинский славянский университет. Баку, 2011, 69 с.

Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // В кн.: Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.

Husniya N. Aliyeva,

Postgraduate Student, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Intercultural Communication of Baku Slavic University, Azerbaijan; e-mail: bitkovskayay@inbox.ru

SPECIAL ASPECTS OF TRANSLATION

The article deals with various translation problems. The author's focus is on the linguistic bases for the translation process. According to language theories, several levels are distinguished in a literary text. In the process of translation each of those can be either activated or neutralized. The adequacy of substitution depends on these factors.

Key words: translation, linguistics, cultural studies, level, original, text, theory.

References

Barhudarov L.S. Yazik i perevod [Language and translation]. Moscow: Mezhdunarodny otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).

Bashirov N.D. Teoriya i praktika perevoda s azerbaydzhanskogo yazyika na russkiy i naoborot [Theory and practice of translation from Azerbaijani into Russian and vice versa]. N.D. Bashirov, O.M. Godzhaliev, A.D. Guliev, G.M. Muhtarov. Baku: 1984, 109 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. Teoriya perevoda [Translation theory]. Moscow: MGU, 2007, 544 p. (In Russian).

Klimzo B.N. Remeslo tehničeskogo perevodchika [Craft technical translator]. Moscow: R. Valent, 2006, 508 p. (In Russian).

Latyishev L.K. Tehnologiya perevoda [Translation technology]. Moscow: NVI-TEZAVRUS, 2001, 280 p. (In Russian).

Lilova A. Vvedenie v obschuyu teoriyu perevoda [Introduction to the general theory of translation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1985, 256 p. (In Russian).

Manafoglu R. Istoriya avtorskogo perevoda v Azerbaydzhane [The history of the author's translation in Azerbaijan]. Baku: Mutardzhim, 1997. 115 p. (In Russian).

Minyar-Beloručev R.K. Kak stat perevodchikom? [How to become a translator?] Moscow: Gotika, 1999, 176 p. (In Russian).

Rzaev Ch.F. Problemy perevoda prozy L.N. Tolstogo na azerbaydzhanskiy yazyik [Problems of translation of the prose of L.N. Tolstoy into the Azerbaijani language]: extended abstract of Doktor's thesis filol. nauk. Bakinskiy slavyanskiy universitet. Baku, 2011. 69 p. (In Russian).

Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. S. Vlahov, S. Florin. Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, 1980, 341 p. (In Russian).

Yakobson R.O. O lingvističeskikh aspektah perevoda [About linguistic aspects of translation]. V kn.: Yakobson R.O. Izbrannyye raboty. Moscow: Progress, 1985, pp. 361–368 (In Russian).

Л.В. Борисова,

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

А.М. Иванова,

доктор филологических наук, заведующий кафедрой чувашской филологии и культуры, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»; г. Чебоксары; e-mail: amivano@rambler.ru

**КЛАСТЕР «КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
(русско-чувашские параллели)**

В статье приведены результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа языковых единиц, репрезентирующих кластер «культурные растения» в русской и в чувашской языковых картинах мира. Значительное место в исследовании занимает анализ устойчивых сравнений, метафор и традиционных народных символов, используемых в фольклоре. Лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковой картины мира этноса, и предпринятое исследование вносит определённый вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского народов, а также позволяет выявить некоторые особенности национального мировосприятия.

Ключевые слова: кластер, коннотация, концепт, культурный код, лингвокультурология, менталитет, сопоставительная семантика, языковая картина мира.

Значение языка в культуре любого народа трудно переоценить. Язык, менталитет этноса и этническая культура настолько тесно связаны друг с другом, что практически составляют единое целое и не могут функционировать в отрыве друг от друга. Этот факт подчёркивается во многих современных исследованиях [см. Борисова, 2012; Чуева, 2015]. Не случайно в отечественной лингвистике весьма актуальны исследования, в которых язык рассматривается как культурный код этноса [см. Борисова, 2013; Борисова, 2014].

В данной работе представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического изучения лексических и фразеологиче-

ских единиц, репрезентирующих кластер «культурные растения» в русской и чувашской языковых картинах мира. В основе исследования лежит представление о том, что в семантике слов закрепляются мировоззрение и мироощущение народа, свой вариант образа мира. У каждого народа существуют свои образно-ассоциативные способы и средства переосмысления исходных лексических значений во вторичной номинации, в связи с чем особое внимание уделено анализу переносных значений, образно-ассоциативных параллелей, сочетаемости слов.

Из наименований злаковых / мятликовых растений и в русской, и в чувашской языковых картинах мира ярко выраженной культурной коннотацией характеризуются рожь (чув.: *ыраш*), овёс (чув.: *сёлё*), просо (чув.: *вир*). В русской языковой картине мира культурную коннотацию имеет также пшеница, а в чувашской — полба (чув.: *пӑри*). **Рожь** (чув.: *ыраш*) и в русском, и в чувашском народном сознании считается самой важной сельскохозяйственной культурой. Сравните русские поговорки: *Сей рожь, а греча не печа* (не забота); *Плох овёс — наглотаешься слёз, не уродится рожь — по миру пойдёшь*. В традиционном чувашском народном сознании хлеб — это именно ржаной хлеб, он считается основой жизни. Сравните: *Ыраш пулсан, сӑкӑр пулать, сӑкӑр пулсан, пурнӑс пулать* («чув. посл.) Будет рожь — будет и хлеб, а будет хлеб — будет и жизнь» [ЧХП-ВС, 2007: 27]. В русской лингвокультуре для выражения искренней любви и глубочайшего почтения могут употребляться слова «мать», «матушка». К примеру, *Родина-мать, Волга-матушка*. Слово «мать» в этом значении употребляется в русском языке и в сочетании со словом «рожь». Сравните: *Ржица-матушка поспела, к земле клониться велит*. В русском устном народном творчестве рожь символизирует жениха, а пшеница — невесту. Сравните: *В нашем жите хорош росток* (о женихе); *И в нашей пшенице нет торицы* (о невесте). В русской языковой картине мира значима оппозиция *рожь — пшеница*, причём рожь символизирует общедоступность, общераспространённость, а пшеница — элитарность, доступность только для избранных (богатых). Пример: *Матушка-рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка по выбору*.

В традиционном чувашском мировоззрении оппозитивную пару ржи (чув.: *ыраш*) составляет **полба** (чув.: *пӑри*) — один из видов пшеницы. В традиционной чувашской культуре полба ценилась ниже ржи. Сравните: *Паянхи пӑри ыранхи ыраиран хаклӑрах* «Сегодняшняя полба лучше завтрашней ржи» [ЧХП-ВС, 2007: 27]. Если в русском устном народном творчестве рожь символизирует жениха, то в чувашском фольклоре распространена параллель

ыраш «рожь» // хёр «девушка». Например: *Писнӹ-писмен ырашне / Вырса сая ятӹмӹр. / Ўссе ситмен тантайшне / Парса сая ятӹмӹр* «(нар. песня) Мы только зря испортили рожь, / Начав её жатву в недозрелом виде. / Мы напрасно причинили вред нашей сверстнице, / Выдав её замуж в слишком раннем возрасте» [ЧХС-4, 1979: 216]. В чувашском устном народном творчестве также распространены следующие ассоциативные параллели: 1) *ыраш «рожь» // тайван «родственники» (Сар, сар, сар ыраш, / Сар ырашӹн каю сук, / Каю пулма майӹ сук. / Пирӹн тавраира пӹрахӹс сук, / Пӹрахӹс пулма майӹ сук, / Майӹ пур та, сырни сук!* «(нар. песня) Желта, желта, желта рожь, / У жёлтой ржи отавы нет, / Отаве быть возможности нет. / В нашей родне вырождков нет, / Выродкам быть возможности нет, / Возможность есть, да предопределения свыше нет» [ЧХС-3, 1978: 69]; 2) *ыраш ани «ржаное поле» // атте килӹ «родительский дом» (Ыраш анинче мӹн ытла? / Шур тӹрӹллӹ чечек ытла. / Ашиӹ килӹнче мӹн ытла? / Пӹве ситнӹ хӹр ытла* «(свад. песня) Что является лишним на ржаном поле? / Белый цветок. / Кто является лишней в родительском доме? / Подростая дочь» [ЧХС-4, 1979: 273].

Овӹс в традиционной русской лингвокультуре характеризуется мужской символикой. Сравните: *В июне батюшка овӹс до половины только дорос; Я люблю овӹс косить, / Когда овӹс зелӹненький. / Я люблю с дружкой сидеть, / Когда дружок весӹленький* [Частушки, 1990: 331]. *Сӹлӹ «овӹс»* в традиционной чувашской культуре характеризуется женской символикой. Сравните: *Вӹрман хӹрне сӹлӹ акса / Сая ятӹмӹр вӹрлӹхне. / Сич ют килне хӹр парса / Сая ятӹмӹр йӹмӹка* «(свад. песня) Посеяв овӹс на краю леса, / Мы впустую истратили зерна. / Выдав замуж в чужую семью, / Мы впустую погубили се-стрӹнку» [ЧХС-4, 1979: 125].

Просо (чув.: *вир*) в традиционной чувашской культуре также характеризуется женской символикой. Сравните: *И, вир тесӹсӹ, вир тесӹсӹ, / Килле ярса тӹвесӹсӹ. / Хӹр чух савса илесӹсӹ, / Арӹм пулсан хӹнесӹсӹ* «(нар. песня) Говорят: «Просо, просо!» — / И толкут его в ступке. / Девушек, любя, берут замуж, / А когда сделают своими женами, избивают их» [ЧХС-4: 115]. В русской языковой картине мира просо определённой символикой не характеризуется.

Среди однодольных спаржецветных растений имеют культурную коннотацию и в русской, и в чувашской языковых картинах мира два представителя *амариллисовых* — лук (чув.: *сухан*) и чеснок (чув.: *ыхра*). Отношение к луку и чесноку в традиционной русской культуре преимущественно положительное. Русские паремии подчеркивают, что эти овощи исключительно полезны для здоровья человека. Сравните: *Лук от семи недуг; Лук да баня всё правят; Лук*

семь недугов лечит, а чеснок семь недугов изводит. В то же время в поговорках подчёркиваются и такие свойства лука, как горечь, едкость, способность вызывать слёзы: *Влюбился, как чёрт в луковицу: ест да плачет*. В этой связи отметим также устойчивое сочетание *горе луковое* «мелкие печали; ничтожные огорчения, не заслуживающие слёз». Что касается **чеснока**, то в произведениях русского устного народного творчества такие свойства чеснока, как горечь, едкость, резкий специфический запах могут переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека, определенных человеческих качеств с чесноком может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните: *Не ела душа чесноку, так и не воняет; Сердце с перцем, душа с чесноком*. В произведениях чувашского устного народного творчества по отношению к чесноку (чув.: *ыхра*) закреплено негативное отношение. Сравните: *Ыран тени ыхра шӑршилӗ* «(погов.) Слово «завтра» воняет чесноком»; *Паянхи — палан, ыранхи — ыхра* «(погов.) Настоящее — калина, будущее — чеснок (об одолевших человека горестях и несчастьях)»; *Хӳйма та хӳйне мухтать, ыхра та хӳйне ырлатӑ* «(посл.) И сметана (то есть действительно хорошее, стоящее) себя прославляет, и чеснок (то есть плохое) себя восхваляет» [ЧХП-ВС, 2007: 74].

Что касается отношения к луку (чув.: *сухан*), зафиксированного в произведениях чувашского фольклора, то оно характеризуется амбивалентностью. С одной стороны, открыто демонстрируется положительное отношение. Сравните: *Сухан йӳсси — чун усси* «(чув. погов.) Горечь лука — отрада души» [ЧХП-ВС, 2007: 51]; *Йӳранӗ-йӳранӗ ешӗл сухан / Илемӗ-ске ешӗл вӑхӑтра. / Ушкӑнӗ-ушкӑнӗ самрӑк ача / Илемӗ-ске самрӑк вӑхӑтра* «(нар. песня) Грядки зелёного лука / Прекрасны, пока лук зелен. / Группы юношей / Прекрасны, пока парни молоды» [ЧХС-4, 1979: 331]. С другой стороны, с горечью и едкостью лука ассоциируются желчь, раздражение, злора, раздражительность, язвительность (чаще всего свекрови по отношению к снохе). Сравните: *Пирӗн килемей хаяр мар, / Хаяр мар та юрама сук. / Пускил арӑмӗ юрайманна / Наӱк пике юрас сук. / Килеми сухань йӳс сухан, / Йӳсӗ сухан вун йӳран, / Вун йӳрантан пӗр йӳранне / Пускил арӑмӗ сисе яман, / Наӱк пике валли юлнӑ, / Вӑл та сисе ярас сук, / Килемей хаярӗ пӗтес сук* «(свад. песня) Наша тётушка не злая, / Но когда она начнет злиться, ей не угодить. / Раз уж соседка ей угодить не смогла, / Сударушке Насте не угодить и подавно. / Лук нашей тётушки — горький лук, / Горького лука — десять грядок, / Даже одну грядку из десяти не смогла съесть соседка, / Осталось для сударушки Насти, / И ей его не съесть, / Желчи нашей тётушки нет конца» [ЧТ-ЧХК, 2003: 96]. Лук в чувашской языковой картине

мира может символизировать горести, несчастья, страдания. Сравните: *Ах, кинём Таисси! / Пирён пата пырсассан, / Пирён анкарти пит пуан: / Сур анкарти сырлаллй, / Сур анкарти суханлй* «(свад. песня) Ах, наша невестушка Таисия! / Когда ты переедешь к нам, / Увидишь, что у нас очень богатый огород: / Пол-огорода занимают ягоды, / Пол-огорода — лук» [ЧХС-4, 1979: 78].

Среди бобовых растений в русской языковой картине мира культурной коннотацией характеризуются горох и бобы, а в чувашской — горох (чув.: *пӑрса*) и чечевица (чув.: *ясмӑк*). **Горох** в русской языковой картине мира лежит в основе следующих ассоциаций: 1) горох // нечто желаемое (*Завидны в поле горох да репа: кто ни пройдёт, щипнёт*); 2) горох // девушка (*Девушка в красе — что горох на полосе: кто идёт, тот щипнёт*); 3) горох // безобидный, беззащитный человек (*Наш горох никому не ворог*); 4) горох // нечто маловажное (*Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживём троху*). В чувашской языковой картине мира горох (чув.: *пӑрса*) ценится весьма высоко, являясь одним из важных символов изобилия и процветания. Сравните чувашские поговорки: *Пёр пӑрса — пин ылтӑн, тесӑӑ* «Одна горошина — тысяча золотых монет»; *Пӑрса умёнче кашниех пуҫ таять* «Перед горохом каждый склоняет голову» [ЧХП-ВС, 2007: 83].

Ассоциацию с кем-, чем-либо желаемым для многих и в то же время незащищённым, неспособным за себя постоять, дать отпор обидчикам вызывает в чувашском языковом сознании **чечевица** (чув.: *ясмӑк*). Сравните: *Пурнӑҫ сул хӗрринчи ясмӑк пек* «Жизнь, как у чечевицы при дороге (т.е. плохая)» [ЧХП-ВС, 2007: 96].

Ассоциация с чем-либо незначительным, маловажным, свойственная гороху, характерна в традиционном русском мировосприятии и для **бобов**, поэтому в русских поговорках горох часто упоминается в паре с бобами. Сравните: *Этот горох не лучше бобов; Не чванься, горох, перед бобами, будешь сам под ногами*. С бобами в традиционном русском языковом сознании ассоциируются также бесполезность, безрезультатность. Сравните фразеологизмы: *Остаться (сидеть) на бобах* «обманувшись в расчётах, остаться ни с чем»; *Бобы разводить* «заниматься пустыми разговорами, задерживать внимание на пустяках».

Из виноградоцветных растений культурной коннотацией и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характеризуется **виноград** (чув.: *иҫӗм*). В русском фольклоре с виноградом традиционно сравнивается девушка или парень. Сравните: *Уж ты, винная ягодка, / Виноградная веточка, / Душа красная девица / Александра Алексеевна!* [ОП, 1989: 109]. В чувашской языковой картине мира

виноград (чув.: *ицём*) характеризуется исключительно положительной коннотацией, также является символом молодости, молодого задора, энергии. Сравните: *Самрай чун — ицём, ёмёчё — сицём* «(чув. посл.) Молодые души подобны винограду, их мечты — молнии» [ЧХП-ВС, 2007: 47]. В чувашском фольклоре с виноградом сравниваются молодые представительницы прекрасного пола. Пример: *Сул хёрринчи ицёмне / Мёпле сана тём тивмест? / Ой, кинём, Галя кин, / Мёпле сана куш ўкмест?* «Придорожный виноград, / Как тебе не вредят заморозки? / Ой, невестушка Галя, / Как тебе не вредит дурной глаз?» [ЧТ-ЧХК, 2003: 163].

Из ворсянкоцветных растений культурной коннотацией характеризуется представитель жимолостных — *калина*. В русском фольклоре широко представлена оппозиция *калина — малина*, в которой малина является символом сладкого, приятного, доставляющего удовольствие, а **калина** — горького, неприятного, нежелательного, отталкивающего. Сравните русские поговорки: *Не бывать калине малиною; С малиника лыки не велики, да ягоды сладки, а с калиника лык надерёшь, да ягод в рот не возьмёшь*. В чувашской языковой картине мира калина (чув.: *палан*) также символизирует горечь (в прямом и в переносном смысле, то есть горести, несчастья, переживания, страдания). Сравните чувашскую поговорку *Паянхи — палан, ыранхи — ыхра* «Настоящее — калина, будущее — чеснок (об одолевших человека горестях и несчастьях)». Правда, русской оппозиции *калина — малина* в чувашском фольклоре соответствует оппозиция *калина* (чув.: *палан*) — *виноград* (чув.: *ицём*). Сравните: *Паянхи палан ыранхи ицём сырлинчен тутлярах* «(чув. посл.) Сегодняшняя калина вкуснее завтрашнего винограда» [ЧХП-ВС, 2007: 67].

Из гвоздичноцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований гречишных (*гречиха*) и маревых (*свёкла*). **Гречихе** и **свёкле** в русской языковой картине мира сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно важное». Сравните *Сей рожь, а греча не печа; Не убил рябчика, ешь свёклу*.

Из зонтикоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований зонтичных / сельдерейных (*морковь*). В русском фольклоре **морковь** противопоставляется луку как сладкое (= хорошее) горькому (= плохому). Сравните: *Лук с морковкой хоть и с одной грядки, да неодинаково сладки*. В русской лингвокультуре эта поговорка может употребляться применительно к братьям или сёстрам, выросшим в одной семье, но вызывающим противоположную оценку. В подобной ситуации о родных братьях

чуваши говорят: *Пиччӗшӗ пилеш нек, шӑллӗ шӑлан нек* «Старший брат подобен рябине (в чувашской культуре это одно из священных растений), а младший — шиповнику».

Из камнеломкоцветных растений культурной коннотацией характеризуется представитель крыжовниковых **смородина**. В русском фольклоре был выявлен только один пример, содержащий анализируемую лексику: *Смородина набьёт оскомину*. Коннотативную составляющую трудно охарактеризовать как положительную. В чувашской языковой картине мира смородина (чув.: *хурлӑхан*) является символом горя, беды, несчастья, страданий, переживаний, грусти, печали, тоски. Сравните: *Хурлӑхантан хурлӑ йывӑс сук тесӗӗ* «(чув. погов.) Нет растения более горестного, чем смородина» [ЧХП-ВС, 2007: 58]; *Пире атте-анне суратнӑ чух / Тытмашкӑн та кипкийӗ пулман пуль, / Хурлӑхан сӗлсине, ай, тытнӑ пуль, / Савӑнна эфир хурлӑхлӑ пулнӑ пуль* «(нар. песня) Когда мы появились на свет, / У наших родителей, видимо, не было пелёнок, / Вместо них, видимо, использовали листья смородины, / Возможно, поэтому мы такие горемычные» [ЧХС-3, 1978: 52]; *Ыр тетесӗм, тетесӗм, / Хура вӑрман варринче / Хурлӑхан ӱсет хурланса, / Татаймӑн-ши, тетесӗм? / Сичӗ ютӑн килӗнче / Йӑмӑку йӗрет татӑлса, / Сӑлаймӑн-ши, тетесӗм?* «(нар. песня) Милый мой братец, / Посреди дремучего леса / Горюя, растёт смородина, / Не сможешь ли ты собрать её ягод? / В доме чужаков / Надрываясь, плачет твоя сестрёнка, / Не сможешь ли ты её спасти, братец?» [ЧХС-4, 1979: 110].

Из крестоцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных наименований капустных (*капуста, редька, репа, хрен*). **Капуста** в традиционном русском народном сознании воспринимается как наиболее важная огородная культура. Сравните русские поговорки: *Для чего огород городить, коли капусты не садить? Хлеб да капуста лихого не попустят: Без капусты животы пусты*. Капуста — культура, характеризующаяся женской символикой. Что касается коннотативной составляющей, то она преимущественно положительная, правда, в отдельных случаях проявляются пренебрежительные нотки. Например: *В хвалёной капусте много гнилых кочней; Вышла честь на капусту*. Женской символикой характеризуется капуста (чув.: *купӑста*) и в чувашской языковой картине мира, а что касается коннотации, то это исключительно пренебрежение и презрение. Сравните: *Панчи-панчи купӑсти / Виç сешкене лармасӑр, / Хӑсан йӑрана лартни пур. / Сакаӑ ялӑн хӗрӗсем / Виçшер ача тумасӑр / Хӑсан качча кайни пур* «(свад. корильн. песня) Рассаду капусты / Обычно не пересаживают, / Пока не появится

трёх листьев. / Девушки этой деревни / Обычно не выходят замуж, / Пока не родят трёх детей» [ЧХС-4, 1979: 406].

Женской символикой характеризуется в русской языковой картине мира и **репа**. Репя является одним из традиционных символов девушки. Сравните: *Мимо девки да мимо репки так не пройдеши; Накануне Рождества / Сеял репу — не взошла, / Сватал Катю — не пошла. / Пересею, так взойдёт, / Пересватаю — пойдёт!* [Частушки, 1990: 97]. Сравнение девушки с репой характеризуется положительной коннотацией: *Кругла, бела, как мытая репка*. Репе как огородной культуре в русской языковой картине мира сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное». Примеры: *Репой да брюквой не хвалятся; Помяни репу, чтобы дали капустаи*.

Культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное» сопутствует в русском языковом сознании и такой огородной культуре, как **редька**. Сравните поговорки: *Ядь добра и редька, коли не случилось рыбки; Редька хвалилась: я с мёдом хороша*. В произведениях русского устного народного творчества такое свойство редьки, как горечь, может переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека с редькой может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните поговорку: *Федька горек, что редька*. В чувашской языковой картине мира редька огородная (чув.: *йӹс кӹшман*) символизирует врагов, этому сравнению сопутствует отрицательная коннотация. Сравните: *Тӹшман — йӹс кӹшман* «(чув. погов.) Враг — редька огородная» [ЧХП-ВС, 2007: 85].

Свойство горечи объединяет в традиционном русском народном сознании две огородные культуры — редьку и хрен: *Не смейся, хрен, не слаще редьки. Хрену*, так же как и редьке, в русском языковом сознании сопутствует культурная коннотация «малозначительное, не особенно ценное» и несколько пренебрежительное отношение. Примеры: *Дёшево хрен, да чёрт ли в нём? Словно хрен: не изведёшь; Хрен редьки не слаще* (о ком-, чём-либо, одинаково не удовлетворяющем чем-либо, не подходящем для чего-либо). Сравните также просторечное бранное выражение *старый хрен* — «старик, старый человек».

Из мальпигиецветных растений культурная коннотация характерна для **льна** (чув.: *йӹтӹн*), который в русской языковой картине мира характеризуется положительной коннотацией (*Кто посеет лён, пожнёт золото*), а в чувашской — отрицательной. В произведениях чувашского устного народного творчества представлена ассоциативная параллель *йӹтӹн* «лён» // *элек* «порочащие сплетни, наговоры»: *Эпӹ утас сул сине / Йӹтӹн акса тултарнӹ, / Мӹнле*

иртсе каям-ши? / Эпӗ пырас кил-сурта / Элек парса тултарнӑ, / Мӗнле пырас кӗрем-ши, / Пуҫӑма ӑста чикем-ши? «(нар. песня) На дороге, по которой мне предстоит пройти, / Посеян лён, / Как же мне пройти? / В дом, в котором мне предстоит жить, / Доставлены порочащие сплетни, / Как же мне туда войти?» [ЧХС-4, 1979: 188].

Из паслёноцветных растений культурная коннотация характерна для отдельных представителей паслёновых, в частности для **картофеля** (чув.: *сӗр улми / улма / паранкӑ*), который и в русской, и в чувашской языковых картинах мира воспринимается исключительно как огородная культура, продукт питания, причём в традиционном русском народном мировосприятии картофель характеризуется положительной коннотацией (*Картофель — хлебу подспорье*), а в традиционном сознании чувашского народа коннотативная составляющая характеризуется амбивалентностью. Сравните: 1) положительная оценка: *Сӗр улми — иккӗмӗш сӑкӑр, тесӗӗ* «(чув. погов.) Картофель — второй хлеб»; 2) негативное (презрительное) отношение: *Сӗр улми сисех сӗр сул пурӑнаймӑн* «(чув. погов.) Питаясь одним только картофелем, сто лет не проживёшь»; *Кӗтмене — кӑмака улми* «(чув. погов.) Тому, кого не ждали, достается печёный картофель» [ЧХП-ВС, 2007: 105].

Из перечноцветных растений культурной коннотацией в русской языковой картине мира характеризуется представитель перечных **перец** (чув.: *пӑрӑс*). В произведениях русского устного народного творчества такие свойства перца, как горечь, едкость, резкий специфический запах могут переноситься в антропоморфную сферу, в этом случае ассоциативное сравнение человека, определённых человеческих качеств с перцем может использоваться для выражения отрицательной оценки. Сравните русские поговорки: *Сердце с перцем, душа с чесноком; Взял с сердцем, так и ешь с перцем; Жена с сердцем, а муж с перцем*. Наименования перечноцветных растений в чувашской языковой картине мира не характеризуются культурной коннотацией.

Из розоцветных растений культурная коннотация наличествует у отдельных наименований коноплёвых (*конопля, хмель*) и розовых (*боярышник, вишня, малина, тёрн, черемуха, чернослив, яблоня*). И в русской, и в чувашской языковых картинах мира культурной коннотацией характеризуются два представителя розоцветных коноплёвых растений — конопля (чув.: *кантӑр*) и хмель (чув.: *хӑмла*). **Конопля** в русской языковой картине мира символизирует молодую девушку. Сравните строки из русской народной песни: *Конопля, конопля зелёная моя! / Что ж ты, конопля, невесело стоишь?.. / Девка ты, девушка, девушка красная! / Что ж ты, девушка, невесе-*

ло сидишь? [ОП, 1989: 361]. Женской символикой характеризуется конопля (чув.: *кантӑр*) и в чувашской языковой картине мира. Сравните: *Вёт-вёт сумӑр сӑвать-ске*, / *Кантӑр юкса каять-ске*. / *Йӑмӑк тухса каять-ске*, / *Чун хурланса юлать-ске* «(чув. песня) Моросит мелкий дождь, / Конопля уплывает по воде. / Сестрѐнка покидает дом, / Душа моя горюет» [ЧХС-4, 1979: 142].

Хмель в русской языковой картине мира является одним из символов благополучия и процветания. Хмелем и зерном принято в русской культуре осыпать новобрачных. С хмелем в традиционном русском мировосприятии связаны также ассоциация *хмель // девушка, женщина* (*Хмелинушка тычинки ищет, а девица парня*). Хмель (чув.: *хӑмла*) в традиционном чувашском мировосприятии характеризуется положительной коннотацией. Сравните: *Хӑмла йӑҫси — чун уҫси* «(погов.) Кислота хмеля — отрада души»; *Хӑмла йӑҫси сип кӑрет* «(погов.) Кислота хмеля целебна» [ЧХП-ВС, 2007: 69]. С хмелем в традиционном чувашском мировосприятии связана также ассоциация *хмель // родственники*: *Анмӑттӑм эп шывӑн хӑррине — / Шыв сулхӑнӑне ӑснӑ хӑмла пур*. / *Килмӑттӑм эп, тӑванӑм, сак киле — / Хамӑрна пӑрле ӑснӑ тӑван пур* «(чув. песня) Я бы не спустился к реке, / Но там есть выросший в тенистой прохладе хмель. / Я бы не пришёл в этот дом, / Но тут живёт выросший вместе со мной родственник» [ЧХС-3, 1978: 95].

Из розоцветных розовых растений культурная коннотация и в русской, и в чувашской языковых картинах мира характерна для *боярышника, вишни, яблони*. В русской языковой картине мира культурную коннотацию имеют также *малина, тёрн, чернослив*, а в чувашской — *черѐмуха* (чув.: *сӑмӑрт*).

Боярышник как колючее растение в традиционной русской культуре наделяется свойствами оберега, считается действенным средством в борьбе с нечистой силой. Тем не менее, русские паремии зафиксировали не особенно положительное отношение к этому растению: *Хорош и боярышник, да не перед боярским крыльцом*. В чувашском языке слово *катӑркас* «боярышник» выражает переносное значение «придирчивый человек» [ЧРС, 1982: 152].

Вишня в русской языковой картине мира характеризуется мужской символикой и положительной коннотацией. В русских свадебных песнях является традиционным символом жениха: *«Ягода Марья, куда пошла?» — / «Вишенье Иван, в лес по ягоды»*. — / *«Ягода Марья, во что будешь брать?» — / «Вишенье Иван, в твою шапочку»* [ОП, 1989: 475]. Вишня (чув.: *чие*) в чувашской языковой картине мира характеризуется женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Пирӑн акия ма тиркес?* / *Писсе ситнӑ*

чие пек, / Паян татса симелле «(свад. песня) Разве можно найти изъян в нашей сестрице? / Она ведь как спелая вишенка, / Хоть сегодня сорви и ешь» [ЧХС-4, 1979: 215].

Традиционным женским символом (жены, матери), характеризующимся положительной коннотацией, в русской культуре является **яблоня**. Сравните: *А третье в саду древо — сладка яблонька. / ... / Сладка яблоня в саду — молода жена; / Отросточки у яблоньки — малы детушки* [ОП, 1989: 79]. Женской символикой характеризуется яблоня (чув.: *улма йывăç / улма йывăçси / улмуçси*) и в чувашской языковой картине мира, правда, отношение к ней может быть и положительным, и отрицательным. Сравните: 1) положительная коннотация: *Улмуçси айён сул турăм / Сулсишён мар, улмишён; / Эпир саканта килетпёр / Ют сынишан мар, аннешён* «(чув. песня) Я проложил(а) тропинку под яблоней / Не ради её листьев, а ради её яблочек; / Мы сюда приезжаем / Не ради чужих людей, а ради матушки» [ЧХС-4, 1979: 165]; 2) отрицательная коннотация: *Пурт пуçёнчи улмуçси / Суллен улма таваччĕ, / Кăсал улма тумарĕ. / Сакă ялăн хĕрĕсем / Суллен ача таваччĕç, / Кăсал ача тумарĕç, / Качча тухма шутларĕç* «(корильн. песня) Растущая возле дома яблоня / Ежегодно плодоносила, / А нынче яблочек нет. / Девушки этой деревни / Ежегодно приносили в подоле, / А нынче не принесли, / Решили выйти замуж» [ЧТ-ЧХК, 2003: 60].

Исключительно положительной коннотацией характеризуется в русской языковой картине мира **малина**. Как было отмечено, в русском фольклоре широко представлена оппозиция *калина — малина*, в которой малина является символом сладкого, приятного, доставляющего удовольствие, а калина — горького, неприятного, нежелательного, отталкивающего. Малина в русской языковой картине мира символизирует также благополучную, счастливую жизнь. Сравните: *Да это просто малина!* «раздолье, приволье»; *У меня хорошо, разлюли малина!*

Счастье в русской языковой картине мира символизирует и **чернослив**. Сравните русские поговорки: *Счастлив, как чернослив; Черносливчик — счастливчик*. А вот с **тёрном (терновником)** в традиционном русском народном сознании ассоциируются трудности, невзгоды: *Терновый венец* «(книжн.) символ мученичества, страдания». Тёрн (Терновник) в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Сравните: *От терновника не жди винограда*.

Черёмуха (чув.: *çĕмĕрт*), наряду с орешником, в чувашском устном народном творчестве выступает в качестве распространенного символа младшего брата. Сравните: *Вăрман варринчи çамрăк*

çёмёрт. / Кайшайллах тесе ан касър — / Хамърнах та шайллам пулмёши? «(чув. песня) Растущую посреди леса черёмуху / Не рубите для изготовления обручей — / Не окажется ли она нашим младшим братом?» [ЧХС-3, 1978: 124]. В паремиологическом фонде русского языка черёмуха не упоминается.

Плоды двух сапиндоцветных рутовых растений — **апельсина** и **лимона** — в русской языковой картине мира являются символами чего-либо элитарного, редкого, не доступного основным массам, которые в силу названных причин не способны и должным образом оценить эту диковину. Сравните: *Знает толк, как свинья в апельсинах; Не свиным рылом лимоны нюхать; Артамоны едят лимоны, а мы молодцы едим огурцы*. Лимон может также символизировать человека. Ср.: *Выжатый лимон* «о человеке, утратившем силы (физические и (или) душевные)».

Из тыквоцветных растений культурная коннотация в русской языковой картине мира характерна для *арбуза, дыни, огурца*. **Арбуз** и **дыня** в русской языковой картине мира противопоставляются как общераспространенное элитарному: *Для матушки княгини угодны дыни, а для батюшкина пуза надо арбуза*. **Огурец** в русской языковой картине мира противопоставляется лимону как общедоступное элитарному, недоступному (*Артамоны едят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы*).

Из ясноткоцветных / губоцветных растений культурная коннотация в чувашской языковой картине мира характерна для отдельных наименований яснотковых (*мята перечная*). **Мята перечная** (чув.: *пётнёк*) в чувашской языковой картине мира характеризуется женской символикой и положительной коннотацией. Сравните: *Сикрём касрём пахчана / Пётнёк сулси татмашкән. / Пётнёк сулси кёл пулчё, / Пир(ё)н чипер хёр ют пулчё* «(чув. песня) Выскочил я в огород, / Чтобы нарвать листьев мяты. / Мяты не осталось, / А девушка-красавица стала чужой» [ЧХС-3, 1978: 216].

Таким образом, данное сопоставительное исследование позволяет сделать вывод о том, что ассоциативно-образное восприятие очень большого количества представителей флоры, характерной для традиционного места проживания русских и чувашей, соотносится со стереотипами традиционного народного сознания, раскрываясь в этнокультурной специфике семантики фитонимов, что является содержанием национально-культурной коннотации, представляющей собой форму ценностного освоения мира, обусловленного особенностями менталитета этноса.

Список литературы

Борисова Л.В. Концептосфера «семья» в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского университета, 2012. № 4. С. 212–220.

Борисова Л.В. Базисные архетипы и стереотипы национальной культуры в языковой картине мира // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение», 2013. № 16 (вып. 78). С. 17–24.

Борисова Л.В. Репрезентированные в языке стереотипы и архетипы традиционного народного сознания как объекты лингвокультурологического исследования (русско-чувашские параллели) // Вестник Чувашского университета. 2014, № 3. С. 73–79.

ОП — Обрядовая поэзия / Сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М.: Современник, 1989. 735 с.

Частушки / Сост. Л.А. Астафьева. М.: Советская Россия, 1990. 656 с.

ЧРС — Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательствин, 2003. 164 с.

Chavash tenchi. Chavash khalah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (In Chuvash).

Чуева Э.В. Структурно-семантические особенности слов-метеонимов, обозначающих движение воздушных масс в современном русском языке // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 243–248.

ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 1978. 512 с., 3 том.

ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 1979. 480 с. 4 том.

ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательствин, 2007. 493 с.

Lyudmila V. Borisova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Russian Language and Russian Literature, Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Alyona M. Ivanova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University, Cheboksary, Russia;
e-mail: amivano@rambler.ru

**THE “CULTIVATED PLANTS” CLUSTER IN THE
LINGUISTIC WORLD IMAGE: RUSSIAN AND CHUVASH
PARALLELS**

The article offers a comparative semantic analysis of the cluster “Cultivated Plants” in the Russian and Chuvash linguistic world images. The authors analyze both direct and figurative meanings of the Russian and Chuvash words and set expression, as well as free combinations of words from a given thematic group. Also analyzed are polysemy, metaphors, symbols, connotations of various Russian and Chuvash words, phraseology and set similes in the Russian and Chuvash languages. Special attention is paid to the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words from any given thematic group are part of the linguistic world images of the Russian and Chuvash ethnic groups alike. The analysis contributes to the reconstruction of the integrated linguistic world image and helps to reveal some peculiarities of the national world perception.

Key words: cluster, connotation, concept, cultural code, linguistic and cultural studies, mentality, comparative semantics, linguistic world image.

References

Borisova L. V. Kontseptosfera “semja” f chuvashskoj yazykovoj kartine mira [Conceptual sphere “family” in the Chuvash linguistic world-image], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2012. No. 4, pp. 212–220 (In Russian).

Borisova L. V. Bazisnyje arhetipy i stereotypy natsional’noj kul’tury v yazykovoj kartine mira [Basis archetypes and stereotypes of the national culture in the linguistic world-image], *Vesnik Chel’abinskovo universiteta*, 2013. No. 16 (issue 78), pp. 17–24 (In Russian).

Borisova L. V. Rerezentirovannyje v yazyke stereotypy i arhetipy traditsionnovo narodnovo soznanija kak objekty lingvokul’turologicheskovo issledovanija: russko-chuvashskije paralleli [Representations in the language of stereotypes and archetypes of traditional national consciousness as objects of linguistic and cultural research: Russian-Chuvash parallels], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2014. No. 3, pp. 73–79 (In Russian).

Obryadovaja poezija [Ritual poetry], Moscow: Sovremennik, 1989. 735 p. (In Russian).

Chastushki [Limericks]. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1990. 656 p. (In Russian).

ЧРС — Чувашско-русский словарь. Под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.

Chuvashsko-russkij slovar' [Chuvash-Russian Dictionary], Moscow: Russkij jazyk, 1982. 712 p. (In Chuvash).

ЧТ-ЧХК — Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем. В.П. Галошев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш университетĕн издательстви, 2003. 164 с.

Chavash tenchi. Chavash khalah kalarashesem [Chuvash world. Chuvash folk sayings], Shubashkar, Chavash universitechen izdatel'stvi, 2003. 164 p. (In Chuvash).

Chuyeva, E. V. Strukturno-semanticheskije osobennosti slov-meteonimov, oboznachajushih dvizhrnije vozdushnyh mass f sovremennom russkom yazyke [Structural-semantic features of words, indicating the movement of air masses in the modern Russian language], *Vesnik Chuvashskovo universiteta*, 2015. No. 2, pp. 243–248 (In Russian).

ЧХС-3 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1978. 512 с. 3 том.

Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Vol. 3: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1978. 512 p. (In Chuvash).

ЧХС-4 — Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Отв. ред. Г.Ф. Юмарт. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1979. 480 с. 4 том.

Chavash khalah samakhlakhe: v 6 tomakh. Vol. 4: Jurasem [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 1979. 480 p. (In Chuvash).

ЧХП-ВС — Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем. О.Н. Терентьева пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 2007. 493 с.

Chavash khalah pultarulakhe. Vattisen samakhesem [Chuvash folklore. Proverbs], Shubashkar, Chavash kenege izdatel'stvi, 2007. 493 p. (In Chuvash).

Б.Н. Жантурина,

доктор филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, Московский педагогический государственный университет (МПГУ); e-mail: uvaursi@inbox.ru

ЛИНГВОКОЛОРИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Лингвоколоризмы участвуют в создании художественной ауры произведения и рассматриваются здесь в аспекте переводческой стратегии на примере стихотворений Эмили Элизабет Дикинсон и переводов на русский язык, выполненных А. Гавриловым, Е. Валгуриной и В. Авсияном. Переводческие операции и трансформации, такие как инвариантные соответствия, кальки, замены, опущения, добавления, переподчинение могут вызывать локальные и глобальные преобразования на уровне слова, словосочетания, предложения и текста. Неизбежные изменения и радикальные преобразования исходного текста могут возникать при отказе переводить лингвоколоризм, что описано как нарушение концептуальных связей и схем построения мысли в тексте перевода; текстовые стратегии стиха раскрыты с помощью когнитивной фреймовой методики.

Ключевые слова: лингвоколоризм, цветовой термин, сфера денотации, переводческие трансформации, текстовая стратегия, когнитивный подход, фреймы.

Лингвоколоризмы, светофоны, цветофоны и колористическая семантика не одно десятилетие являются востребованным объектом исследования современной лингвистики. С одной стороны, они обладают чёткими признаками отраслевых специальных терминов и входят в научную картину мира современного человека, с другой стороны, они же наполнены бытовым толкованием, характеризующим наивную картину мира древних и современных языков. Задачи специального перевода определяются такими терминологическими свойствами лингвоколоризмов, как однозначность и точность, обозначающими параметры цветовых пигментов, особенности цветовидения человека и символическое значение цвета в разных языках и культурах. Художественный перевод, также оперируя категориями адекватности и эквивалентности, которые достигаются, как формулируют, например, В.В. Сдобников и О.В. Петрова (Сдобников, Петрова, 2006: 411), при воссоздании в тексте перевода всей системы образов и ассоциаций, смещается в сторону передачи

атмосферы поэтического произведения. Цветовые термины, выступающие в качестве мощного средства вербального описания и создания словесного образа, составляют сравнительно небольшое системно организованное лексическое поле со слабоструктурированной признаковой семантикой цвета. В художественном тексте, согласно Ю.А. Сорокину, они создают его художественную ауру [Сорокин, 2009: 69].

Анализ перевода лингвоколоризмов обнаруживает тенденцию к типизации переводческих традиций и приёмов их передачи в межъязыковом общении, что обнаруживается в тех особенностях текста, которые обычно характерны для одной языковой среды, но при анализе текста на одном языке обычно не выявляются. При сопоставлении переводных, так называемых параллельных текстов на двух языках становятся наглядны культурные константы цвета, концептуальные связи и текстовые стратегии.

В практике отраслевого специального перевода колоризмы в качестве единиц перевода, как правило, передаются инвариантными соответствиями, беспереводными кальками или описательно. Колористическая семантика, при этом, согласно Е.В. Рахилиной [Рахилина, 2007: 35], определяется стабильным денотативным фокусом концепта. В.Г. Кульпина [Кульпина, 2007: 130] уточняет, что собственно монохромная семантика цвета состоит в указании на эталонный предмет-прототип, носитель признака цвета, например, для концепта красного цвета — кровь, синего — небо, море, жёлтого — солнце и т.д. При выполнении комплексных задач художественного перевода, таким образом, полагается, что лингвоколоризмы соотносятся с монохромным концептом, ядро которого определяется стабильной сферой денотации и соотносением с прототипическим денотатом. Тем не менее, способы передачи цветового признака средствами другого языка не всегда ограничиваются только единицами перевода на уровне слова-термина, они требуют раскрытия концептуальных связей в текстовых стратегиях речевого произведения. По мнению Л.К. Латышева [Латышев, 2008: 127], трансъязыковое перефразирование затрагивает поверхностный и глубинный уровни высказывания, включая и те операции, которые меняют схему построения мысли. При лингвокогнитивном подходе к переводу, согласно В.И. Хайруллину [Хайруллин, 2010: 15], полагается, что «в любом высказывании активируется тот или иной тип фрейма, что даёт основу для сопоставления фреймов оригинала и перевода».

Концепты цветового поля Эмили Дикинсон нуждаются в уточнении сферы денотации, а также ряда сопутствующих значений в пределах одной хроматической области и цветовых субконцептов,

указывающих на сдвиг базового цвета в сторону утмнения или осветления или же на оттенки цвета на границе с другим базовым цветом. Зрительные образы занимают в её поэзии значительное место, целые стихотворения образуют циклы стихов-описаний состояния природы с использованием цветообозначений (колоризмов и светофонов). Перцептивные словесные образы создают импрессионистические картинки зримого, слышимого, ощущаемого в каждый момент написания стиха. Вербальные репрезентации отображают непосредственные впечатления наблюдателя при восприятии, формируя текстовые стратегии описания или повествования.

Сопоставление исходного текста Э. Дикинсон (ИТ) и текста перевода (ПТ), выполненного А. Гавриловым [Дикинсон, 2001], Е. Валгуриной и В. Авсияном [Дикинсон, 2017], обнаруживает несколько вариантов реализации колоризма из ИТ в ПТ.

Покажем на примерах применение переводческих приёмов, рассмотрев при этом варианты передачи колоризма, а также локальные и глобальные трансформации текста.

Цветовое значение колоризма из ИТ обычно передаётся инвариантным соответствием при денотате, имеющем указанный цветовой признак и реализующем, например, в именной группе как единице перевода. Цветовые гиперболы ИТ *sapphire farm*, *opal cattle* сохранены в ПТ: дом сапфировый (глубокий синий цвет), коровы опаловые (насыщенный коричневый цвет).

<i>I only saw a Sapphire Farm —</i>	А я увидела лишь дом
<i>And just a Single Herd —</i>	Сапфировый, Окат
<i>Of Opal Cattle — feeding far</i>	Холма, Опаловых Коров

(Дикинсон, 2001, с. 216).

Терминологическое значение может быть также найдено посредством беспереводной кальки, как например, в колоризме — единице перевода *purple* пурпуровый для описания цветущей сирени через признаки формы и цвета *purple load* пурпуровый ...груз в составе именной группы:

<i>The Lilacs bending many a year —</i>	Сирень, пурпуровый свой груз,
<i>Will sway with purple Load</i>	Согнувшись, понесёт

(Дикинсон, 2001, с. 160).

Переводческая операция лексической замены одного цветового термина другим осуществляется в одной хроматической области и сохраняет сферу денотации цветового концепта. Близкий оттенок цвета найден *cochineal* ярко-красный, кошениль в замене на другой цветовой термин *рубин*, *рубиновый*, *ярко-красный*; для *emerald* изумрудный, *ярко-зелёный* найден в инвариантном соответствии слову — единице перевода, но при сокращённой именной группе ИТ.

<i>Like hindered Rubies</i>	Сверкнул Рубином над Холмом (Дикинсон, 2001, с. 142).
<i>... live the Evening Blood</i>	Кроваво-красный есть Рубин (Дикинсон, 2017, с. 42).
<i>A Resonance of Emerald</i> <i>A rush of Cochineal</i>	Рубин и Изумруд Швырнули в небеса (Дикинсон, 2001, с. 378).

Сходным образом, цветофоны, которые соотносятся с локальным светом заходящего солнца, с вечерними красно-фиолетовыми оттенками на отражающих свет поверхностях, заменяют друг друга в ИТ и ПТ в переводе А. Гаврилова или передаются транслитерацией в переводе В. Авсияна: *Her teasing Purples — Afternoons / Там багряницею манят и дразнят вечера* (Дикинсон, 2001, с. 118) / *Её пурпурные поля* (Дикинсон, 2017, с. 164).

Технически сходная задача перевода решена и в другом стихе: колоризм *crimson — a deep to vivid purplish red to vivid red малиновый* заменён в ПТ на колоризм *пёстрый*, в ядре значения которого содержится указание на сочетание разных цветов (составленный из чего-либо окрашенного в различные цвета [Кульпина 2007: 178], в отличие от монохромного цветового концепта в ИТ. Лексическая трансформация сохраняет сферу денотации, цвет оперения птицы, изменяя лишь цветовой субконцепт.

<i>I had a crimson Robin</i>	Ещё Щегол был пёстрый (Дикинсон, 2017, с. 10).
------------------------------	---

Вместе с тем, следует отметить, что название птицы *Robin* не имеет инвариантного соответствия в русском языке и может быть по-разному представлено при переводе: *robin — a small brown bird with a red chest* переводится как *дрозд, малиновка, ласточка, зарянка, щегол* или же трансформируется генерализацией в родовое обозначение *птица* в переводе В. Авсияна.

<i>If I shouldn't be alive</i> <i>When the Robins come</i>	Если птица на могилу Прилетит ко мне (Дикинсон, 2017, с. 158).
---	--

Подобные генерализации нередко сопровождают опущение цветового термина и замену локального цветофона на общее родовое понятие, исключая из сообщения в ПТ хроматическую зону ИТ, что затрагивает редкие цветообозначения *cochineal кошениль, ярко-красный, tazarin тёмно-синий*. Помимо генерализации, ИТ трансформирован не только опущением цветового термина; колоризмы включены в речевую модальность неуверенности в виде вопроса, адресованного к читателю. В ПТ общий смысл расширен

и преобразован в утвердительную модальность уверенности и констатации факта, как ни странно, связанной с ИТ и служащей ответом на вопрос в ИТ, тем самым полностью изменяя текстовую стратегию стиха.

Can Blaze be shown in Cochineal — Перебираю краски я
Or Noon — in Mazarin *Всю жизнь — всё не те*
(Дикинсон, 2001, с. 204).

Генерализация применена к перифрастическому обозначению в ИТ, опирающемуся на цветовой термин: атрибутивное словосочетание *красноватые языки пламени ruddy fires* заменено в ПТ на прямое родовое обозначение *огонь*, цветообозначение опущено, но смыслы компенсированы цветовыми свойствами денотата *огонь*, потенциально содержащимися в контексте.

No ruddy fires on the hearth *Не видно в очаге огня*
(Дикинсон, 2001, с. 80).

Добавление колоризма в ПТ, но его отсутствие в ИТ может быть связано с фразеологизированным обозначением цвета, который утрачивает собственно цветное значение и естественно, меняет сферу денотации: чёрный ход (back door) предназначен для служебных или бытовых нужд, а цветовой концепт полностью исключён из сообщения в обоих текстах.

Remembrance has a Rear and Front — У Памяти есть тоже
This something like a House — Фасад и чёрный ход
(Дикинсон, 2001, с. 328).

Цветовой термин *синий* выступает как регулярный традиционно-фольклорный эпитет при описании морской волны и бесконечности водного пространства; здесь он участвует в лексической замене: обозначение морской пены утрачено в ПТ и заменено цветовым признаком в структуре того же концепта, сохраняя сферу денотации в текстовой стратегии описания:

Yet know I how the Heather looks *Но знаком и Камыш,*
And what a Willow be. *И брызги над синей Волною*
(Дикинсон, 2017, с. 190).

Сравнение ИТ и ПТ может выявить переподчинение колоризма, которое приводит к изменению сферы денотации: исходное описание птицы с красной грудкой *red cravat* в ПТ превращено в обрядовое действие *поминальный хлеб на алой ленте*, подменяя заурядное описание оперения птицы культурным ритуалом и народной культурной эстетикой цвета. Колоризм технически сохранён, общий смысл стиха акцентирован дополнительными культурными смыслами:

*If I shouldn't be alive
When the Robins come,
Give the one in Red Cravat,
A Memorial crumb —*

*Если птица на могилу
Прилетит ко мне,
Дайте ей на Алой Ленге
Поминальный хлеб.*

(Дикинсон, 2017, с. 158).

Радикальная переводческая операция — опущение лингвокологизма как структурной единицы сообщения и единицы перевода, как правило, устанавливается на уровне отдельной лексемы или синтаксического фрагмента при переводе. Применение опущения часто обоснуется семантической избыточностью, тавтологическими повторами или просто невозможностью передать в ПТ те слова, значения которых, по мнению переводчика, нерелевантны и легко восстанавливаются в контексте [Нелюбин, 2006: 130]. Так, концепт красного цвета широко и многообразно представлен у Э. Дикинсон синонимическим рядом одной монохромной области: *red* красный, *ruddy* рыжий, *cochineal* кошениль, *scarlet* алый, *crimson* малиновый, *violet* фиолетовый, *ruby* рубиновый, *amethyst* аметистовый, *purple* пурпурный, *vermillion* киноварь. Каждый из них имеет своё словарное инвариантное соответствие в русском языке, но при переводе обычно опускается без компенсации в тексте, например, цветофон *vermillion* — *a vivid red to reddish orange* киноварь.

В стихотворении № 140 косвенное цветообозначение — *a deeper twilight* и прямое указание на цвет через цветовой термин — словосочетание с цветофоном *a print of a vermillion foot* опущены в ПТ. Замены в тексте перевода трудно назвать компенсирующими, это — скорее, добавления, *зелёный цвет сумерек* и *прелая листва под клёном*, лишь структурно мотивированные, но всё же деформирующие общий смысл стиха, так как вводят загадочное цветообозначение для сумерек и денотат *клён*, отсутствующий в ИТ.

*A deeper twilight on the lawn —
A print of a vermillion foot*

*И сумерек зелёный цвет —
Под клёном прелая листва*

(Дикинсон, 2001, с. 90).

В стихе № 656 опущены два цветовых термина: *ruddy* в качестве определения цвета листьев (груды оранжево-красных листьев) и *vermillion* в предложной группе *upon vermillion wheels*; радикальное опущение без компенсации приводит к утрате визуальных образов листвы и перемещения ветра. Радикальность деформирующего текст переводческого приёма, на наш взгляд, спровоцирована цветофонами *ruddy*, *vermillion*.

*It gathers ruddy Pools —
Then — eddies like a Rose — away
Upon Vermillion Wheels —*

*Зонты и шляпки дам,
Потом совьётся розой
И унесётся вдаль*

(Дикинсон, 2001, с. 224).

Опущение колоризма при замене на эпитет нецветовой природы со словом — единицей перевода может быть также включена в ряд других (лексических, грамматических и текстовых замен), преобразующих коммуникативную модальность ИТ в стратегии перевода целого стиха:

<i>The Sun and Fog contested</i>	<i>Туман и Солнце спорят —</i>
<i>The Government of Day —</i>	<i>Кто завладеет Днём</i>
<i>The Sun took down his Yellow Whip</i>	<i>Туман свою теряет спесь</i>
<i>And drove the Fog away —</i>	<i>Под солнечным бичом</i>

(Дикинсон, 2017, с. 198).

Вполне очевидно, что лексическая замена в ПТ применена, в первую очередь, к колоризму *yellow* в составе атрибутивной группы с детерминативом — притяжательным местоимением мужского рода *his Yellow Whip*. Цветовой признак в терминологическом базовом значении *yellow жёлтый* приписан прототипическому носителю признака *солнцу*, определяя светофон *жёлтый (солнечный) свет*.

В первую очередь, следуя статистическому методу анализа двух текстов при переводе по М.Л. Гаспарову, покажем предметный ряд, на который опирается это стихотворение при раскрытии темы.

Сравнение пяти имён существительных в ИТ *sun, fog, government, day, whip* и пяти существительных в ПТ *солнце, туман, день, спесь, бич* обнаруживает опущение английского *government* и явно неравнозначную замену его на *спесь*.

Покажем концептуальный ряд стиха в виде сетки понятий, каждое из которых занимает своё место в ячеистой структуре смыслов стиха. Природные денотаты, уникальный (*солнце*) и стихийный (*туман*), участвуют в актуализации акционально-волевого фрейма: на строках 1 и 2 они выступают на равных в качестве субъектов действия при предикате *contested оспаривать, бороться*. На строках 3 и 4 при *солнце*, агенте и субъекте действия, *туман* становится пациентом, испытывающим материальное действие *took down* с инструментативом *the whip*. Функциональная метафора в инструментативе превращает *солнечный луч* в *whip* хлыст, бич, орудие управления и наказания в руках лица, наделённого такими функциями и властью.

Детерминатив — притяжательное местоимение *his* вводит гендерно чувствительный контекст, сообщающий о дополнительной референциальной отнесённости неодушевлённого денотата *солнце* в английском языке. В составе стилистического приёма грамматической персонификации через референциальный конфликт по линии одушевлённость — неодушевлённость денотат принуждён к появлению агентивных сем, в норме ему не присущими и харак-

теризующими одушевлённый денотат [Гуревич, 2018: 234]. Всё, что ассоциируется с маскулинностью — активность, агрессивность, напористость, целеустремлённость — при неодушевлённых существительных заменяется личными или притяжательными местоимениями *he, his*; с фемининностью — местоимениями *she, her*. Грамматическая персонификация, применённая к солнцу, поддерживает акционально-волевой фрейм в ИТ в обоих предикатах *took down, drove*.

Для сравнения приведём фемининный контекст из стиха Э. Дикинсон, сходно безэквивалентный при переводе и со сходным сдвигом в передаче цветообозначений: *Night after Night / Her purple traffic / Strews the Landing — with Opal Bales — / Ночь за Ночью / Багряный корабль / Брызги алые рассыпает* (Дикинсон, 2017, с. 170).

В ПТ на строке 3 исходный акционально-волевой фрейм заменён акционально-результативным фреймом при другом субъекте действия: *туман свою теряет спесь*. Обусловленность этого действия, его зависимость от действия солнца присутствует в тексте опосредованно, на первый план выдвинута акциональная способность другого субъекта.

Текстовая стратегия обоих текстов заключается в описании состояния световоздушной среды после восхода солнца в туманное утро. Словесный образ мимолётного явления природы обладает определённой изобразительностью и наглядностью не столько благодаря употреблению особой цветовой гаммы через цветофоны, сколько через персонификацию природных явлений и наделение их несвойственными им способностями к совершению целенаправленных действий, а именно способности управлять кем-то, направлять энергию и подчиняться воздействию кого-либо. В таком агенте преобразованы интенциональные параметры высказывания, а актантная рамка содержит волиционный признак [Хайруллин, 2010: 111].

Помимо акционально-волевого фрейма, в ИТ присутствует корпорально-партитивный фрейм *солнце имеет цвет*, утрачиваемый в ПТ. Для ПТ также следует отметить корпорально-партитивный фрейм *туман имеет спесь*, отсутствующий в ИТ. Такие изменения — это, по сути, потери смысла и глубинной структуры всего стиха, проявляющиеся также вместе с изменением ядра темпоральности (замещение прошедшего повествовательного в грамматическом времени the Past Indefinite Tense из ИТ на настоящее простое время в ПТ), и маркирующие глобальное преобразование ИТ при переводе, преобразование фреймовой структуры высказывания.

Стихотворение № 656 состоит из двенадцати строк и является пейзажной зарисовкой, в которой центральный цветовой образ

представлен доминантой красного цвета и его оттенками на отражающих свет поверхностях в осенний день.

Согласно статистическому методу анализа текстов при переводе по М.Л. Гаспарову [Гаспаров, 2001: 322], сопоставление предметного и предикатного рядов необходимо для выведения коэффициента точности и вольности. Сопоставляя количество имён существительных в обоих текстах, обнаруживаем низкий коэффициент точности при переводе этого стиха. В широком предметном ряду в обоих текстах количество существительных разное: совпадают 13 существительных — *autumn осень, hue оттенков, blood кровь, artery артерия, hill гора, vein вена, road дорога, globules кровяные шарики, alleys аллеи, winds ветер, rain дождь, bonnets шляпки, rose роза*; отсутствуют в ПТ — 6 — *name, shower, stain, basin, pool, wheels*; в ПТ добавлены — 5 — *склоны, деревья, дорожки, дамы, зонты*.

Сходная картина справедлива и для предикатов в обоих текстах: общее количество — 6, совпадают 2, остальные — разные и по-разному соотносятся со своими именными группами. 3 цветовых термина в ИТ предлагают наглядную гамму усиления красного цвета от алого *scarlet* к красно-оранжевому *ruddy* вплоть до границы с фиолетовым цветом *vermillion*; в ПТ сохранён лишь один алый цвет. Цветофоны в ИТ включены в метафоры: алый дождь (листьев) *scarlet rain*, оранжево-красные груды (листьев) *ruddy pools*, завихрения листьев цвета киновари *vermillion wheels*; в ПТ оставлен первый цветовой образ *алый дождь*, последние два образа опущены.

<i>The name — of it — is “Autumn” —</i>	<i>Она зовётся Осенью,</i>
<i>The hue — of it — is Blood —</i>	<i>Её оттенок — кровь,</i>
<i>An Artery — upon the Hill —</i>	<i>Артерии по склонам гор</i>
<i>A vein — along the Road —</i>	<i>И вены вдоль дорог,</i>
<i>Great Globules — in the Alleys —</i>	<i>И кровяные шарики</i>
<i>And Oh, the Shower of Stain —</i>	<i>Аллеями бегут,</i>
<i>When Winds — upset the Basin —</i>	<i>А ветер дунет — алый дождь</i>
<i>And spill the Scarlet Rain —</i>	<i>С деревьев тут как тут -</i>
<i>It sprinkles Bonnets — far below —</i>	<i>Обрызгает дорожки,</i>
<i>It gathers ruddy Pools —</i>	<i>Зонты и шляпки дам,</i>
<i>Then — eddies like a Rose — away</i>	<i>Потом совьётся розой</i>
<i>Upon Vermillion Wheels —</i>	<i>И унесётся вдаль</i>

(Дикинсон, 2001, с. 224).

Осень в ИТ и ПТ описана как сценарий, объединяющий ряд стереотипных событий, а целая ситуация, представляющая знание об осени, состоит из более мелких структур. *Листопад и красная,*

алая, румяная, киноварная осень по сценарию непосредственного опыта зрительного восприятия предстаёт как описание цвета и повествование о событии в поле зрения наблюдателя: *гора, дорога, аллеи, дамы в шляпках, порывы ветра, потоки красного цвета, дождь*. Актуальность восприятия события поддержана формами the Present Indefinite Tense и настоящего простого времени.

Колористическая семантика здесь раскрывается с помощью прямых цветообозначений и косвенных указаний на цвет через противопоставление цветовых терминов, субконцептов красного цвета и слов, денотаты которых потенциально включают в себя косвенное указание на красный цвет.

В первой половине стиха на строках 1–6 красный цвет листы обозначен на каждой строке косвенно без цветовых терминов. Перечисление денотатов-носителей красного цвета *кровь, вены, артерии, кровяные шарики* и сравнение с денотатом *кровь* встраиваются в параллельные имплицативные ряды *осень — листья — ветер — дождь, кровь — артерии — вены — кровяные шарики*.

Корпорально-партитивный фрейм в ИТ при предикате *иметь* в эллиптических конструкциях и субъекте *осень* содержит косвенное указание на цвет. На 6 строке этот фрейм переходит в акционально-волевой с предикатами материального действия и стихийными субъектами действия в качестве агентов в последовательности целенаправленных и контролируемых действий *the winds upset the basin and spill the rain, the shower of stain sprinkles bonnets, gathers pools, eddies like the rose*.

В ПТ смена фреймов происходит на 5 строке, в акционально-волевые фреймы вовлечены другие участники, а именно новые субъекты-агенты при других предикатах *кровяные шарики бегут, дождь брызжет, свивается розой и уносится вдаль*. Вторая половина стиха на строках 7–12, соответственно, рисует иной сценарий развития осеннего события, в который цветофоны уже не входят.

Таким образом, анализ применения переводческих операций к лингвоколоризмам в художественном тексте показывает широкий спектр применения локальных преобразований исходного текста и компенсирующих замен при инвариантных соответствиях, кальках, заменах. Радикальные операции наблюдаются при опущении лингвоколоризма и провоцируют изменение концептуальных связей, что, в свою очередь, вызывает изменение текстовой стратегии в тексте перевода. Лишь применение фреймовой методики способствует раскрытию переводческой стратегии в художественном тексте.

Список литературы

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 406 с.

Гуревич В.В. Практическая грамматика английского языка. Упражнения и комментарии: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2018. 296 с.

Дикинсон Э. Стихотворения: Сборник / Составл. М. Гавриловой. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. На английском языке с параллельным русским текстом. 448 с.

Дикинсон Э. Избранница в белом. Стихотворения / Пер. с англ. Л. Валгуриной и В. Авсияна. М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2017. 256 с.

Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 126–185.

Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Академия, 2008. 320 р.

Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 4-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2006. 320 с.

Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А.П. Василевич. М.: КомКнига, 2007. С. 29–39.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода (учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков). М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 448 с.

Сорокин Ю.А. Поэтический текст и его цветограммы / лингвоколизмы // Девять статей о поэтическом тексте. М.: Институт языкознания РАН, 2009. 140 с.

Хайруллин В.И. Перевод и фреймы: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 144 с.

Bakhyt N. Zhanturina,

Dr. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department
of Foreign Languages, Moscow Pedagogical State University, Russia;
e-mail: uvaursi@inbox.ru

LINGUOCOLORISMS IN LITERARY TRANSLATION

Linguocolorisms as part of the artistic aura in a poetic text are reviewed in the present article from the standpoint of the translator's strategy, which is exemplified by Emily Elizabeth Dickinson's poems and their Russian translations by A. Gavrillov, E. Valgurina and V. Avsiyan. The translator's operations and transformations, such as invariant correspondences, borrowings, replacement, omission, addition, dislocation or rearrangement, may cause local and global changes at the level of words, phrases, sentences as well as at the level of the whole

text. The inevitable changes and radical transformation of the original poem can be motivated by the omitted linguocolorism, which has been demonstrated through the use of the conceptual models and mental patterns in the translated text; textual strategies of the poem are described from the perspective of the cognitive frame method.

Key words: linguocolorism, colour term, denotation sphere, translator's transformations, textual strategy, cognitive approach, frames.

References

Dickinson E. Stikhotvoreniya: Sbornik [Selected Poems], Sostavl. M. Gavrilovoj. Moscow: OAO "Raduga", 2001. Na anglijskom yazike s paralel'nim russkim tekstom. 448 p. (In English and Russian).

Dickinson E. Izbrannitsa v belom [The chosen one in white]. Stikhotvoreniya. Per. s anglijskogo L. Valgurinoj i V. Avsijana. Moscow: Izdatel'skij dom "Zvonnitsa-MG", 2017, 256 p. (In English and Russian).

Gasparov M.L. Zapisi i vipiski [Notes and extracts], Moscow: Novoje literaturnoye obozrenije, 2001. 406 p. (In Russian).

Gurevich V.V. Prakticheskaya grammatika anglijskogo yazika [A Practical Grammar of English. Exercises and commentary], Uprazhneniya i kommentarii: ucheb. Posobije. 13th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 2018, 296 p. (In English and Russian).

Khairullin V.I. Perevod i freimy [Translation and Frames], Uchebnoe posobije. Moscow, Knizhnij dom "LIBROKOM", 2010, 144 p. (In Russian).

Kulpina V.G. Sistema tsvetooboznachenij russkogo yazika v istoricheskom osveshchenii [System of Russian Color Denotations against Historical Background]. Naimenovanija tsveta v idoevropskikh yazikakh: Sistemnij I istoricheskij analiz. Otv. red. A.P. Vasilevich. Moscow, KomKniga, 2007, pp. 126–185 (In Russian).

Latishev L.K. Tekhnologiya perevoda [Translation Technology]. Moscow: Akademia, 2008, 320 p. (In Russian).

Neljubin L.L. Tolkovij perevodovedcheskij slovar [Translation Defining Dictionary]. 4 izd., ispr., Moscow: Flinta: Nauka, 2006, 320 p. (In Russian).

Rakhilina E.V. O semantike prilagatelnykh tsveta [On the Semantics of Color Adjectives]. Naimenovanija tsveta v idoevropskikh yazikakh: Sistemnij I istoricheskij analiz. Otv. red. A.P. Vasilevich. Moscow: KomKniga, 2007, pp. 29–39 (In Russian).

Sdobnikov V.V., Petrova, O.V. Teorija perevoda [Translation Theory], (uchebnik dlya studentov lingvističeskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazikov), Moscow: AST: Vostok — Zapad, 2007, 448 p. (In Russian).

Sorokin Ju.A. Poeticheskij tekst i jego tsvetogrammi [Poetic Text and its color patterns], lingvolorizmi. Devjat' statej o poetičeskome tekste, Moscow: Institut jazikoznanija RAN, 2009, 140 p. (In Russian).

Р.Р. Хуснулина,

доктор филологических наук, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: razilya-kh@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ, ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПОЭТИКЕ ПОВЕСТИ ДЖОНА ФАУЛЗА «ЭЛИДЮК»

В данной статье исследуются англо-французские реалии, встречающиеся в повести Джона Фаулза «Элидюк», способы их передачи на русский язык, их применение автором для раскрытия сюжета и поэтики повести. Сложностью передачи реалий является отсутствие эквивалента в языке перевода, поэтому возникает необходимость выбора способа перевода.

Ключевые слова: перевод, поэтика, реалия, Джон Фаулз, художественное произведение.

Материалом данного исследования послужила повесть Джона Фаулза (1926–2004) «Элидюк». Поначалу она вышла в журнале «Иностранная литература» вместе с четырьмя другими повестями писателя: «Башня из чёрного дерева», «Бедняжка Коко», «Загадка», «Туча». Фаулз назвал сборник «Вариации», полагая, что повести варьируют отдельные темы предыдущих его произведений. Имея в виду заглавную повесть «Башня из чёрного дерева», Е.Ю. Гениева, представляя её русскоязычному читателю, заметила, что «по объёму она приближается к повести, а по своему существу, поставленным проблемам и богатству характеров — к роману» [Гениева, 1979: 188]. По решаемым темам и разнообразию сложных персонажей повесть «Элидюк» находится в том же ряду.

Таинственное, загадочное в жизни и искусстве, в глубинах психики людей по-прежнему не перестаёт волновать Фаулза. Проанализировать это можно не только литературоведческими методами. В данной работе как раз и показано, что раскрытию поэтики способствуют, в том числе, языковые приёмы, а именно — реалии. Можно усомниться в универсальности подхода, вместе с тем, нельзя не воздать должное художественному подходу автора статьи.

Выбор именно этой повести обусловлен большим, чем в других повестях Фаулза, соприкосновением английского писателя с французской культурой — и в образности, которая наполнена французскими приметами, и в самом содержании произведения,

насыщенного реалиями французской действительности. Автор произведения, являясь носителем английского языка, но специалистом по французской филологии, нередко транслирует реалии французской культуры в созданных им произведениях. Переводчики, в свою очередь, выступают связующим звеном некоего межкультурного общения, позволяя читателю погрузиться в мировоззрение одновременно двух наций.

Цель статьи заключается как раз в том, чтобы определить способы передачи англо-французских реалий на русский язык при переводе повести Джона Фаулза для понимания её. Актуальность данной темы в том, что в настоящее время вопрос о природе, типах реалий и способах их перевода является открытым. Вместе с тем, роль слов-реалий в процессе межкультурной коммуникации достаточно важна. Вопрос о реалиях, являющихся составной частью текста художественного произведения, представляет особый интерес. Он остаётся неразрешённым, поскольку до сих пор реалии рассматривались как лингвистические единицы вне художественного текста, не учитывались функции этих слов в контексте самого произведения. Представляет особенный интерес исследование различных способов перевода слов-реалий с точки зрения их роли в художественном тексте.

В литературном дискурсе «реалию» обозначают как наличие инаковости, выдуманной идентичности. Реалия может создать непере译имый текст, если в языке перевода нет эквивалентов данной реалии. Инаковость в литературном дискурсе состоит из маркеров всех жанров, таких как слова, включая имена собственные, высказывания, из которых они формируются, не говоря уже о метафорах и коннотациях, призванных играть ключевую роль в передаче культурных особенностей. Любой литературный текст, фаулзовский в особенности, полон реалий — слов и словосочетаний, выражающий отсутствующие в данной культуре и в данном языке понятия. Они имеют национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Особая эмоциональность писателя проявляется в применении реалий, которые автор использует в своём тексте.

В действительности, существует несколько классификаций реалий, предложенных разными исследователями. При составлении классификаций они обычно основываются на содержании реалии, её фоновую информацию. О классификации и сложности перевода франко-английских реалий на русский язык глубоко, словно походя, «со всех точек зрения» пишет Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2007: 483–506]. Вместе с тем, наиболее удобной классификацией в данной статье автор считает ту, что предложена

С.И. Влаховым и С.П. Флориним [Влахов, Флорин, 1980: 50]; она включает в себя предметное, временное и местное (локальное, точнее национальное, — *примечание моё. Р. Х.*). Но, вместе с тем, с ней не всегда можно согласиться, к примеру, ведя речь об именах собственных, которые Фаулз использует довольно часто. Реалия и имя собственное сплетены настолько тесно, что в ряде случаев отнести лексическую единицу к тому или другому классу лексики возможно лишь с опорой на орфографию. Ряд авторов, в том числе В.С. Виноградов, включают имена собственные в категорию реалий [Виноградов, 2001: 11], другие же, как упомянутые выше С. Влахов, С. Флорин, рассматривают реалии как класс безэквивалентной лексики. Однако перейдём к данным реалиям в своё время. А пока обратимся к предметным реалиям.

Предметное деление содержит: географические (топонимы), этнографические, социально-политические реалии. Географических реалий — множество:

Shaftesbury Abbey — аббатство в Шафтсбери, в графстве Дорсетшир;

the port of Totness — портовый город Тотнес;

Exeter — Эксетер, один из древнейших городов графства Девоншир.

Ещё больше — этнографических реалий (описывающих быт и культуру народа). Как пронизательно заметил Н.К. Гарбовский, этнографические реалии вообще принадлежат к наиболее рассматриваемой группе: «Вопросы перевода реалий, принадлежащих именно этой группе, изучаются особенно пристально потому, часто предметы быта, одежда, кушанья и т.п. в художественном тексте придают высказываниям определённый национальный, региональный или местный колорит, составляющий неотъемлемую часть поэтики» [Гарбовский, 2007: 483]. Повесть Фаулза изобилует этнографическими реалиями, необходимыми автору для передачи быта и нравов феодальной эпохи. Являясь одной из важнейших групп безэквивалентной лексики, реалии выступают как своего рода «хранители» и «носители» страноведческой информации, этим определяется их особая роль в художественном произведении.

Так, в «Элидюке» встречаем следующие этнографические реалии:

amour courtois (фр.) — куртуазная любовь, культ страсти;

en soudees remaneir (стар. фр.) — содержать на жаловании;

the Celtic romance — имеется в виду рыцарский роман Роберта де Борона, Кретьена де Труа и др.;

The British (the Celtic) imagination — художественное воображение бриттов, кельтских племён, заселявших Великобританию до прихода туда в V, VI веках германцев; the Camelot syndrome — Камлот, месторасположение легендарного дворца короля Артура, синдром Камлота — псевдо-медицинский термин, употреблённый Фаулзом иронически в значении маниакального увлечения кельтской стариной; defile (фр) — ущелье, через которое войска должны проходить цепочкой.

Как видно из перечисленных реалий, большинство — французского происхождения. Фаулз, передавая их на английском языке, интерпретирует их. В итоге *amour courtois* в его трактовке уже не культ страсти, а кодекс рыцарского поведения в феодальную эпоху. «Переводческое преобразование высказывания, — отмечает Н.К. Гарбовский, — произошедшее при переходе от французского языка к английскому, определяется термином пермутация. В переводе осуществлено синтаксическое преобразование «хода мысли», которое заключается во взаимном изменении позиций элементов высказывания» [Гарбовский, 2007: 496]. Такой пермутацией у Фаулза, как увидим ниже, и стала реалья *amour courtois*. Она помогает понять подтекст повести.

По сюжету, оклеветанный королём, рыцарь Элидюк в изгнании встретил и полюбил дочь короля Эксетера Гилядон. Два противоположных чувства борются в душе Элидюка — любовь к Гилядон и верность жене Гильдельвек. Вопреки всем условностям феодальной морали, кодексам куртуазного поведения (*amour courtois*), он целиком отдается своему чувству. Гильдельвек жертвует собой ради счастья любимого человека. Внутреннее благородство Гильдельвек, величие её души открываются перед читателем через акт её самопожертвования, а не через её авторское описание. Она дважды жертвует собой во имя Элидюка: сначала возвращает к жизни впавшую в летаргический сон и почитаемую умершей Гилядон, а затем добровольно уходит в монастырь. Из чего И. Линдблат делает вывод, что в произведениях Фаулза лейтмотив тайны соотносится с концепцией писателя о двух путях познания действительности: “*la bonne vaux*” и “*la princesse lointaine*” [Линдблат, 1978: 87]. Первый лейтмотив передаёт умение художника отдалиться от проблем реального существования, второй — выражает идею о необходимости художнику недостижимого идеала.

Любопытно, что эпиграфом к сборнику послужила цитата средневекового французского поэта Кретьена де Труа (ок. 1130 — ок. 1191) из романа «Ивэн, или Рыцарь со львом»:

Он побывал в лесах глухих,
Проехал много перепутий,
Встречал немало всякой жути
И, наконец, перед собой
Увидел в дебрях путь прямой... [Фаулз, 1980: 33]

(пер. В. Микушевича).

Если отталкиваться от идеи Линдблата, герой пытается преодолеть проблемы реального существования (перепутий, жути, дебри). Но в отличие от героя заглавной повести «Башня из чёрного дерева», Элидюк достигает недостижимое — остаётся с возлюбленной. Фаулз как будто постоянно «проверяет» французские реалии на их частое несоответствие с реальностью, даже отдалённой, феодальной.

Обилие этнографических реалий позволяют читателю понять феодальную эпоху, главным образом, нравы. Так, говоря о the British (the Celtic) imagination, автор имеет в виду урок духовной стойкости бретонского рыцаря Элида, связанного двумя обетами верности: королю Бретани и любящей его жене Гильдельвек. И разве не акцентирует «пограничная ситуация» в натуре Элидюка высоких, благородных, подлинно нравственных качеств, которых недостаёт нашему современнику? Именно привлечением реалий бесконечно далёкий от нас мир бретонской легенды всё явственнее улавливает знакомые аккорды эмоционально-психологической темы предыдущих произведений Фаулза («Башня из чёрного дерева», «Коллекционер»): любовь, испытание, верность — только звучащей в «Элидюке» в новой аранжировке [Хуснулина, 2005: 242].

Эта сложная гармония замысла передаёт неразрывность текущего и минувшего, ощущение вечной возобновляемости тем. Безоговорочно счастливый финал, столь редкий для произведений Фаулза, кажется, благодаря преодолению этики средневековья внутренне освобождённой личностью Элидюка, естественным и закономерным. Из чего В.В. Ивашева заключает: «...маленькая повесть “Элидюк”, от которой неотделим аромат другой эпохи, служит Фаулзу поводом для демонстрации своего психологического мастерства — раскрытия психологии героев через их поступки и действия» [Ивашева, 1979: 62].

Говоря о содержании, вспомним также об общественно-политических реалиях (наименование понятий общественно-политической жизни):

wild Westerns — произведения о Диком Западе США;

black proof — печальное доказательство. Печальны жёсткие, окаменевшие структуры феодальной взаимозависимости, ригористические представления о супружеском долге и верности. Повествование хроникально-нейтральное.

Стоит заметить, что наибольшее количество общих черт реалии имеют с терминами. Как реалии, так и термины представляют собой чаще всего однозначные, лишённые синонимов слова и словосочетания, называющие предметы, понятия, явления. Среди обоих классов есть единицы иноязычного происхождения, а также единицы с исторически ограниченным значением.

Отличительными признаками реалий при сопоставлении с терминами можно считать национальную и историческую окрашенность и связь преимущественно с художественной литературой. Рассматриваемые лексические категории отличаются и по способу проникновения в другие языки: термин получает распространение вместе с предметом, названием которого является, реалия проникает в другой язык чаще из литературы.

Временные реалии играют свою роль в раскрытии характеров персонажей. К ним относят современные реалии, существующие в данное время. Реалии характеризуются гибкостью: не теряя своего статуса, они могут одновременно относиться к нескольким лексическим категориям. Кроме того, по наблюдениям С. Влахова и С. Флорина, в большинстве своем реалии — имена существительные, что закономерно, поскольку, исходя из рассмотренных выше определений, реалии чаще всего называют предметы и явления:

sci-fi (сокр.) — научная фантастика;

Finals — выпускные экзамены в университете;

Latinities — латинизмы;

desmesure (фр.) — избыток страстей; в повести страсти напоминают современные, отнюдь не куртуазные. Фаулз вновь тем самым хотел показать нетрадиционный куртуазный роман, он умело воссоздал лёгкую пародию на него.

Resit and discours (фр.) — термины, обозначающие жанры коротких прозаических произведений — рассказ и публичная речь. Последняя характерна для куртуазного романа, а в повести, тоже куртуазной, даются рассказы персонажей о явлениях, событиях, чувствах.

A defile — узкое ущелье, через которые войска должны пройти цепочкой.

Если задуматься об этой реалии, наш герой Элиджок словно всё время движется по узко очерченному пространству и, балансируя, в итоге находит свой прямой путь. Не случайно, Хэйман называет Фаулза “a fabulator”, писателем, в чьих произведениях на первый план выходит композиция, произведение, которое бы «взбудоражило читателя» [Хэйман, 1977: 67].

Все перечисленные современные реалии можно отнести к коннотативным реалиям, в противоположность денотативным, обозначают предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и обслуживающем её языке дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присущих только данной культуре.

Интересна и следующая реалия: *against chords and arpeggios* — под аккомпанемент аккордов и арпеджио; арпеджио (ит.) — особый приём исполнения тонов аккорда не одновременно, а в быстрой последовательности одного за другим.

Этот приём «арпеджио» характерен для всей структуры повести, в ней действие происходит отнюдь не поступательно, однолинейно, а с включением множества случайностей, которые меняют ход повести и поведения героя. И эта итальянская реалия не менее важна для понимания поэтики, чем множество других, французских и английских.

«Сущность искусства заключается в его свободе ломать установленные стандарты», — писал Джон Фаулз [Фаулз, 1979: 16]. Этой формулировке он был верен на протяжении всего своего творчества. Тем более, что он, по мнению критика, несмотря на разнообразие стилей, жанров и идей в своих произведениях, проявлял устойчивый, постоянный «интерес к определенным темам и идеям, определенному человеческому опыту, отношениям и понятиям» [Олсхены, 1980: 8].

С ней можно соотнести и фразу Фаулза из предыдущей повести «Башня из черного дерева», которую он с определенным смыслом применил в обращении к «Элиджику»: “I have a dead weasel on my conscience; and deeper still, a dead woman” — герой раздавил на шоссе маленького зверька — ласку, но аллегорический смысл фразы: он психологически раздавил влюбленную в него Диану.

В нашей повести Элиджику тоже приходится подвергнуть испытаниям жену, но из этих перипетий он, феодальный герой, ограниченный нравами феодальной эпохи, выходит достойно. Такие временные реалии, где прошлое соприкасается с современностью,

очень характерны для прозы Фаулза. Цель — в полученном Дэвидом уроке: современный человек, он может в ситуации выбора предпочесть и умение быть правдивым как в картинах, которые он пишет, так и с Дианой. Он зажат, испуган, для него много значат условности, принятые в современном обществе. Напротив, Элидюк, живущий в мире рыцарских условностей, выбирает того, кто ему дорог.

Желая быть точным и правдивым, Фаулз также использует и временные исторические реалии, обозначающие понятия, характерные для прошлого определенной социальной группы:

Watergate — Уотергейтское дело, судебное расследование в США 1972 года противозаконных действий администрации правительства Р. Никсона; Реалии, будучи наименованиями понятий, культурных и исторических явлений определенного народа и страны, отражают тот или иной отрезок действительности, следовательно, тесно связаны с внеязыковой действительностью. Внеязыковой фон, созданный «ситуативными реалиями»: иносказаниями, словами-реалиями, аллюзиями, намеками — отражается в тексте перевода.

The matiere de Bretagne (фр.) — «бретонские повести», сюжеты которых восходят к бретонским фольклорным источникам, к лэ бретонской поэтессы XII века Марии Французской.

Обращение Фаулза в «Элидюке» к бретонским преданиям, к лэ, было отнюдь не случайным. В «Заметке личного характера», предваряющей новеллу, он пишет, что кельтская литература оказала большое влияние на развитие всей европейской литературы. Но этот факт ещё не нашёл должного признания. Прежде всего, на его взгляд, кельты внесли в литературу то, что мы сейчас называем художественным. Хотя «можно снисходительно улыбаться над наивностью и примитивной техникой построения таких рассказов, как “Элидюк”, но я думаю, что это порядочно со стороны любого писателя — и по очень простой причине. Он наблюдает своё собственное рождение» [Фаулз, 1981: 120].

Лэ Мари Французской привлекло Фаулза тем, что в нём поднимаются проблемы, близкие писателю: «Она внесла совершенно новый мотив в европейскую литературу, который определялся не только изображением плотской любви и свойственного женщинам понимания человеческого поведения — но и как поведение человека и моральные проблемы могут быть выражены через диалог и действия» [Там же: 122]. Далее Фаулз продолжает: «Марию больше интересует человеческое сердце, чем бессмертная душа» [Там же: 124].

Уже упомянутое лэ относится к числу местных реалий, оно включает в себя те, что находятся в плоскости одного языка — заимствования, транскрибированные реалии другого языка: Lais — лэ, в бретонской и средневековой французской литературное произ-

ведение, написанное ритмической прозой, исполнение которой сопровождается музыкой и жестами. В результате данного исследования выявлено, что транслитерация и транскрипция являются достаточно употребительными способами передачи реалий в повести Фаулза, именно они способствуют передаче экспрессивности и различных коннотаций оригинальности. Лэ в то же время можно назвать денотативной реалией — фактом языка, который обозначает явление языка, характерное для данной культуры и не имеет соответствия в сопоставляемой культуре. Порой местные применяются при передаче географических реалий, то есть топонимов: the Victoria and Albert Museum — Музей Виктории и Альберта в Лондоне, создан в 1857 году и назван в честь королевы Виктории (1837–1901) и её супруга Альберта (1819–1861), национальный музей изящных и прикладных искусств всех стран и эпох. Основным критерием отличия таких реалий от других классов лексических единиц является её национальная окраска. Специалист по французскому языку, Джон Фаулз использует в своих произведениях немало французских реалий (имена собственные), которые были переданы им на французском языке:

Marie de France — Мария Французская, бретонская поэтесса XII века, Alain-Fournier's "Le Grand Meaulnes" — речь идёт о романе «Большой Мольн» (1913) Алена Фурнье (наст. имя Анри Албан Фурнье, 1886–1914).

В то же время присутствуют и английские реалии: St. Nicholas — св. Николай, покровитель детей и моряков, St. Clement — св. Клемент, по преданию принял мученическую смерть, будучи брошен в море привязанным к якорю. Словно такая же участь ожидала и Элидюка.

Совершенно естественно, что подобные реалии нужны для придания большей достоверности того, о чём он пишет. Для него искусство — сопричастность к реальной жизни, правде. Литературу он считает «инструментом анализа и способом воздействия на личность и общество» [Фаулз, 1982: 167].

По словам П. Конради, произведения Фаулза — это всегда «новый поиск подлинной человеческой личности, место, где герой подвергается тяжёлому испытанию» [Конради, 1982: 109].

Таким образом, проблематика передачи англо-французских реалий заключается в том, что они, как правило, не имеют эквивалента в языке перевода, который бы точно отражал национальную, историческую, культурную и бытовую окраску. Они также способствуют раскрытию идеи повести. «История самосознания личности, поиски человеком собственного «я» проходят через всё творчество Фаулза. В раскрытии этой темы он движется от самодовлеющей

сути человеческой личности к пониманию её исторических связей, социального опыта. Этим желанием определяется и изменение художественной системы Фаулза» [Саруханян, 1982: 120]. В «Элидюке» он полностью меняет художественную систему рыцарского романа. В этом неопределима роль использованных автором реалий.

Проанализировав реалии повести «Элидюк» Фаулза, можно отметить, что существует несколько способов их передачи на русский язык. Транслитерация, перевод с использованием функционального аналога употребляется для того, чтобы отразить этнографические реалии. Реалии используются для передачи культурного колорита в тексте повести. При переводе реалии требуют особого подхода, поскольку не имеют точных соответствий в других языках, будучи носителями национального и/или исторического колорита. Сталкиваясь с реалией в тексте оригинала, переводчик должен выбрать наиболее адекватный способ передачи смысла реалии, от чего и будет зависеть, насколько понятным будет текст повести для русскоязычных носителей. Вместе с тем, поскольку каждый из приёмов передачи слов-реалий имеет свои достоинства и недостатки, то следует использовать комбинированные способы перевода культурно-маркированных единиц, не ограничиваясь одним приёмом, а сочетая два или три, например, транскрипцию и описательный перевод, или же давать пояснение или комментарий каждой реалии. Перевод слов-реалий — творческая процедура, требующая от переводчика хорошего уровня культурной и страноведческой подготовки.

В предисловии к русскому изданию повестей, Е.Ю. Гениева отметила, что Фаулз «постоянно вырывает героя из привычного окружения, привычных связей» [Гениева, 1979: 187]. Используя реалии, преимущественно французские, автор точно так же, как и героев своих произведений, вырывает из определённого контекста, отражая их нередко уже в другой ситуации. Не случайно эпиграфом к повести он взял старо-французскую реалию:

“De un mut ancien lai bretun

Le cunte e tute la reisun

Vus dirai...” (стар. фр.) — «Из очень старого бретонского лэ содержание и смысл моего рассказа» [Фаулз, 1980: 133]. Но это лэ переосмыслено в новых условиях в духе “the Celtic romance” [Там же: 134], с нарушением принципов рыцарского романа.

Игра этих двух реалий — французской и английской — помогает автору разрушить утешительные псевдоистины, и наш феодальный герой Элидюк остаётся со своей возлюбленной. Она также помогает развенчать иллюзии и самообманы о любви, о потерянном и вновь обретенном счастье.

Список литературы

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М: Международные отношения, 1980. 343 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.

Гарбовский Н.К. Теория Перевода. 2-е изд. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.

Гениева Е.Ю. Послесловие // Иностранная литература, 1979, № 3. С. 185–189.

Ивашева В.В. Что сохраняет время. Литература Великобритании 1945–1977. М: Советский писатель, 1979. 336 с.

Ответственность таланта: Слово писателям мира. Джон Фаулз // Иностранная литература, 1982, № 4. С. 165–168.

Саруханян А.П. Роман среды и характера: английская литература 70-х годов // Новые художественные тенденции в развитии реализма на Западе. 70-е годы. Наука, 1982. 320 с.

Хуснулина Р.Р. Английский роман XX века и наследие Ф.М. Достоевского. Казань: Изд-во Казанского университета, 2005. 260 с.

Conradi P. John Fowles. L., N.Y., 1982. 109 p.

Haynman R. The Novelist today, 1967–1975. L., 1977. 95 p.

Lindblat I. La bonne vau, la princesse lointaine. Studies in English philosophy, linguistics and Literature — Stockholm, 1978. P. 87–101.

Olshen B.N., JIshen J.A. John Fowles. A Reference Guide. — Boston: Library of Congress Cataloging in publication Data, 1980. 88 p.

Fowers J. A novelist Looks at politics / Morning star, 1979, September, 22, pp. 16–17.

Razilya R. Khusnulina,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: razilya-kh@yandex.ru

LANGUAGE REALIA AND THEIR MEANINGS IN JOHN FOWLES'S *ELIDUC*

The article studies various English and French realia found in *Eliduc* by John Fowles, the ways of their translation into Russian, their use for a better understanding of the plot and the poetics of the story. The main difficulty any translator faces when dealing with realia is the absence of equivalents in the target language, therefore it is necessary to choose relevant translation methods.

Key words: translation, poetics, realia, John Fowles, fiction.

References

- Conradi P.* John Fowles. L., N.Y., 1982. 109 p.
- Fowers J.* A novelist Looks at politics / Morning star, 1979, September, 22, pp. 16–17.
- Garbovsky N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation]. 2 izd. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).
- Genieva E.Y.* Posleslovie [Epilogue]. Foreign Literature. 1979, № 3. P. 185–189 (In Russian).
- Haynman R.* The Novelist today, 1967–1975. L., 1977. 95 p.
- Ivasheva V.V.* Chto sohranyaet vremya. Literatura Velikobritanii 1945–1977 [What time keeps? Literature of Britain 1945–1977]. Moscow: Sovetskiy pisatel, 1979. 336 p. (In Russian).
- Khusnulina R.R.* Angliyskiy roman XX veka i nasledie F.M. Dostoevskogo. [English XX century novel and the heritage by F.M. Dostoevsky. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2005. 260 p. (In Russian).
- Lindblat I.* La bonne vaux, la princesse lointaine. Studies in English philosophy, linguistics and Literature — Stockholm, 1978, pp. 87–101.
- Olshen B.N., Ilshen J.A.* John Fowles. A Reference Guide. — Boston: Library of Congress Cataloging in publication Data, 1980. 88 p.
- Otvettvennost talanta: Slovo pisatelyam mira. Djon Faulz [A word to the writers of the world. J. Fowles]. Foreign Literature, 1982, № 4. P. 165–168 (In Russian).
- Sarukhanyan A.P.* Roman sredey i kharaktera: angliyskaya literatura 70-h godov // novyye khudogestvennyye tendentsii v razvitiy realizma na Zapade. 70-e gody. [New artistic tendencies in development of realism in Foreign countries]. Nauka, 1982. 320 p. (In Russian).
- Vinogradov V.S.* Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) [Introduction in interpretation] Moscow: Izd-vo in-ta obshchego srednego obrazovaniya RAO, 2001. 224 p. (In Russian).
- Vlahov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in Translation] Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 343 p. (In Russian).

Источники

- Фaulz Джон.* Пять повестей: Башня из чёрного дерева. Элиджук. Бедный Кокко. Энигма. Туча: Повести. М: Прогресс, 1980. 246 с.
- Fowles J.* The Ebony tower. L: Granada, 1981. 304 p.

Sources

- Faulz Dzhon.* Pyat' povestej: Bashnya iz chyornogo dereva. Ehliidyuk. Bednyj Koko. Ehnigma. Tucha: Povesti [Five novels: ebony Tower. Jelidjuk. Poor Coco. Enigma. Cloud: The Story]. Moscow: Progress, 1980. 246 p. (In Russian).
- Fowles J.* The Ebony tower. L: Granada, 1981. 304 p.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

М.Н. Ветчинова,

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета; e-mail: marx2003@list.ru

ПЕРЕВОД КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (Из истории методики перевода XIX в.)

В статье представлены различные способы перевода, которые использовались при обучении иностранному языку в XIX веке. Показаны варианты, предложенные англичанами Гамильтоном и Робертсоном, французом Жакото, дана их оценка русскими лингвистами и педагогами.

Ключевые слова: перевод, подстрочный перевод, Гамильтон, Робертсон, Жакото, XIX век.

В первой половине XIX века основным методом преподавания иностранных языков был переводной метод, имевший два основных направления: грамматико-переводное и текстуально-переводное. Сторонники первого направления в основу обучения ставили отдельные слова и предложения, иллюстрирующие грамматические явления. Главным было изучение грамматики, которая признавалась «гимнастикой ума». Сторонники второго — изучали иностранный язык на основе перевода связного текста.

В начале XIX века обучение новым иностранным языкам осуществлялось по аналогии с изучением латинского языка. Грамматики (первые учебные пособия для изучения новых иностранных языков) составлялись по образцу и подобию латинских. Даже начальные осмысления преподавания живых иностранных языков касались способов изучения грамматического материала. Так, известный немецкий педагог Иоган Зейденштикер (1765–1817) первым попытался ввести в обучение иностранным языкам некоторые педагогические принципы. Главным для него было осуществить реформу изучения грамматики, которая занимала основную часть учебного времени. Он сократил изучаемый грамматический материал и последовательность его изучения. Текст при этом служил лишь необходимым фоном для закрепления грамматических правил.

Большого внимания заслуживает опыт англичанина Гамильтона (James Hamilton, 1769–1831). Он много путешествовал, занимался торговлей и выработал метод обучения иностранному языку, идеи и основы которого он заимствовал у одного французского эмигранта, преподававшего ему немецкий язык в Гамбурге. Свои преподавательские занятия он продолжил впоследствии в различных городах Англии, снискав славу авантюриста, обладающего значительным практическим умом и неутомимой энергией.

Гамильтон был уверен, что основой преподавания языка должна служить книга, написанная на иностранном языке, содержание которой известно ученику. На своих уроках он пользовался «Евангелием от св. Иоанна», считая эту книгу самой лёгкой из всех, которые существуют. Суть его метода состояла в том, что учитель читает вслух и сам переводит прочитанное, причём ставит слова в том порядке, в котором они располагаются в родном языке. Учитель заменял в данном случае и грамматику, и словарь, но читая вслух, приучал воспитанника к звукам иноязычной речи. Гамильтон строго требовал, чтобы каждое слово было переведено с буквальной точностью, а перевод был обязательно подстрочным.

Так, гамильтоновский перевод начала «Евангелия от св. Иоанна» выглядел следующим образом:

Au commencement était la parole et la parole était avec Dieu et cette parole
К начало был(а,о) слово и слово был(а,о) с Бог и эта слово
était Dieu. Elle était au commencement avec Dieu. Toutes choses ont faites par
был(а,о) Бог. Она был(а,о) к начало с Бог. Все вещи имеют сделанные
par elle et rien de ce qui a été fait, n'a été fait sans
через она и ничего от то, что имеет сделанный не имеет бывший, сделанный без
elle.
она.

Противники Гамильтона часто приводили ради курьёза известное предложение:

Maintenant je n'ai point de mari.
Руко держа я не имею точка от мужа.

В течение первого урока Гамильтон проходил первые двенадцать стихов Евангелия. Таким образом, во время урока Гамильтон пользовался одним только текстом, подстрочный перевод предназначался для домашнего повторения. Нельзя не сказать, что повторение играло важную роль в методе Гамильтона. От ученика он требовал лишь прилежного повторения, весь же материал он излагал ученикам сам. На каждом последующем уроке ученик повторяет, переводит

предыдущий урок, а затем учитель продолжает чтение и перевод текста. Впоследствии ученик привыкал к этому способу и мог самостоятельно перевести текст после того, как учитель перевёл его вслух один только раз. Начиная с седьмого урока, ученики уже могли переводить сами, но с некоторой помощью учителя. За двенадцать уроков проходило всё Евангелие, и заканчивался первый курс обучения. Второй курс состоял из чтения хрестоматии, содержащей короткие лёгкие статьи. Однако переводилось уже не каждое слово отдельно, а по предложениям. Гамильтон считал, что ученик усваивал практическим путём множество слов, выражений, оборотов, а также грамматических форм, которые встречались чаще всего, т.е. самые употребительные, а следовательно, и наиболее необходимые. Третий курс включал изучение грамматики, сопровождавшееся домашними повторениями и упражнениями. На четвёртом курсе объём грамматического материала расширялся, вводились новые более сложные упражнения, перевод с родного языка на иностранный. Большое значение Гамильтон придавал обильному чтению и видел в нём самое действенное средство в изучении языка.

Очевидно, идея Гамильтона о точности перевода не подлежит сомнению, его ошибкой было то, что он без всякой подготовки заставлял ученика приниматься за чтение книги. Тем не менее, метод подстрочного перевода Гамильтона нашёл сторонников не только в европейских странах, но и в России. В 1864 году в Санкт-Петербурге вышла в свет брошюра «Сравнительное практическое изучение иностранного языка, основанное на одном постепенном чтении». Такое изучение языка через перевод текста признавалось «полезным и едва ли не самым удобным вспомогательным средством для скорейшего приобретения материалов к ознакомлению с языками иностранными не только юношеству, но и даже взрослым» [Сравнительное..., 1864: 3].

Почти одновременно с англичанином Гамильтоном, но независимо от него, француз Жакото (Joseph Jacotot, 1770–1841) пользовался методом преподавания иностранных языков, во многом похожим на метод Гамильтона. Жакото получил образование в Парижской политехнической школе, работал адвокатом, был директором политехнического училища и одновременно преподавателем языков и математики в Париже, затем профессором французского языка и литературы в Левене (Бельгия) [Орбинский, 1868: 572]. Главная цель его жизни — радикальная реформа всей образовательной системы. Он надеялся найти такой способ обучения, который способствовал бы «интеллектуальной эмансипации» человечества. Очевидно, человек, проникнутый такой идеей, не мог внести в преподавание

иностранных языков узких утилитарных взглядов. Для него обучение иностранным языкам представлялось одним из звеньев, и, по его мнению, самым важным в цепи приёмов и средств, с помощью которого достигается интеллектуальная эмансипация ученика. Одним из его методических принципов был постулат: «*Tout est dans tout*» (Всё во всём). Сходство в методе преподавания иностранных языков Жакото и Гамильтона заключается в том, что и тот и другой сразу без всякой подготовительной работы принимаются за чтение и перевод книги с учениками, уже умеющими читать на изучаемом языке, причём грамматика на начальном этапе совершенно устранялась. Но способ перевода у них был разный. Как отмечалось, Гамильтон сам переводил ученикам книгу, причём точности перевода он придавал большое значение. Жакото поступал иначе. Он давал ученику текст и его перевод, но перевод этот не отличался той буквальностью, которую требовал Гамильтон. Он заставлял ученика сравнивать по предложениям перевод с текстом, отыскивать в них соответствующие друг другу слова, определять их значение. Затем, разделяя слова текста на слоги, отыскивать значение каждого из них. Для работы он пользовался известным произведением Ф. Фенелонов «Приключения Телемака».

Предлагая такой способ, Жакото, очевидно, хотел стимулировать самостоятельность ученика, развивать его сообразительность. Он стремился не только научить ученика иностранному языку, как и Гамильтон, но вместе с тем, развить его умственные способности, что следовало из его воззрения на воспитание и обучение вообще. Он также придавал большое значение повторению, отмечая, что «при обучении самое существенное — это повторение — в нём всё, главный недостаток старых методов состоит именно в этом» [Недлер, 1894: 28]. Жакото требовал не только повторения предыдущего урока, но также и то, чтобы одна и та же книга прочитывалась с учениками несколько раз. Причём каждый раз следовало вникать глубже как в её содержание, так и в форму изложения, сопровождая более подробными объяснениями.

Главный принцип обучения Жакото основан на его убеждении, что необходимо изучить основательно одну книгу. Для этого необходимо: во-первых, понять её настолько, чтобы в ней не осталось ничего невыясненного для ученика; во-вторых, выучить её наизусть и часто повторять, чтобы ничего не забыть из того, что в ней встречается. Затем всё, что ученик слышит, читает, чему учится, ему следует сравнивать с прочитанным ранее. Только тогда можно будет понять и все остальные книги. Этому принципу всеми педагогами XIX столетия придавалось большое значение, а известный немецкий

педагог Карл Магер признавал «бессмертной заслугой Жакото весьма существенный дидактический принцип — всё новое рассматривать в связи с уже известным, который он провёл через всю свою систему с непреклонной последовательностью» [Недлер, 1894: 29].

Важным было и то, что чтение Жакото сопровождал объяснениями не только грамматики, но и содержания самого текста. Как только ученик приобретал достаточное количество грамматических сведений, то во время чтения, перевода и разбора предложений ему предлагались вопросы: почему это так? Откуда вы знаете, что это должно быть так? Не встречалось ли что-то подобное в чтении? Приведите примеры! А детальный разбор содержания текста без вопросов учителя Жакото считал невыносимым в силу того, что ученик, самостоятельно разбирая текст, довольствуется поверхностным, а не глубоким пониманием содержания.

Такая работа способствовала реализации одной из важных задач, которую ставил Жакото, — приучение ребёнка к самостоятельному изложению своих мыслей. Для этого требовалось использовать выражения, которые встречались во время чтения текста или книги. Подражания использовались в описании чувств, предметов, природы, личностей и т.д. Он требовал также общих рассуждений на темы, взятые из «Приключений Телемака». При этом ученик должен был не только сформулировать и изложить мысли персонажей, но и развить, мотивировать их.

Большое значение французский педагог придавал заучиванию наизусть, но он не требовал бессмысленного заучивания слов или предложений, а только той части текста, которая была предварительно прочитана, переведена и объяснена на уроке. Разумное заучивание наизусть он считал важным упражнением для развития памяти. Он был твёрдо убеждён, что ученик с плохо развитой памятью — это «бездонная бочка, сколько не вливай в неё, в результате — ноль» [Недлер, 1894: 31].

Таким образом, метод обучения иностранным языкам, предложенный Жакото, не был произвольным набором разнообразных упражнений, а напротив, представлял собой достаточное целое, центром которого явилось чтение и перевод.

Большой известностью в XIX веке пользовался, так называемый «метод Робертсона», англичанина, жившего в Париже. Он считал, что с появлением его метода «началась новая эра в преподавании иностранных языков». Он составил учебник «Nouveau cours pratique de langue anglaise» (1850), в котором использовал практически все идеи своих предшественников.

После того как ученик выучит азбуку, Робертсон предлагал ему связный рассказ для чтения, который снабжён гамильтоновским

подстрочным переводом. После разбора этих предложений он делил лист тетради на две колонки. В левой — должен был быть написан сам текст, а его перевод помещался в правой колонке. Затем, поочередно закрыв сначала правую колонку, произносить обязательно вслух слова левой и переводить их, а затем наоборот, т.е. выучить наизусть текст как левой, так и правой колонок. За подстрочным переводом следовал литературный перевод, а далее ряд упражнений, заимствованных у Жакото.

Говоря о методе подстрочных переводов, современники изучаемого периода отмечали, что Жакото, Гамильтон, Робертсон «сразу бросают ученика внутрь языка, давая ему в руки связный текст, применимые к этому тексту грамматические правила» [Ватаци, 1872: 655]. Естественно, в течение продолжительного времени ясное понимание всего встречающегося при чтении со стороны ученика представлялось невозможным. С одной стороны, французский способ основан на бессознательном усвоении и запоминании фактов языка, а с другой — на инстинктивном употреблении усвоенного и на присущую человеческой природе склонности к аналогии. Большое значение придавалось усиленному заучиванию наизусть, а также переводам с родного языка на изучаемый. Грамматическим упражнениям отводилось второстепенное место.

Русские учителя, работавшие по методу Жакото, свидетельствовали: «Метода Жакото (в Гатчинском воспитательном доме) доказала, что по этой методе дети развивались умственно и научились языку скорее и успешнее, нежели по старой методе» [Голицын, 1882: 34]. Однако высказывались мнения об антипедагогичности предлагаемого способа обучения из-за отсутствия образовательных элементов, т.к. язык усваивался бессознательно, а умственной деятельности отводилась незначительная роль, отрывочность знаний. Но по свидетельству учителей-практиков «эти недостатки искупались несомненными достоинствами, состоявшими именно в том, что этот метод давал весьма значительные практические результаты, а ученики действительно быстро изучали иностранные языки» [Смирновский, 1883: 2].

Список литературы

Ватаци А. О преподавании французского языка по методу профессора Плетца и о применении этой методы к нашим гимназиям // Педагогический сборник. 1872. № 7. С. 649–664.

Недлер Г.П. О классном преподавании иностранного языка. СПб., 1894. 113 с.

Орбинский Р. О преподавании иностранного языка // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. № 10. Т. 137. С. 546–661.

Смирновский И. О курсе чтения. СПб., 1883. 59 с.

Сравнительное практическое изучение иностранного языка, основанное на одном постепенном чтении. СПб.: Тип. М. Этингера, 1864. 14 с.

Marina N. Vetchinova,

Dr. Sc. (Pedagogy), Professor at the Department of Foreign Languages and Professional Communication, Kursk State University, Russia; e-mail: marx2003@list.ru

TRANSLATION AS A WAY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES: A CASE STUDY OF TRANSLATION TEACHING METHODS USED IN THE 19TH CENTURY

The article describes different ways of translation used in the process of teaching foreign languages in the 19th century. Some ways of translation offered by English scholars (e.g. Gamilton and Robertson) and the French scientist Jacotot are analyzed. Assessments of their works made by Russian scientists and linguists are presented.

Key words: translation, interlinear translation, Gamilton, Robertson, Jacotot, the 19th century.

References

Golitsyn, N.S. О преподавании иностранных языков в наших учебных заведениях [On foreign language teaching in our educational institutions]. St. Petersburg: Тип.: d-ра Khana, 1882. 80 p. (In Russian).

Nedler G.P. О классном преподавании иностранного языка [On foreign language teaching in everyday class]. St. Petersburg, 1894. 113 p. (In Russian).

Орбинский Р. О преподавании иностранного языка [On foreign language teaching]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya*, 1871. No. 10. Vol. 137, pp. 546–661 (In Russian).

Смирновский И. О курсе чтения [On a course of reading]. St. Petersburg, 1883. 59 p. (In Russian).

Сравнительное практическое изучение иностранного языка, основанное на одном постепенном чтении [Comparative practical foreign language learning based on progressive reading only]. St. Petersburg: Тип. М. Этингера, 1864. 14 p. (In Russian).

Vatatsi A. О преподавании французского языка по методу профессора Плетца и о применении этой metody к нашим гимназиям [On French language teaching according to Professor Pletz's method and its implementation in our lyciums]. *Pedagogicheskij sbornik*, 1872. No. 7, pp. 649–664 (In Russian).

Юе Жуйин,

аспирантка Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ В КИТАЕ

С развитием преподавательской деятельности устного перевода в Китае, китайские учёные приступили к активному исследованию по специализации обучения устному переводу и научному педагогическому дизайну дисциплин по устному переводу для подготовки профессиональных переводчиков в Китае. В статье рассматривается ряд дидактических концепций, принципов и моделей обучения устному переводу по взглядам китайских исследователей.

В статье развивается мысль о том, что теоретическая исследовательская работа по устному переводу в Китае началась относительно поздно по сравнению с западными странами. Китайская теория устного перевода продвигается под влиянием западных теорий по устному переводу, среди которых французская школа перевода оказала особенно большое влияние на китайские теоретические основы методики обучения устному переводу. Китайские теоретические основы методики обучения устному переводу, заимствовавшие западные передовые теории устного перевода, в настоящее время идут по пути онаучивания, систематизации и профессионализма, соответствующему китайской реальности, что заложило прочный фундамент для проведения обучения профессиональных устных переводчиков.

Ключевые слова: устный перевод, методика обучения, модель обучения, теория перевода.

В 70-х годах XX века дисциплина «Устный перевод» в Китае была только обязательным учебным предметом по специальности «Лингвистика» в учебных заведениях, а на сегодняшний день с ростом потребности китайского общества в профессиональных переводчиках дисциплина «Устный перевод» уже стала важной частью системы дисциплин по специальности «Перевод и переводоведение» в китайских вузах.

Проблема подготовки устных переводчиков для Китая не нова. За многие десятилетия накоплен достаточно богатый опыт подготовки переводчиков в комбинации английский язык — китайский язык [Костикова, 2017: 4]. Приоритетной языковой комбинацией

оказалась комбинация китайского языка с английским. Именно английский язык стал основным иностранным языком для всей массы китайских школьников. Для подготовки переводчиков главным образом с этой языковой комбинацией создавались высшие школы перевода в университетах Китая. Это было вполне оправданным, так как основной объём переводного материала составляли тексты на английском языке [Гарбовский, 2017: 8].

Однако академическому, научному и профессиональному сообществу предстоит ещё большая работа, чтобы вывести дидактику перевода на достойный уровень [Костикова, 2017: 4]. Как отметил китайский исследователь Гу Хунфэй²³ (顾鸿飞), обучение устному переводу не носит сколько-нибудь системного характера: «Не существует чёткой формулировки целей и задач этого курса, нет единого мнения о том, какой методики следует придерживаться в преподавании этой дисциплины (одна часть специалистов полагается на собственную интуицию, другая опирается на английскую систему) [Гу Хунфэй, 2002: 7].

Общая сила переводческой работы в Китае всё ещё не совпадает с требованиями национального культурного строения и развития общества. Существуют в Китае немало факторов и проблем, возможно влияющих на здоровое развитие переводческой работы, особенно проблема по недостатку профессиональных устных переводчиков. В связи с этим исследование теоретических основ методики обучения устному переводу в Китае чрезвычайно актуально.

Исследовательская работа по теории устного перевода в Китае началось в конце 70-х и начале 80-х годов XX века, в 90-х годах вступила в стадию развития [刘和平 / Лю Хэпин, 2005: 128]. По мере того, как наука о переводе стала отдельным учебным предметом в XXI веке, преподавательское дело устного перевода быстро развивается в Китае [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 164]. Под воздействием исследовательских результатов теорий устного перевода на Западе, методика обучения устному переводу в Китае, основываясь на поиске самими преподавателями педагогического опыта на первоначальном этапе, образовала на сегодняшний день определённую теоретическую опору и систему практики [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 174]. Китайские учёные, сочетая практическую преподавательскую деятельность в Китае, проводили обширное исследование по концепции и системе обучения устному переводу, что принесло особо активный эффект [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 166].

²³ Гу Хунфэй – профессор института иностранных языков Сямэньского университета (г. Сямэнь, КНР).

Профессор Пекинского университета языка и культуры Лю Хэпин (刘和平, 1955), профессор Сямэньского университета Линь Юйжу (林郁如, 1941), профессора Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли Чжун Вэйхэ (仲伟合, 1966), Му Лэй (穆雷) и Чжань Чэн (詹成) провели исследовательскую работу в сфере обучения устному переводу, результаты их исследований высоко ценят в Китае [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 166].

Профессор Лю Хэпин отдавала много сил рассмотрению интерпретативной теории перевода, выдвинутой представительницами французской школы перевода Д. Селескович и М. Ледерер на основании собственной многолетней переводческой практики [高彬 / Гао Пинь, 2016: 33]. Лю Хэпин стремилась к распространению интерпретативной теории перевода в Китае. Она расширяла теоретическую рамку обучения устному переводу в Китае и обогащала его модель практикой, опираясь на ядро интерпретативной теории перевода.

В своей основной монографии «Навыки устного перевода: ноэтика и методика обучения устному переводу» (кит. «口译技巧 — 思维科学与口译推理教学法» — «Коуи-дицзяо — сывэй-кэсюэ-юй-коуи-туэйли-цзяосюэфа») [Лю Хэпин, 2011], Лю Хэпин рассматривала процесс устного перевода, разъясняла главные особенности и имманентные законы мышления устного перевода, применяя исследовательские результаты ноэтической науки [Ibid.: 26]. Настоящая работа является результатом междисциплинарного исследования по теории науки о переводе.

Лю Хэпин сконцентрировалась на воспитании в учащихся сознания повышения навыков устного перевода и обучения научному переводческому мышлению. Она предлагала комплектную методику обучения устному переводу, так называемую «методику-умозаключение», которая возбудит у учащихся сознание навыков устного перевода [Ibid.].

Профессор Лю Хэпин полагала, что необходимо, применяя навыки психологии, разделить процесс устного перевода на разные этапы, включая слух, понимание, память, запись, порождение речи и т.д., и на каждом этапе обучать соответствующим навыкам, таким, например, как обучение вниманию, обучение концентрации слухового внимания, концентрации зрительного внимания, обучение распределению внимания, обучение автоматической обработке информации, обучение памяти на чувства, обучение знаковой памяти, обучение памяти на звуки, обучение кратковременной памяти, обучение произведению речи и т.д. Как отметила профессор Лю Хэпин, создание цельной системы обучения переводческим навыкам может быть реализовано в том случае, чтобы согласно различным

этапам процесса устного перевода обучать соответствующим переводческим навыкам [刘和平 / Лю Хэпин, 2011: 180].

В связи с этим обучение устному переводу представляет собой процесс тренировки психики, разделяющийся на разные этапы и имеющий различные акценты обучения на каждом этапе, обладает своеобразной закономерностью и системностью [Ibid.: 183]. Профессор Лю Хэпин указала, что по степени языковой трудности и степени сложности тем устного перевода можно разделить процесс обучения устному переводу на три этапа: начальный, средний и высший, а также установить педагогические центры тяжести и дидактику для каждого этапа обучения. «Приведём пример обучения устному переводу в специализированных вузах иностранных языков Китая: для бакалавров по специальности иностранных языков следует проводить обучение начального этапа устному переводу; для бакалавров по специальности перевода — обучение среднего этапа; для магистров по специальности перевода — обучение высшего этапа» [Ibid.: 184].

Как отметила профессор Лю Хэпин, проведение обучения устному переводу согласно данным трём этапам может постепенно создавать системность обучения устному переводу в Китае. На начальном этапе преподаватель должен в основном обучать учащихся восприятию переводческого процесса; на среднем этапе — обучать фундаментальным навыкам устного перевода; на высшем этапе — обучать специализации и автоматизации устного перевода [Ibid.].

Основываясь на обследовании преподавательской практики устного перевода в специализированных вузах иностранных языков Китая, Лю Хэпин выдвинула четыре этапа обучения навыкам последовательного перевода, в том числе этап обучения восприятию на слух, этап обучения памяти, этап обучения записи и этап обучения произведению речи. В преподавательском процессе пропорция каждого звена аудитории должна быть так распределена, что объяснение теории и оценка преподавателем работы учащихся — 30%, выступление ораторов — 35%, переводческая практика учащихся — 35% [刘和平 / Лю Хэпин, 2005: 120].

Д. Жиль является ещё одним из представителей французской школы перевода. С конца 80-х годов XX века он служит главным представителем исследовательских кругов устного перевода на Западе, применяющих естественно-научные методы исследования [王斌华 / Ван Пиньхуа, 2013: 17].

Д. Жиль сосредоточил своё мнение главным образом на переводческом процессе, провёл рассмотрение навыков, требуемых в ходе устного перевода. Он подчеркнул важность понимания текста

во время устного перевода, специально выдвинул модель понимания устного перевода: $C = KL + ELK + A$ (Comprehension = Knowledge for the language + Extra-linguistic Knowledge + Analysis) [Gile, 1995: 80], т.е. Понимание = Языковые знания + Экстралингвистические знания + Анализ.

Профессор Сямэньского университета (именуемого в дальнейшем «СУ») Линь Юйжу полагает, что хороший переводчик должен обладать высокой языковой компетенцией, энциклопедическими знаниями, профессиональными знаниями по определённому направлению, межкультурным сознанием и навыками устного перевода [林郁如 / Линь Юйжу, 1999].

На основании модели Д. Жилиа и вышеуказанных основных требований к профессиональному устному переводчику учебно-исследовательская группа СУ — «Китайско-английская группа по сотрудничеству в проекте английского языка» во главе с профессором Линь Юйжу и Джек Лонерганом (Jack Lonergan), профессором Вестминстерского университета Англии (University of Westminster), впервые выдвинула в Китае формулу развития компетенций устного перевода: $I = S + C + P$ (Interpreting = Interpreting skills + Comprehension + Professional standard), т.е. Устный перевод = Навыки устного перевода + Понимание + Профессиональный стандарт.

Модель Сямэньского университета, предлагаемая в 1996 году учебно-исследовательской группой СУ, представляет собой типичную модель в Китае, подходящую обучению устному переводу [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2001: 31–32; 陈菁 / Чэнь Цзин, 肖晓燕 / Сяо Сюянь, 2014]. Данная модель в определённой степени оказывала влияние на исследование теории устного перевода в Китае. Она подчёркивает, что обучение устному переводу должно фокусироваться на обучении навыкам, при этом языковое обучение, преподавание знаний и коммуникативной компетенции должны играть вспомогательную роль в ходе обучения устному переводу. Но в данной модели не наглядно показывается то, каким образом следует обучать каждой составной части переводческой компетентности, как установить конкретные звенья обучения устному переводу.

Профессор Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли (именуемого в дальнейшем «ГУ») Чжун Вэйхэ отметил, «Не только Д. Жилиа, но и Линь Юйжу, обратили особое внимание на то, что основным требованием к переводчику служат языковые знания, экстралингвистические знания и переводческие навыки» [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2003: 64]. Ж. Герберт [Herbert, 1952], известный переводчик старшего поколения также акцентировал, что хороший переводчик должен “know something

of everything and everything of something” (т.е. знать что-то обо всём и всё о чём-то).

В связи с этим, на основании модели Д. Жилия и модели Сямэньского университета профессор Чжун Вэйхэ [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2003: 63–65; 2007: 5–7] выдвинул формулу структуры знаний переводчика: $KI = KL + EK + S (P + AP)$ (Knowledge required for an interpreter = Knowledge for language + Encyclopedic knowledge + Professional interpreting skills and artistic presentation skills), т.е. Необходимые знания устному переводчику = Языковые знания + Энциклопедические знания + Профессиональные навыки устного перевода и артистические навыки подачи.

Согласно данной формуле профессор Чжун Вэйхэ разделил переводческую компетенцию учащихся на три части: двуязычную способность, экстралингвистические знания и навыки устного перевода, которые создают основные части модели обучения устному переводу, так называемой модели Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, именуемой в дальнейшем модель ГУ.

Чжун Вэйхэ предложил, что в системе обучения профессиональному устному переводу следует открыть дисциплины, выделенные на три типа: дисциплины по языковым знаниям и языковой компетенции, дисциплины по энциклопедическим знаниям и дисциплины по переводческим навыкам [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2012: 170]. Дисциплины первого типа ориентированы на усиление у учащихся способности восприятия и понимания речи на слух, способности произведения речи; дисциплины второго типа посвящены к углублению у учащихся энциклопедических знаний и знаний по специальным темам; дисциплины третьего типа направлены на повышение у учащихся навыков когнитивной обработки и переключения информации. Среди них профилирующими дисциплинами обучения являются дисциплины по навыкам устного перевода [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2016: 39–42].

Профессор Чжун Вэйхэ выдвинул четыре принципа обучения устному переводу. Во-первых, центром в ходе обучения устному переводу является развитие навыков; во-вторых, процесс обучения устному переводу должен быть разделён на несколько этапов; в-третьих, в ходе обучения устному переводу необходимо преподавать теорию устного перевода; в-четвёртых, следует сочетать обучение устному переводу с практикой устного перевода [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2007: 5–7].

Модель ГУ подчёркивает, что обучение устному переводу должно делать упор на обучение навыкам устного перевода, которое

должно состоять из трёх частей: разложения навыков, усиления навыков и интегрирования навыков. В связи с этим, преподаватель, во-первых, должен подразделить полный комплект навыков устного (последовательного и синхронного) перевода на конкретные области навыков, например, — восприятие на слух, информационная обработка, логическая реорганизация и т.д., отдельно объяснять и упражняться.

Во-вторых, преподаватель должен усилить переводческие навыки учащихся посредством большого объёма тренировок, ориентированных на проблемы по специальной языковой комбинации (напр. китайский язык — английский язык; китайский язык — французский язык и т.д.) и распространённым темам в устном переводе (напр. торговля, экономика, просвещение, наука и т.д.).

В-третьих, навыки должны быть применены и проверены на практике. Ввиду этого преподаватель должен интегрировать отдельные переводческие навыки, приобретаемые учащимися на предыдущих этапах обучения. С помощью проведения открытых уроков, аналоговых конференций и других практических тренировок устного перевода обучить учащихся применению переводческих навыков на практике, чтобы достичь цели обучения переводческой компетентности.

Согласно вышеуказанному педагогическому построению учебно-исследовательская группа Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 詹成 / Чжань Чэн, 2016: 39–42] на основании многолетней преподавательской практики построила цельную систему дисциплин по устному переводу, включающую два основных блока (блок «теория» и блок «практика») и три пути (один главный путь — путь «навыки», два вспомогательных пути — путь «язык», путь «знания по специальным темам»).

Блок «теория» представляет собой теоретическую основу формирования комплексной переводческой компетенции учащихся. Блок «практика» служит практической деятельности учащихся в ходе обучения устному переводу. Путь «навыки» означает освоение всех необходимых навыков для устного перевода; путь «язык» обозначает приобретение лингвистических знаний родного и иностранного языков; путь «знания по специальным темам» подразумевает расширение фоновых знаний в разных областях, где может применяться устный перевод.

Три пути связывают два блока, что приводит к превращению полученных учащимися теоретических знаний устного перевода в их практическую переводческую компетентность при помощи комплектного обучения по этим трём путям.

На основании концепции «два блока и три пути» учебно-исследовательская группа Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли установили следующие дисциплины:

Блок «теория» — «Теория и практика устного перевода», «Исследование устного перевода»;

Путь «навыки» — «Устный перевод на начальном этапе», «Последовательный перевод», «Зрительный перевод», «Синхронный перевод»;

Путь «язык» — «Устный перевод в китайско-английской комбинации»;

Путь «знания по специальным темам» — «Устный перевод по специальным темам», «Коммерческий устный перевод», «Судебный устный перевод», «Дипломатический устный перевод»;

Блок «практика» — «Смотр устного перевода», «Аналоговая конференция», «Профессия и стандарт устного перевода» [仲伟合 / Чжун Вэйхэ, 2001: 31–32].

Модель ГУ представляет собой результат реформирования преподавания устного перевода, проведённого учебно-исследовательской группой ГУ. Она является относительно цельной системой обучения устному переводу, которая может быть использована китайскими преподавателями устного перевода.

Теоретическая исследовательская работа по устному переводу в Китае началась относительно поздно по сравнению с западными странами. До 80-х годов XX века в Китае отсутствовала теоретическая и профессиональная система устного перевода. Исследование по методике обучения устному переводу находилось на эмпирической стадии. Преподавание устного перевода не могло отвечать потребностям переводческого рынка [穆雷 / Му Лэй, 1999: 63].

В Китае доминирует представление об устном и письменном переводе, сформировавшееся, вероятно, в результате многолетнего обращения к западным теоретическим школам перевода, к западной дидактике перевода, к западным образовательным моделям, как в различных деятельности, предполагающих различные теоретические построения, а также разные образовательные траектории [Гарбовский, 2017: 11].

Китайская теория устного перевода продвигается под влиянием западных теорий устного перевода, среди которых французская школа перевода оказала особенно большое влияние на китайские теоретические основы методики обучения устному переводу. По мнению автора, причина состоит в том, что во-первых, французская школа перевода в 70-х и 80-х годах XX века внесла большой вклад в дело исследования и преподавания устного перевода на Западе,

концепции французской школы перевода в то время пользовались значительным авторитетом в науке о переводе как на Западе, так и во всём мире.

Во-вторых, в конце 70-х годов XX века (1979 г.), когда исследовательская работа по теории устного перевода в Китае только начиналась, известный китайский переводчик и писатель Сунь Хуйшуан (孙慧双, 1938) впервые перевёл и опубликовал работу представительницы французской школы перевода на китайский язык, а именно докторскую работу Д. Селескович на тему «Переводчик на международных конференциях, проблемы речи и коммуникация» (*“L’interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication”*) [Seleskovitch, 1968], что вызвало внимание китайских исследователей к теоретическим концепциям французской школы перевода.

В-третьих, группа китайских учёных, в т.ч. профессора Бао Ган (鲍刚, 1957–1999), Лю Хэпин (刘和平, 1955) и Цай Сяохун (蔡小红, 1951), работающие в разных вузах Китая — Пекинском втором институте иностранных языков, Пекинском университете языка и культуры и Гуандунском университете иностранных языков и внешней торговли, в начале 90-х годов XX века получили обучение (либо получили докторскую степень, либо повысили свою квалификацию) в Высшей школе переводчиков Университета Парижа III — Новая Сорбонна (*École supérieure d’interprètes et de traducteurs (ESIT), Université Paris III — Sorbonne Nouvelle*), являющейся колыбелью французской школы перевода, что дало возможность китайским исследователям продвинуть распространение теоретических, методических и дидактических концепций французской школы перевода по Китаю.

Китайские теоретические основы методики обучения устному переводу, заимствовавшие западные передовые теории устного перевода, в настоящее время идут по пути онаучивания, систематизации и профессионализма, соответствующему китайской реальности, что заложило прочный фундамент для проведения обучения профессиональных устных переводчиков.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив: теория, практика, дидактика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2017. № 3. С. 6–25.

Костикова О.И. Наука о переводе в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2017. № 3. С. 3–5.

- Гу Хунфэй. Лингвистические основы устного перевода. Русский — китайский. М.: Валент, 2002. 127 с.
- Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 283 p.
- Herbert J. The Interpreter's Handbook [M]. Paris: Librairie De L' universite, 1952. 113 p.
- Seleskovitch D. L'interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication. Minard Lettres Modernes, Paris, 1968. 262 p.
- 王斌华. 口译规范的描写研究—基于现场口译较大规模语料的分析. 北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 256 p.
- Ван Пиньхуа. Описательное изучение норм устного перевода, основанное на анализе корпуса устного перевода на месте. Пекин: Изд-во исследования и преподавания иностранных языков, 2013. 256 с.
- 陈菁, 肖晓燕. 口译教学: 从理论到课堂[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2014. 162 p.
- Чэнь Цзин, Сяо Сяоянь. Обучение устному переводу: от теории к аудиторному преподаванию [M]. Шанхай: Изд-во преподавания иностранного языка, 2014. 162 с.
- 高彬. 同声传译理论与教学应用. 北京: 对外经济贸易大学出版社, 2016. 230 p.
- Гао Пинь. Теоретическое исследование синхронного перевода и его применение в обучении. Пекин: Изд-во Университета международной экономики и торговли, 2016. 230 с.
- 林郁如. 新编英语口语教程 (教师用书). 上海: 上海外语教育出版社, 1999. 118 p.
- Линь Юйжу. Новый учебник по устному переводу английского языка (версия для педагогов). Шанхай: Изд-во преподавания иностранного языка, 1999. 118 с.
- 刘和平. 口译理论与教学. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2005. 238 p.
- Лю Хэпин. Теория и преподавание устного перевода. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2005. 238 с.
- 刘和平. 口译技巧—思维科学与口译推理教学法. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2011. 186 p.
- Лю Хэпин. Навыки устного перевода: подход к обучению устному переводу. Пекин: Изд-во Китайской переводческой корпорации, 2011. 186 с.
- 穆雷. 中国翻译教学研究. 上海: 上海外语教育出版社, 1999. 322 p.
- Му Лэй. Исследование обучения переводу в Китае. Шанхай: Изд-во преподавания иностранного языка, 1999. 322 с.
- 仲伟合. 口译训练: 模式、内容、方法[J]. 中国翻译, 2001. № 2. 第30–33页.
- Чжун Вэйхэ. Обучение устному переводу: модель, содержание, методика [J]. Китайский переводчик, 2001. № 2. С. 30–33.
- 仲伟合. 译员的知识结构与口译课程设置[J]. 中国翻译, 2003. № 2. 第63–65页.

Чжун Вэйхэ. Структура знаний переводчиков и установка дисциплин по устному переводу [J]. Китайский переводчик, 2003. № 2. С. 63–65.

仲伟合. 专业口译教学的原则与方法[J]. 广东外语外贸大学学报, 2007. № 3. 第5–7页.

Чжун Вэйхэ. Принципы и методика обучения профессиональному устному переводу [J]. Вестник Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли, 2007. № 3. С. 5–7.

仲伟合. 口译研究方法论. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012. 230 p.

Чжун Вэйхэ. Методология исследования устного перевода. Пекин: Изд-во исследования и преподавания иностранных языков, 2012. 230 с.

仲伟合, 詹成. 口译专业教学体系的构建—广外口译专业教学体系理论与实践[J]. 中国翻译. 2016, No. 6. 第39–42页.

Чжун Вэйхэ, Чжань Чэн. Построение системы обучения по специальности устного перевода: теория и практика системы обучения по специальности устного перевода Гуандунского университета иностранных языков и внешней торговли [J]. Китайский переводчик, 2016. № 6. С. 39–42.

Yue Ruiying,

Postgraduate Student at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: alina_yueruiying@mail.ru

THEORETICAL FOUNDATION FOR THE INTERPRETATION DIDACTICS IN CHINA

With the development of interpretation teaching activities in China, Chinese scholars have begun to actively study the specialization of interpretation training methods as well as the scientific pedagogical design of interpretation disciplines to train professional interpreters in China. The article deals with a number of didactic concepts, principles and models of interpretation training programs suggested by Chinese researchers.

The article develops the idea that theoretical research work on interpretation in China began relatively late compared to the West. The Chinese theory of interpretation has been influenced by Western interpretation theories, among which the French translation school has had a particularly great influence on the Chinese theoretical foundations for interpretation didactics. The Chinese interpretation didactics has incorporated the most advanced Western theories of interpretation and is now moving toward scientification, systematization and professionalism, which has laid a solid foundation for professional training in the field of interpretation.

Key words: interpretation, didactics, teaching model, translation theory.

References

陈菁, 肖晓燕. 口译教学: 从理论到课堂[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2014. 162 p.

Chen Jing, Xiao Xiaoyan. Obuchenie ustnomu perevodu: ot teorii k auditornomu prepodavaniiyu [Interpretation Training: from Theory to Classroom Teaching] [M]. Shanghai: Izd-vo prepodavaniya inostrannogo yazyka, 2014. 162 p. (in Chinese).

高彬. 同声传译理论与教学应用. 北京: 对外经济贸易大学出版社, 2016. 230 p.

Gao Bin. Teoreticheskoe issledovanie sinkhronnogo perevoda i ego primeneniye v obuchenii [Theoretical Study of Simultaneous Interpretation and its Application in Teaching], Beijing: Izd-vo Universiteta mezhdunarodnoy jekonomiki i torgovli, 2016. 230 p. (In Chinese).

Garbovskiy N.K. Ustnyi perevod v uslovijah novyh politicheskikh i jekonomicheskikh iniciativ: teoriya, praktika, didaktika [Interpretation in the context of new political and economic initiatives: theory, practice, didactics]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoriya perevoda, 2017. No. 3, pp. 6–25 (In Russian).

Gu Hunfjej. Lingvisticheskie osnovy ustnogo perevoda. Russkij — kitajskij. [Linguistic basis of interpreting. Russian-Chinese languages]. Moscow: Valent, 2002. 127 p. (In Russian).

Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 283 p.

Herbert J. The Interpreter's Handbook [M]. Paris: Librairie De L' universite, 1952. 113 p.

Kostikova O.I. Nauka o perevode v Kitae [The Science of Translation in China]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoriya perevoda, 2017. No. 3, pp. 3–5 (In Russian).

林郁如. 新编英语口语译教程 (教师用书). 上海: 上海外语教育出版社, 1999. 118 p.

Lin Yuru. Novyi uchebnyk po ustnomu perevodu angliyskogo yazyka (versiya dlya pedagogov) [New English Interpretation Textbook (version for teachers)]. Shanghai: Izd-vo prepodavaniya inostrannogo yazyka, 1999. 118 p. (In Chinese).

刘和平. 口译理论与教学. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2005. 238 p.

Liu Heping. Teoriya i prepodavanie ustnogo perevoda [Theory and Teaching of Interpretation]. Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2005. 238 p. (In Chinese).

刘和平. 口译技巧—思维科学与口译推理教学法. 北京: 中国对外翻译出版有限公司, 2011. 186 p.

Liu Heping. Navyki ustnogo perevoda: podkhod k obucheniju ustnomu perevodu [Interpretation Skills: Approach to Teaching Interpretation], Beijing: Izd-vo Kitayskoy perevodcheskoy korporacii, 2011. 186 p. (In Chinese).

穆雷. 中国翻译教学研究. 上海: 上海外语教育出版社, 1999. 322 p.

Mu Lei. Issledovanie obucheniyz perevodu v Kitae [A Study of Translation Teaching in China]. Shanghai: Izd-vo prepodavaniya inostrannogo yazyka, 1999. 322 p. (In Chinese).

王斌华. 口译规范的描写研究—基于现场口译较大规模语料的分析. 北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 256 p.

Wang Binhua. Opisatel'noe izuchenie norm ustnogo perevoda, osnovanoe na analize korpusa ustnogo perevoda na meste [A Descriptive Study of Interpretation Norms, based on the Analysis of Large-scale Corpus of on-site Interpretation], Beijing: Izd-vo issledovaniya i prepodavaniya inostrannyh jazykov, 2013. 256 p. (In Chinese).

Seleskovitch D. L'interprète dans les conférences internationales, problèmes de langage et de communication. Minard Lettres Modernes, Paris, 1968. 262 p.

仲伟合. 口译训练: 模式、内容、方法[J]. 中国翻译, 2001. No. 2. 第30–33页.

Zhong Weihe. Obuchenie ustnomu perevodu: model', sodержanie, metodika [Interpretation Training: Model, Content, Methodology] [J]. Kitayskiy perevodchik, 2001. No. 2, pp. 30–33. (in Chinese).

仲伟合. 译员的知识结构与口译课程设置[J]. 中国翻译, 2003. No. 2. 第63–65页.

Zhong Weihe. Struktura znanii perevodchikov i ustanovka discipline po ustnomu perevodu [The Translators' Knowledge Structure and the Installation of Interpretation Disciplines] [J]. Kitayskiy perevodchik, 2003. No. 2, pp. 63–65. (In Chinese).

仲伟合. 专业口译教学的原则与方法[J]. 广东外语外贸大学学报, 2007. № 3. 第5–7页.

Zhong Weihe. Principy i metodika obucheniya professional'nomu ustnomu perevodu [Principles and Methodology of Professional Interpretation Training] [J]. Vestnik Guandun'skogo universiteta inostrannyh jazykov i vneshney trgovli, 2007. No. 3, pp. 5–7 (In Chinese).

仲伟合. 口译研究方法论. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012. 230 p.

Zhong Weihe. Metodologija issledovaniya ustnogo perevoda [Methodology of the Interpretation Study], Beijing: Izd-vo issledovaniya i prepodavaniya inostrannyh jazykov, 2012. 230 p. (In Chinese).

仲伟合, 詹成. 口译专业教学体系的构建—广外口译专业教学体系理论与实践[J]. 中国翻译, 2016, No. 6. 第39–42页.

Zhong Weihe, Zhan Cheng. Postroenie sistemy obucheniya po special'nosti ustnogo perevoda: teoriya i praktika sistemy obucheniya po special'nosti ustnogo perevoda Guandun'skogo universiteta inostrannyh jazykov i vneshney trgovli [The Teaching System Development in Interpretation Specialty: Theory and Practice of the Teaching System in Interpretation Specialty of Guangdong University of Foreign Languages and Foreign Trade] [J]. Kitayskiy perevodchik, 2016. No. 6, pp. 39–42 (In Chinese).

ПАМЯТИ

КАТАРИНА РАЙС (1923–2018)

Накануне своего 95-летия не стало теоретика перевода, педагога, переводчика Катарини Райс (Katharina Reiß / Reiss), которая по праву принадлежит к плеяде тех, кто оказал самое значительное влияние на становление и развитие науки о переводе XX века в Европе. Яркий представитель западногерманской переводческой школы, она долгие годы была на вершине Олимпа теории перевода. Эту высокую оценку, высказанную Кристианой Норд [Nord, 2018: 4], поддерживают многочисленные приверженцы теории критики художественного перевода К. Райс.

Талантливый испанист, она защитила диссертацию (Promotion, 1954) по художественному переводу с испанского на немецкий язык. В своих дальнейших теоретических исследованиях К. Райс основывалась на положениях, обоснованных в филологических, лингвокультурологических и переводоведческих работах своих предшественников: И.В. фон Гёте (J.W. von Goethe), Ф. Шлейермахера (F. Schleiermacher); Р.О. Якобсона; К. Бюлера (K. Bühler, Organonmodell, 1934/1999); А.В. Фёдорова; Ж. Мунена. В своём научном исследовании (диссертация Habilitation), посвящённом критике перевода, К. Райс установила правила перевода, базирующиеся на соотношении между типом текста и методом перевода (1976 и др.).

Основываясь на типах знаков модели органа, предложенные К. Бюлером, она провела параллели между тремя функциями знака и типа текста:

(1) функция знаков по отношению к предметам или ситуации — репрезентативная, информативная (informativ, в терминологии К. Райс);

(2) функция знаков по отношению к отправителю — выразительная, экспрессивная (expressiv, в терминологии К. Райс);

(3) функция знаков по отношению к получателю — апеллятивная, мотивирующая, оперативная (operativ, в терминологии К. Райс).

Преобладание одной из названных функций знака над другими рассматривается в качестве решающего фактора для определения типа текста: информативного, экспрессивного или оперативного.

Первую группу текстов образуют информативные тексты, другими словами, тексты, ориентированные на содержание. К ним К. Райс отнесла сообщения и комментарии прессы, репортажи, коммерческая корреспонденция, спецификации товаров, инструкции по эксплуатации технических приборов, патентные описания, грамоты, официальные документы, учебная и специальная литература всех видов, исследования, отчёты, трактаты, специальные тексты гуманитарных, естественных и технических наук. В качестве адекватного метода перевода К. Райс рекомендует стилистически нейтральный («прозаический») перевод. Здесь действует следующее правило: количество информации в ИЯ и ПЯ должно быть идентичным, другими словами, с позиций выражения инвариантности для этого типа текстов актуальна содержательная инвариантность.

Вторая группа текстов — экспрессивные тексты — ориентированы на форму, они актуализируют вербальную функцию отправителя. К. Райс причислила к этому типу художественные тексты разных жанров, понимая под «формой» способ выражения автором определённого содержания, то есть *как* автор излагает данное содержание, в отличие от информативных текстов, где на первом плане стоит то, *что* сообщается.

Что касается адекватного метода перевода, то для него был выбран термин «идентифицирующий перевод», введённый И.В. фон Гёте. Характеристика инвариантности для этого типа текстов состоит в сохранении эстетического воздействия на реципиента.

Третью группу текстов составляют оперативные тексты, их главным отличительным признаком оперативного типа текста служит ориентация на воздействие, отсюда следует, что инвариантность текста должна стремиться к сохранению апелляции адресанта, призыва, содержащегося в тексте. Метод перевода, предложенный К. Райс, называется «соответствующий призыву», или «адаптирующий» (по И.В. фон Гёте). При этом методе перевода, ориентированном на передачу апеллятивной функции текста, как считает К. Райс, необходимо учитывать социокультурный фон реципиента, что может выразиться в использовании в ПЯ специальных стилистических средств, а в случае необходимости может потребоваться замена культурно детерминированных «предметов».

В результате воздействия оперативного текста реципиент побуждается к определённому действию. К оперативным текстам относятся реклама, агитация, проповедь, пропаганда, полемика, сатира. При переводе этих текстов переводчик должен стремиться к тому, чтобы текст перевода мог вызвать такой же эффект, как оригинальный текст.

С позиций современной теории перевода, модель типологии текста К. Райс отражает уровень развития лингвистики текста в начале 1970-х гг. Постепенно в исследованиях типов текста наметился отход от функционального деления К. Бюлера к другим функциональным моделям, в частности, к типологии речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля. На это справедливо обратил внимание Эрих Прунч [Prunč, 2012, раздел 2.4].

Позже К. Райс выделила четвёртый тип текста, — аудио-медиаальные тексты, к которым относятся тексты, распространяемые радио и телевидением: радиокomentarии и сообщения, радиопьес и пр.; телефильмы, телепостановки и пр., а также все тексты, которые образуют единство с музыкой (шлягеры, гимны; оперы, оперетты, комедии, то есть сценические произведения). Аудио-медиаальные тексты К. Райс распределила между тремя типами текстов, упомянутыми выше:

1) текстами, ориентированными на содержание (доклады по радио, документальные фильмы);

2) текстами, ориентированными на форму (радиоочерки, телепостановки);

3) текстами, ориентированными на обращение (комедии, трагедии).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что специфика этого типа текста создаёт для переводчика дополнительные сложности, что выражается в обеспечении тождественного ИЯ воздействия на слушающего/зрителя ПЯ, поэтому возможны всякого рода отклонения в принимающей лингвокультуре.

Правило, которое формулирует К. Райс:

«Если от перевода текста, ориентированного на содержание, (критик) ожидает инвариантности плана содержания, от перевода текста, ориентированного на форму, — аналогии формы и эстетического воздействия, от перевода текста, ориентированного на обращение, — тождества эффекта, отвечающего обращению, то при переводе аудио-медиаальных текстов следует прежде всего оценивать, насколько удалось учесть условия неязыковой среды, присутствующие в оригинале, и степень участия дополнительных средств выражения в создании целостной смешанной литературной формы» [Райс, 1978: 226].

Актуальность этого правила связана с семиотическими моделями перевода.

К. Райс была среди тех европейских новаторов, кто создавал новую парадигму теории перевода. За несколько десятилетий XX века появились новые подходы в теории перевода, основанные на достижениях предшественников нескольких веков развития гу-

манитарных наук. Монография, написанная в соавторстве К. Райс с Хансом Фермеером (Hans J. Vermeer) «Основы общей теории транслатологии» (“Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie”), увидела свет в 1984 году. В 1991 году вышло второе издание на немецком языке, а вскоре книга была переведена на другие германские, а также романские и славянские языки. Эта монография стала одной из пионерных теоретических работ в области науки о переводе не только в немецких, но и европейских университетах более чем двадцати стран. Своё теоретическое обоснование в монографии получили теория эквивалентности и адекватности, теория скопос (или, чаще употребляемый термин: скопос-теория).

Появление последней явилось результатом разрабатываемой Г. Фермеером не лингвистического, а деятельностного подхода к теории перевода, для которого характерна целенаправленность переводческой деятельности. «Свержение исходного текста» (по Э. Прунчу) было по-разному понято теоретиками перевода, но значительная часть критиков считала, что этот принцип, несомненно, актуален для некоторых текстов или их отрывков, хотя и относится к тем креативным решениям, которые приводят к спорам. Скопос-теорию можно рассматривать сегодня, в узком смысле, как один из вариантов переводческих решений, и в широком смысле, как основу целенаправленной транскультурной деятельности, что весьма востребовано в современных моделях профессиональной деятельности переводчика [Prunč, 2012, раздел 5.2].

Более 70 лет деятельность профессора Катарины Райс была связана с развитием и становлением высшего профессионального образования в Германии и Австрии, она успешно работала в университетах Гейдельберга, Вюрцбурга, Майнца, Мюнхена и Вены.

В 2002 году Катарине Райс было присуждено звание почетного доктора философии Женевского университета (Швейцария). Она участвовала в организации фонда Евгения Бисера, состояла в правлении этого фонда до последних дней своей жизни.

Высокий профессионализм, одарённость учёного и педагога Катарины Райс нашли своё воплощение в книгах и статьях, которые вошли в круг классических работ XX века и стали обязательными для всех, кто занимается теорией и практикой перевода: студентов, аспирантов, учёных. Её идеи в таких областях теории перевода, как критика художественного перевода, функциональная теория перевода, типология текстов и моделирование текста в ПЯ, трансдисциплинарность перевода, — вызвали большой интерес, получили признание в университетской науке и профессиональной переводческой сфере, а сегодня находят новых последователей в разных странах.

Н.Н. Миронова

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ МОЛОДЫХ УЧЁНЫХ «ЯЗЫКИ. КУЛЬТУРЫ. ПЕРЕВОД»

В июле 2018 года прошёл VI международный научно-образовательный форум молодых учёных (специалистов в области преподавания русского языка и перевода) «Языки. Культуры. Перевод», организованный Высшей школой перевода (факультетом) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова при поддержке Отделения языка, литературы и культуры стран Причерноморского бассейна факультета гуманитарных исследований Фракийского университета имени Демокрита (г. Комотины, Греция), фонда «Русский мир» и АНО Институт перевода (Российская Федерация). В этом году форум проводился на базе Фракийского университета имени Демокрита.

Уже шестой год Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова проводит форум, где встречаются молодые учёные, преподаватели, аспиранты и студенты, чтобы обсудить актуальные проблемы перевода русской литературы на языки мира, межкультурной коммуникации и преподавания русского языка как в России, так и за рубежом.

В этом году в форуме приняли участие более 100 специалистов, студентов, аспирантов и преподавателей из России, Греции, Бельгии, Армении, Казахстана, Китая, Румынии, Польши, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Испании, Италии, Грузии, Беларуси, Франции, Марокко и других стран.

На торжественном открытии форума с приветственной речью выступили: директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент Российской академии образования Н.К. Гарбовский, который отметил важность проведения мероприятий, направленных на распространение русского языка и русской культуры; доктор исторических наук, заведующая отделением языка, литературы и культуры стран Причерноморского бассейна факультета гуманитарных исследований Фракийского университета имени Демокрита профессор М. Димаси; директор Русского центра Краковского педагогического университета Хелена

Плес. Участников форума приветствовали представитель метрополии Марониас и Комотини отец Софрониус и ответственный сотрудник мэрии города Комотини Афродита Карелиаду. Все выступающие отметили высокую значимость подобного мероприятия, направленного на укрепление позиции русского языка в мировом пространстве, и пожелали участникам плодотворной и интересной работы.

В рамках форума прошло 9 научных заседаний, позволивших обсудить самые разнообразные проблемы теории и практики перевода, методики преподавания русского языка как родного и как иностранного, вопросы взаимодействия и взаимного обогащения культур. Обсуждения велись в следующих направлениях: русский язык в системе подготовки специалистов межъязыковой коммуникации; наука о переводе в глобальном мире: история и современность; вопросы взаимодействия культур в межъязыковой коммуникации; русская литература в мировом литературном пространстве; перевод русской литературы на языки мира: проблемы и перспективы; культурно-антропологические аспекты межъязыковой коммуникации; современный русский язык: соотношение системы, узуса и нормы.

С докладами выступило более 50 участников форума: студентов старших курсов, аспирантов, начинающих преподавателей из России, Греции, Казахстана, Китая, Румынии, Польши, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Болгарии, Испании, Италии, Грузии и Беларуси.

С лекциями перед участниками форума выступили профессора и доценты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия): Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова, М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, Г.М. Литвинова, Гранадского университета (Испания) профессор Э. Керо Хервилья, Фракийского университета имени Демокрита (Греция) профессор Э. Харацидис и профессор М. Димаси.

Помимо этого, у участников форума была возможность участвовать в мастер-классе, посвящённом мастерству публичного выступления. Его проводил преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова А.Л. Пак, а также круглом столе, в ходе которого с большим интересом обсуждались вопросы, связанные с современным словообразованием в русском языке. Круглый стол был проведён доцентом Ижевского государственного университета И.А. Вотяковой. Большой интерес вызвали переводческие мастерские (работу переводческих мастерских организовывали преподаватели Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени Ломоносова А.И. Воюцкая, Д.С. Зигмантович и Лю Цзинпэн), где

участники смогли познакомиться с системой записи, использующейся в устном последовательном переводе, а также попробовали себя в роли переводчиков художественной литературы, предложив свои варианты перевода фрагментов романа «Гарри Поттер».

Большое количество участников собрали и практикумы по русскому языку, подготовленные директором русского центра (фонд «Русский мир») Краковского педагогического университета Х. Плес и преподавателями ВШП МГУ имени М.В. Ломоносова — М.В. Басовой, Д.А. Кольцовой и Е.Д. Леоненковой.

Иностранцы студенты, изучающие русский язык, активно принимали участие не только в мастер-классах, но и в интеллектуальных рингах, где могли проверить, насколько хорошо они знакомы с русской литературой, советским и российским кино, русскими пословицами, поговорками и фразеологизмами.

Работа форума завершилась музыкально-поэтической композицией, подготовленной студентами и преподавателями Высшей школы перевода, посвящённой жизни и творчеству великого русского писателя И.С. Тургенева «К 200-летию со дня рождения великого русского писателя». Спектакль вызвал большой интерес и получил высокую оценку.

Все участники форума «Языки. Культуры. Перевод» сошлись во мнении, что этот форум способствует укреплению международных отношений, популяризации русского языка, а также развитию совместных образовательных и научных проектов в сфере преподавания русского языка как иностранного, а также перевода русской литературы на языки мира.

*М.Н. Есакова,
Ю.Н. Кольцова*

РЕЦЕНЗИИ

Хухуни Г.Т., Беляева И.Ф., Валуйцева И.И., Осипова А.А.
ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.
Коллективная монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 100 с.

ISBN 978-5-9765-3869-6

Среди наиболее востребованных научных дисциплин, традиционно относимых к отрасли филологических наук, переводоведение в последние десятилетия, несомненно, занимает одно из ведущих мест. Об этом свидетельствует всё возрастающее количество работ, посвящённых как общетеоретическим проблемам перевода, так и отдельным вопросам, связанным с особенностями его различных форм и видов, спецификой переводческого дискурса в тех или иных сферах человеческой деятельности и др. Назовём в этой связи фундаментальный труд Н.К. Гарбовского «О переводе» (М: ФОРУМ, 2016, 752 с.), получивший широкий отклик у специалистов (см., в частности, рецензию, опубликованную в журнале «Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, № 4, 2016. С. 113–116), а также работы таких известных авторов, как Э.Н. Мишкурин, Н.Н. Миронова, О.И. Костикова и др.

Рецензируемая коллективная монография может рассматриваться как одно из таких исследований, представляя логичное продолжение предыдущих работ её создателей в области теории и истории перевода и переводческой мысли. Поскольку авторы стремились отразить результаты последних своих научных изысканий, в книгу, естественно, не вошли труды, получившие отражение в предыдущих монографиях, принадлежащих их перу. В этой связи можно было бы пожелать им в качестве дальнейшей перспективы изложить результаты своей многолетней работы в обобщающем исследовании, которое позволило бы представить их научное творчество в более полном и завершённом виде.

Однако и те вопросы, которые нашли отражение в рецензируемой монографии, достаточно наглядно демонстрируют широту интересов её авторов и те основные сферы науки о переводе, которые находятся в центре их внимания.

Прежде всего, назовём здесь разделы, предметом которых является исторический аспект интересующей нас области. Книга

открывается главой, посвящённой проблеме переводимости/непереводимости в концепции В. фон Гумбольдта, чьи взгляды по данному вопросу до сих пор вызывают острые дискуссии. За ней следует глава о специфике так называемой «романтической парадигмы» как особого этапа в развитии переводческой мысли. Опираясь на большое количество источников и анализируя отечественную и зарубежную специальную литературу, авторы убедительно доказывают необходимость тщательного и всестороннего учёта присущих её представителям взглядов на перевод, которые не могут быть сведены ни к прямолинейно понимаемому отрицанию возможности адекватного перевода, ни к наивному буквализму и калькированию особенностей исходного языка (хотя упреки подобного рода можно услышать и в наши дни).

Вместе с тем и явление переводческого буквализма не прошло мимо внимания авторов, которые подчёркивают, что последний «представляет собой весьма сложное, многоаспектное и обусловленное различными причинами явление, дальнейшее изучение которого можно признать актуальной задачей истории перевода и переводческой мысли» (с. 26). Думается, что такой вывод вполне оправдан, учитывая, что само понятие «буквализма» нередко используется не столько как научный термин, сколько как эмоционально-оценочная лексема (в подавляющем большинстве случаев — с резко негативной коннотацией).

Среди вопросов, связывающих переводческую проблематику с компаративистикой, авторы уделяют особое внимание освещению той роли, которую переводные тексты играют в качестве источников по изучению истории языка. В этой связи они подвергают анализу достаточно распространённое мнение об «искусственном» характере последних, отмечая, что само их противопоставление «естественным источникам» во многих случаях приходится рассматривать как относительное, поскольку нередко пришедшее через посредство перевода «чужое» становится практически неотличимо от «своего», прочно укореняясь в принимающем языке и воспринимаясь как исконное.

Наконец, говоря о проблемах общетеоретического характера, следует, на наш взгляд, упомянуть и рассмотрение ими вопросов, касающихся понятийного аппарата диахронического переводоведения. В этой связи анализируются такие термины, как «теория перевода», «переводческая традиция», «переводческие взгляды», «переводческие концепции», и предпринимается попытка выявить специфику каждого из них. Не остается без внимания и весьма актуальный вопрос о соотношении прескриптивного и дескрип-

тивного подходов к переводу. В монографии подчёркивается, что их прямолинейное противопоставление вряд ли оправданно, поскольку одной из наиболее характерных черт трудов классиков отечественной науки приходится считать наличие в теоретических построениях достаточно заметных элементов нормативизма.

Значительная часть книги отведена проблематике, связанной с различными аспектами библейского перевода. По понятным причинам она практически не рассматривалась в большей части трудов по переводоведению, создававшихся в нашей стране на протяжении почти всего XX в., и её разработка активизировалась лишь на протяжении последних десятилетий. Однако, хотя к настоящему времени российская наука о переводе располагает рядом специальных работ в данной области (упомянем здесь только монографию А.С. Десницкого «Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с.), ряд весьма существенных для данной области фактов требует дальнейшего изучения. В этой связи нельзя не обратить внимание на широту тематики, представленной в рецензируемом труде — от анализа английских католических переводов Библии до русскоязычной версии, предназначенной для исламской аудитории. В соответствии с областью своих научных интересов авторы уделяют особое внимание различным аспектам репрезентации реалий при передаче текста Священного Писания, чему посвящён весьма интересный раздел о том, как воспроизводятся римские реалии в существующих русских, английских и немецких версиях Библии.

Подводя итог нашей рецензии, хотелось бы отметить, что, сохраняя высокий научный уровень, книга написана ясным и понятным языком, что позволяет рекомендовать её не только специалистам в области теории и практики перевода, но и гораздо более широкому кругу представителей гуманитарных дисциплин — историков, литературоведов, религиоведов и др., которые могут найти в ней немало интересного материала.

В.В. Ощепкова,

зав. кафедрой английской филологии
Института лингвистики и межкультурной коммуникации
Московского государственного областного университета,
доктор филологических наук, профессор.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуроев Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, док-

тор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Alexeeva, Irina S., Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium);

Belsky, Yevgeniy V., Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy);

Gorshkova, Vera Ye., Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Isolahti, Nina B., School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Koltsova, Yulia N., Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Lee-Jahnke, Hannelore, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Marusenko, Mikhail N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mishkurov, Edward N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Pan, Yong-Kyo, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Forstner, Martin, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Eleferios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece);

Holzer, Peter, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia);

Schmitt, Peter A., Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

– необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

– текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

– *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

– необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

– наличие списка ключевых слов после аннотации на русском и английском языках;

– *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

– *примечания* в виде постраничных сносок. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

– *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (In Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *О. В. Кокорева*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж экз. Изд. № 11 059. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410 004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2018. № 3. С. 1—136.